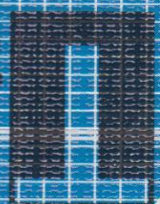

ISSN 2073-5618

ДОПОЛНЕНИЕ

Переводчик

№ 13 2013

Забайкальский государственный университет

**Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России**

**Научно-художественный журнал
№ 13 – 2013**

П Е Р Е В О Д Ч И К

**Чита
ЗабГУ
2013**

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407
П 8.3.

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак к.ф.н., доц. кафедры английского языка ФИЯ ЗабГГПУ,
руководитель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России.

Редакционный совет:

Л. О. Гуревич Президент Союза переводчиков России.

Т. В. Воронченко д.ф.н., проф., директор НИИ филологии и межкультурной
коммуникации ЗабГУ.

М. В. Константинов д.ист.н., профессор кафедры истории ЗабГУ.

Редакционная коллегия: Т. И. Суханова, Л. В. Эмирзиади, О. Н. Терешин,
И. Н. Силицкая.

Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России). Выпуск 13 / Забайкал. гос. ун-т; гл ред. О. В. Стельмак. – Чита: Издательство 2013. – 253 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Раздел «Дебют» представляет молодых одарённых переводчиков. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д.ф.н., проф. Т. В. Воронченко). Раздел «В копилку переводчика» знакомит читателей с работами мастеров в области теории и практики перевода. Раздел «Лексикография» может оказаться полезным для переводчиков-практиков. Разделы «Земля Даурская» (ред. к.ф.н., доц. Т. И. Суханова) и «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) адресованы краоведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы, конкурсы!!!», «Перлы переводчиков».

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407

© ЗабГУ, 2013

С о д е р ж а н и е

Информация

Информационное сообщение. Решения Пленума Правления СПР (21 марта 2013 года) о подготовке к VIII съезду СПР.....	5
Знаковые события 2012 года: Ирина Ковалёва. Бакинский симпозиум литературных паромщиков.....	7

Новые переводы поэзии и прозы

Поэзия

Фернандо Пессоа. Из цикла «Крестный путь». Перевод с португальского Геннадия Зельдовича.....	11
Современная вьетнамская поэзия. Хыу Тхинь. Перевод с вьетнамского Николая Переяслова.....	16
Поэзия Артура Конан-Дойла. Из-за туч золотой заблещет луч. Перевод с английского Сергея Александровского.....	20
Дженет Литтл. Шотландская поэзия. Предисловие и перевод с английского Евгения Фельдмана.....	28
Роберт Луис Стивенсон. Романтика – душа жизни. Лирика. Перевод с английского Евгении Славороссовой.....	35
Матюрен Ренье. Эпиграммы и сатиры. Предисловие Майи Квятковской. Перевод с французского Владимира Васильева и Майи Квятковской.....	41
Постигаая Шекспира. Вступительная статья и перевод с английского отрывка из трагедии «Гамлет» Ашота Сагратяна.....	45
Золотая вершина Батожаргала Гармажапова. Из книги «Воспоминания о вечности». Перевод с бурятского Бориса Макарова.....	57
Из русинской поэзии. Иван Петровций. Лирика. Перевод с русинского Ивана Белокрылова и Ирины Ковалевой.....	62
Современная монгольская поэзия. Гомбожавын Мэнд-ооёо, Ринчений Чойном. Перевод с монгольского Виктора Балдоржиева.....	65
Тема смерти у поэтов миланской скапильятуры. Перевод с итальянского Андрея Сапёлкина.....	70
Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Перевод с английского Валентины Брилевой.....	77
Элла Уилкоккс. Засмеёшься – мир тебе ответит.... Стихи. Перевод с английского Ольги Стельмак.....	81

Проза

Оскар Уайльд. Очарованный пленник красоты. Сфинкс без тайны. Гравюра. Предисловие, перевод с английского и комментарий Евгении Славороссовой.....	86
Оулав Гюннарссон. Рассказ «Оттепель». Перевод с исландского Ольги Маркеловой.....	93
Октавия Рэндольф. Годива (1042 г. н. э.). В сердце страны англов. Перевод с английского Эльвиры Фарниевой.....	111
Вильям Хайнесен. Стойкая Стина. <i>Маленький рассказ о большом одиночестве.</i> Перевод с датского Ольги Маркеловой.....	132

Дебют	
Анастасия Жеребцова. Перевод лирики Павла Блюме на немецкий язык.....	136
Американа	
Светлана Чугунова. Музыка афро-американцев в переводе на язык романного слова в прозе Тони Моррисон.....	141
В копилку переводчика	
Ашот Сагратян. К проблеме телепортации смысла.....	147
Ольга Флешлер. Ненаучные заметки.....	148
Земля Даурская	
Князь Пётр Кропоткин. Из Британской энциклопедии. Байкал. Трансбайкалье. Перевод с английского Ольги Ушниковой.....	156
Виктор Балабанов. Статьи из книги «Строкой и памятью отмечено...»	
Метеориты в Забайкалье. Перевод на английский Елены Букиной.....	166
Своенравная речка Кайдаловка. Год 1906. Перевод на немецкий Торстена Веллера.....	167
Сады города. Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	170
Лариса Храмова. Велика Сибирь, а глаз царёв повсюду. Глава II из книги «Храм, построенный из брёвен. Перевод на английский Татьяны Сухановой.....	172
Легенды о происхождении и переселении эвенков. Перевод с китайского Вэй Хунбо.....	176
Уголок поэтов. «Не потеряя, ни каприз, ни мода – высокое искусство перевода!»	
Итоги открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности», посвящённого VIII съезду СПР. Стихи победителей и дипломантов конкурса.....	179
Лексикография	
Краткий исторический словарь французской моды в России. Составитель Николай Епишкин.....	192
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	208
Конкурсы, конкурсы, конкурсы!!!	
XVIII региональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2013 года.....	219
Памятные даты	
Элеонора Панкратова. К 150-летию Эдмунда Мунка.....	232
Перлы переводчиков	
Переводчики НЕ шутят. Перлы переводчиков, собранные Денисом Шемиряном.....	237
Приложение	240
Сведения об авторах	243

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

***Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)***

член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

*Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1,
Московский ин-т лингвистики, офис СПР
тел./факс +7(495) 616-3610, эл. почта gurutrus@yandex.ru
www.translators-union.ru*

Исх. № 8-П

Москва, 5 апреля 2013 г.

Членам Правления СПР
Руководителям РО СПР
Руководителям секций МРО СПР

Уважаемые коллеги!

Пленум Правления СПР от 21 марта 2013 года обсудил ход подготовки к VIII съезду СПР и принял следующие решения:

- создать оргкомитет съезда в составе: Ольга Юрьевна Иванова (terentia@mail.ru), руководитель оргкомитета, Ирина Николаевна Тупицына (tupitsynain@mail.ru), Анна Алексеевна Лукьянова (gurutrus@yandex.ru, офис СПР 8-495-616-36-10 по вторникам и четвергам с 16-00 до 20-00), Вадим Витальевич Сдобников (зарубежные члены СПР (artist232@rambler.ru), Наталья Александровна Калевич;
- провести в Москве предсъездовскую конференцию 24–25 мая 2013 г. в гостинице РОСНОУ Парк-отель «Велес» по адресу: ул. Виллиса Лациса, д. 6 (м. Планерная, любым транспортом до ост. «Родильный дом»);
- провести VIII съезд СПР 26 мая 2013 г. в помещении РОСНОУ (ул. Радио, 22, м. Бауманская);
- провести семинар с ассоциированными членами по актуальным вопросам переводческой отрасли 22–23 мая 2013 г. (Е. К. Масловский, Г. Е. Моисеенко);

- установить квоту по избранию делегатов – 1 делегат от 10 членов СПР, от РО с меньшим числом членов – 1 делегат, сверх квоты – члены Правления и руководители РО, по одному делегату от групп зарубежных членов СПР (три и больше членов СПР в стране);
- делегаты, которые не могут по уважительным причинам присутствовать лично на съезде, передают доверенность и свой голос любому из делегатов съезда;
- пригласить на съезд ветеранов и почётных членов СПР в качестве гостей;
- ассоциированные члены могут быть представлены на съезде с правом совещательного голоса.

Регистрация делегатов, представителей ассоциированных членов и гостей конференции будет производиться 24 и 25 мая на предсъездовской конференции, а также 26 мая с 9.00 до 9.45 в РОСНОУ. Делегатам необходимо иметь при себе членский билет.

Предполагается, что на конференции в первый день будут работать секции и группы по интересам, на следующий день будет проведено пленарное заседание с обсуждением всех вопросов на повестке дня съезда. Рекомендуем координаторам межрегиональных объединений провести встречу с делегатами от этих объединений для выработки общих межрегиональных планов на 2013–2016 г.г.

– региональным отделениям провести до 20 апреля общие собрания по выборам делегатов и оперативно направить электронной почтой в Секретариат Правления СПР протоколы этих собраний, а также электронные копии доверенностей. Оригиналы протоколов и доверенностей (подписанных и заверенных подписью руководителя РО) можно будет передать в оргкомитет (мандатную комиссию) при регистрации на съезде. Образцы протоколов и доверенностей прилагаются. Указать даты прибытия и отъезда из Москвы. Все документы направлять по адресу gurutrus@yandex.ru (копия terentia@mail.ru).

– РО представить в Секретариат до конца апреля краткие отчёты о деятельности РО за три года, а также отчёты о сборе взносов;

– РО продолжить работу по сбору персональных данных, лично подписанных членами СПР, для обнародования на сайте СПР. В ближайшее время будут опубликованы списки по РО с указанием ФИО членов РО, которые затем будут корректироваться руководителями каждого РО;

– руководителям РО оказать помощь Секретариату в восстановлении контактов с членами СПР, выехавшими за рубеж из соответствующих РО.

Проживание: делегаты регионов, кроме московской делегации, будут размещены в гостинице РОСНОУ Парк-отель «Велес» (ул. Виллиса Лациса, д. 6, м. Планерная). Там же будет проведена предсъездовская конференция (24 и 25 мая). Бронируются 2-х местные номера (стоимость одного места приблизительно 1300 рублей), а также более комфортные номера (от 2000 рублей). В стоимость проживания включена стоимость завтрака. Там же в ресторане гостиницы будут организованы обеды. Просим всех делегатов срочно, до 25 апреля, сообщить в оргкомитет фактические даты приезда и отъезда для бронирования номеров.

Утром 26 мая делегаты переедут в основное здание РОСНОУ, где пройдет съезд. Съезд будет работать с 10.00 до 18.00 с перерывом на обед в столовой РОСНОУ. По окончании съезда – фуршет.

Обращаем внимание на то, что введена скидка на ж/д билеты (до 40% при заказе за 40 дней до отъезда).

Оперативная информация для делегатов съезда будет размещаться на сайте СПР (www.translators-union.ru).

Руководителям РО контролировать подготовку делегатов к съезду и информировать оргкомитет о всех проблемах.

Президент СПР

Л. О. Гуревич

Знаковые события 2012 года

Ирина Ковалёва

БАКИНСКИЙ СИМПОЗИУМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАРОМЩИКОВ (4 – 8 июня 2012 года)

Говорят, что переводы, как женщины: если красивы, то неверны, а если верны, то некрасивы. Отсюда извечный вопрос: как добиться того, чтобы произведения иностранного автора заговорили по-русски без акцента, органично вписались в новый литературный контекст, но при этом не были приукрашены и оставались верными оригиналу? Речь идёт не только о сохранении смысла и структуры транслитерируемого текста, а о гораздо более тонких вещах, в частности, об адекватности эстетического восприятия перевода в чуждой ему языковой и социокультурной среде.

Как, например, быть переводчику американской и европейской поэзии, которая в XX веке настолько отошла от классической формы, что возвращение к ней в наши дни воспринимается и самими авторами,

и их соотечественниками как чисто авангардистский демарш? Получается какой-то лингвистический оксюморон: чтобы произведения зарубежных неформалистов (американца Дейна Джойи, англичанки Мэри Хобсон, итальянца Эдоардо Сангвинетти и многих других), обращающихся к сонетам, октавам, канцонам, не говоря уже о более простой строфике, производили правильное, художественно адекватное впечатление, их нужно переводить свободным стихом, а верлибры, напротив, – ямбом и хореем.

Абсурд, скажете вы: даже людям далёким от проблем поэтического перевода понятно, что это противоречит его основам. «Если от жёсткой формы нельзя отказаться, нужно расшатать её, «вывихнув» размер, чтобы передать дух авангардизма», – считает профессор кафедры перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) Дмитрий Владимирович Псурцев. Для этого достаточно ввести многосложные слова в стихотворение, написанное двусложными стопами (ямбом или хореем), спровоцировав появление дополнительных ритмических ударений.

Принципы «воссоздающего» перевода – лишь одна из многих тем, затронутых на состоявшемся в начале лета в Баку симпозиуме «Актуальные проблемы художественного перевода литератур стран СНГ». В работе этого авторитетного международного форума, организованного силами двух университетов – Московского лингвистического и Бакинского славянского при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ, приняли участие около 150 учёных и переводчиков из России, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины.

Мастера художественного перевода не только обсудили профессиональные проблемы, но и поделились опытом со слушателями Второй международной школы молодых переводчиков художественной литературы стран СНГ. А ведь ещё недавно казалось, что передавать его скоро будет некому: теснейшие связи, традиционно соединявшие наши культуры, безнадёжно утрачены! Молодое поколение переключилось на западные языки, а те, на которых говорят в ближнем зарубежье, угодили в разряд непрестижных. Когда на переводческом факультете МГЛУ начали формировать азербайджанские, казахские, таджикские, узбекские, молдавские и украинские группы, студентов пришлось тащить в них чуть ли не на аркане, объясняя, что знанием английского или французского в наши дни никого не удивишь, а вот переводчиков с языков СНГ действительно не хватает. МИД России то и дело шлёт запросы в ректорат: без работы они уж точно не останутся!

Симметричная ситуация сложилась и в странах содружества. В Баку, где русская речь традиционно звучала наравне с азербайджанской,

молодежь теперь предпочитает языку Пушкина язык Шекспира. В начале 1990-х здесь отказались от кириллического алфавита и перешли на латиницу, невзирая на огромные затраты, связанные с переизданием всего библиотечного фонда в масштабах государства. Новые издания потребовали новых переводов – ведь многие из них выполнялись не с языка оригинала, а с русского! Это способствовало подъёму переводческого дела в стране. В БСУ была создана научно-исследовательская лаборатория «Проблемы перевода», закипела издательская деятельность.

О формировании нового поколения переводчиков в Азербайджане рассказал на открытии симпозиума ректор БСУ Камал Мехтиевич Абдуллаев. А Ирина Ивановна Халеева, возглавляющая МГЛУ, в приветственной речи процитировала строки из стихотворения замечательного поэта и переводчика Сергея Гончаренко о вавилонском столпотворении, прерванном Создателем путём смешения языков. Библейские строители Вавилонской башни не закончили свой грандиозный проект, потому что, заговорив на разных наречиях, перестали понимать друг друга. А разве не то же самое происходило на постсоветском пространстве, когда русский начал утрачивать статус языка межнационального общения?

О закономерности этого процесса говорил в своём докладе «Художественный перевод в СНГ: ностальгия по прошлому или шаги в будущее?» декан филологического факультета Северо-Восточного государственного университета, выдающийся ученый-лингвист Роман Романович Чайковский. По его мнению, «великий и могучий» подавлял развитие национальных языков, а широкая практика перевода стихов с подстрочников без знания языка оригинала приводила к созданию шедевров, не имевших ничего общего с исходными текстами. Переводчики из стран ближнего зарубежья возражали в ответ, что национальные поэты, чьи произведения были приукрашены российскими коллегами, не особо протестовали ни против того, чтобы их переводили по подстрочникам, ни против допущенных переводчиками неточностей, вольностей и «улучшений». А что касается русского языка, то он вовсе не подавлял другие, а напротив – обогащал и способствовал их развитию.

«В Таджикистане русский признан языком межнационального общения и включён в обязательную школьную программу, вот только педагогов не хватает, – сокрушалась декан факультета русской филологии Таджикского национального университета Мехриниссо Бозоровна Нагзибекова. – Наше правительство обратилось к России с просьбой командировать 4 тысячи учителей русского языка, но пока прислали только четырёх». В качестве второго государственного языка русский функционирует в Беларуси, Казахстане, Киргизии и Абхазии. А в Азербайджане его преподают в каждой десятой школе: хотя статус языка официально не определён, с его знанием проще найти работу. Показате-

лен пример БСУ: в дипломатических кругах этот вуз называют малым министерством иностранных дел – русскоговорящим выпускникам открыта дорога в МИД!

По итогам Бакинского симпозиума было принято решение о создании Международного центра художественного перевода и формировании Экспертного совета переводчиков стран СНГ под эгидой Базовой организации Содружества. В необходимости такого шага никого убеждать не нужно. Ведь переводческий аспект, составляющий важнейшую часть диалога языков и культур, оказывает заметное влияние на гуманитарное сотрудничество стран ближнего зарубежья. Хочется сказать о другом. Когда пишут о собраниях людей, говорящих на разных языках (не важно, идёт ли речь о встрече глав правительств или международных писательских форумах), часто употребляют словосочетание «наводить мосты», хотя точнее было бы сравнить перевод с переправой. Ведь мост – устойчивое сооружение с налаженным движением в обе стороны, а переправа – вещь индивидуальная и достаточно спонтанная, всецело зависящая от искусства паромщика и, конечно же, от того, как оно вознаграждается. В советские времена переводы позволяли поэтам безбедно существовать на гонорары, да ещё и сетовать при этом, что такая работа их творчески обкрадывает – не даёт писать собственные стихи. Нам бы их проблемы!

В наши дни труд художественного переводчика, особенно имеющего дело с поэзией (а ведь это высшая форма языка!), оплачивается ниже некуда или не вознаграждается вовсе. А переводим мы, чтобы нас переводили, или просто потому, что должен же кто-нибудь это делать: ведь нельзя жить в творческой изоляции! Современные поэты намного реже прибегают к подстрочникам, потому что охотнее учат языки. Да и где их теперь, эти самые подстрочники, взять? Однако разговоры о недопустимости таких переводов, которые всё громче звучат в профессиональной среде, лишены смысла. Согласитесь, что бывают удачные переводы с подстрочника и совершенно чудовищные – с языка оригинала: судить нужно по конечному результату.

Остаётся лишь сожалеть, что на симпозиуме при всей его представительности не хватало самих литературных паромщиков – поэтов и прозаиков, занимающихся художественным переводом. Тех, кто соединяет культуры стран Содружества своим пером, как веслом. Оно и понятно: ведь это межвузовская инициатива! Однако масштабность данного проекта требует подключения к нему не только лучших научных, но и творческих кадров. А ещё мне кажется, что пришло время открыть на страницах «ЛГ» дискуссию о проблемах художественного перевода, предоставив слово его мастерам. Ведь их, этих самых проблем, действительно накопилось немало.

Поэзия

ФЕРНАНДО ПЕССОА (1888 – 1935)

Фернандо Пессоа¹ – португальский поэт, драматург и прозаик. Родился в семье чиновника 3 июня 1888 в г. Лиссабон. В пять лет мальчик потерял отца, который умер от чахотки. Это сразу отразилось на семейном благополучии: просторный большой дом сменился маленьким и скромным. Именно в этот момент юный Фернандо пишет свои первые стихи.

Мать Пессоа вскоре снова выходит замуж за португальского консула, и новообразованная семья переезжает жить в Дурбан, где и проходит детство поэта. Но мальчик не получает должного внимания, так как всё своё время его мать отдаёт мужу и общим от их брака детям. Фернандо же предоставлен самому себе. Он часто уединяется, проводит много времени в раздумьях, запоем читает.

Особое внимание Пессоа привлекают произведения английских классиков – Байрона, Шекспира, Мильтона и пр. Поэтический талант уже начинает проявляться у мальчика. Он занимается переводами стихотворений любимых англоязычных поэтов. Кроме того, Фернандо учится в школе на отлично и проходит пятилетний курс всего за три года.

Уже в эту пору Пессоа задумывается о творческом псевдониме и выбирает Alexander Search, от имени которого пишет себе письма. В 1901 г. он пишет первые стихи на английском и тогда же пытается создать англоязычный роман. Молодому поэту не остаётся времени скучать, так как днём он изучает дисциплины гуманитарного характера, занимается творчеством, а вечером посещает Школу коммерции.

Его поэтические таланты не остаются незамеченными – в 1903 г. он удостоивается почётной премии королевы Виктории за лучшее эссе. Пессоа продолжает изучать творчество английских и латинских классиков, проводя часы за чтением. В этот период он придумывает гетеронимы – Г. М. Ф. Лечер и Чарльз Роберт Аннон.

---

¹ http://www.poeti.biz/avtobiografiya/portugalskie_poetj/pessoa_fernando.html

В 1905 г. Фернандо возвращается в Лиссабон, где живёт вместе со своей бабушкой. Он поступает на Высшие филологические курсы, но спустя некоторое время их бросает. Увлекается произведениями португальских авторов, в особенности проповедями Падре Антонио Виейры.

Пессоа открывает небольшую типографию. Это ему удаётся сделать благодаря оставленным в наследство от бабушки деньгам. Но типография впоследствии обанкротилась, и Пессоа посвящает себя переводам коммерческой корреспонденции. В 1912 г. появляется статья автора «Новая португальская поэзия» в журнале «Агия».

Умирает поэт в Лиссабоне в возрасте 47 лет.

Перевод с португальского Геннадия Зельдовича

Из цикла «Крестный путь»

13.

Посланник неизвестного владыки,
Я сам не знаю, что я говорю.
Мои слова, угодные царю,
Мне кажутся бессмысленны и дики.

Распался я на образ двоеликий,
Две части меж собой не замирю:
То робко приближаюсь к алтарю,
То изрыгаю варварские зыки.

А есть ли Царь, не ведаю поныне.
Забыть о нём – назначено уроком...
Дано мне целью – странствовать в пустыне.

Но прежде, чем создалось естество,
В безмерье и в довременье далёком,
Я был вблизи от Бога моего...

* * *

Послышалась, гаснущий день провожая,
Далёкая песня в соседней таверне...
Звенит в ней тоска не моя, а чужая –
И в этой нездешности только безмерней.

Играет гитара. Струна задрожала
Дрожаньем бездомным, дрожаньем бродячим...
И чувствую муку, не чувствуя жала,
И чувствую слёзы, не ставшие плачем.

И слёзы мои будоражат бывшее:
Все то, что ушло, – не моё и не чье-то,
Но то, что рассыпалось трухлой золою,
Но то, к чему попросту нет поворота.

Всё то, что бессонно в вечерней дремоте,
Чего не утишит ночная остуда –
Чтоб нам уподобиться жалобной ноте:
Страдать низачем, приходя ниоткуда.

* * *

По дороге, что, словно бы белая риска,
То взлетит по зелёному скату холма,
То срывается вниз и, уставши от рыска,
Исчезает в той дали, где будет пряма, –

Муравьиная скачет по ней кавалькада:
Великаны, что мимо меня пронеслись.
И теперь им отрада, конечно, отрада,
Что, оставив меня, устремляются ввысь.

И меня они меряют насмешливым взглядом,
Да и в то, что я жив, им попробуй поверь:
Может, жив только тем, что увидел их рядом,
Или жив только тем, что не вижу теперь...

Друг для друга они хороши или плохи,
Для меня они сделались – просто пятно:
Никому одному не отсыплю ни крохи
От веселья, что вместе им было дано.

Те же самые чувства – бескрайни и узки,
Не верстается с мерками их бытие.

И уже вдалеке, на извилистом спуске,
Кавалькадой пластается сердце моё.

* * *

Я так хочу расслушать немоту...
Не ветер и не трепет перелеска –
Но третий звук, который посреди...
Он хочет раствориться на лету,
Чужой всему, что явственно и веско, –
И потому его не береги.

Не говори! Молчанья не тревожь!
Любовь – потом, а прежде – эти звуки.
Мы эти звуки нежностью убьём...
Бесплотная и сладостная дрожь
Идёт на смену застарелой муке
И будоражит вечным забытием.

Откуда дрожь? От трепетной листвы?
Иль может – от предчувствуемых песен?
Что было лаской – пагубно во сне.
Ты вновь со мною – и леса мертвы;
Ты вновь со мной – и ветер бессловесен.
И я с тобой – и мы наедине...

* * *

Я не хочу ни истины, ни слова.
Их обрета, не сделаться собой:
В них лишь останок бытия живого,
Да сердца боязливый перебой.

Я не хочу. Так вдумывался в суть я,
Что растерял и замысел, и суть.
Воды и неба жалкие лоскутья
Мне помогают ужас обмануть.

Я лишний. Я ненадобная спайка
Меж бытием и высшим бытием...
И словно бы незрячий попрошайка,
Я колочусь в давно безлюдный дом...

Подражание

Кто отнял дар первоначальной боли –
И только жизнь оставил мне взамен:
Рассыпал душу грудю уголий,
И вместо песни дал один рефрен?

И кто, меня мечтанию подневоля,
И цвет, и завязь обращает в тлен?
Моя Судьба ли? Попросту никто ли?
Но кто-то, кто навеки сокровен...

Кто дал мне цель, с которой не полажу?
Кто высучил неведомые нити?
Кто наказал распутать эту пряжу?

Дремотного лишая забытья,
Кто подарил сто тысяч пустожитий,
«Где расцветает брошенность моя»?

* * *

И не трудясь, и не ища занятий,
Все грёзы перевидев на веку,
То забываюсь, то очнусь некстати –
И только множу прежнюю тоску.

И юности подобна перезрелой
Надежда на иные времена:
Она жива, но что ты с ней не сделай,
Как юность перезрелая, тошна.

Все бездоходны, все они похожи –
Мой каждый час, неделя или год:

Как здоровяк, разлегшийся на ложе,
Улиткою ползущий скороход.
Я чувствую, как, оторопью взята,
В меня глядится собственная суть,
Но сам я замер, и лучи заката
Мне только скуку проливают в грудь.

Пустая жизнь, спрягающая слоги!
Без мысли звук, без моря – корабли;
Без путника – далёкие дороги –
Чтоб только грёзы цельность обрели!

Современная вьетнамская поэзия

НГУЕН ХЫН ТХИНЬ (род. в 1942 г.)

Современный вьетнамский поэт Нгуен Хыу Тхинь¹, член Союза писателей Вьетнама с 1976 года, родился 15 февраля 1942 года в крестьянской семье, исповедовавшей традиции конфуцианства. Начать учёбу в школе смог только в 1954 году – после установления мира во Вьетнаме. В 1963 году окончил среднюю школу и пошёл служить в армию танкистом, позже стал офицером и журналистом.

После 1975 года Хыу Тхинь учился в Университете культуры и являлся одним из первых студентов вьетнамского Литературного института. С 1982 года он работал сначала редактором, затем руководителем Отдела поэзии и заместителем главного редактора журнала «Военного искусства». С 1990 года – он главный редактор газеты «Литература» Ассоциации вьетнамских писателей.

С 2000 года Хыу Тхинь является председателем Союза писателей Вьетнама.

Он автор книг «Эхо траншей», «Дорога к городу», «Поэма о море», «Разговоры со временем», а также других поэтических сборников и отдельных поэм.

---

¹ <http://gazeta-slovo.ru/krug-chteniya/20-1?start=64>

Перевод с вьетнамского Николая Переяслова

Стихи, написанные на море

Как пусто без тебя! Хожу в слезах.
Луна на небе – плачет одиноко.
Без пары солнце бродит в небесах...
Лежало море синее широко,
пока кораблик в белых парусах
куда-то мчался по волнам далёко,
теперь – и в море стало одиноко...

Что значит – ветер? Воздуха струя!
Но не она ли точит скал утёсы?
Пусть ты не тень, любимая моя,
но мне закрыли солнце твои косы.

Не добежать до берега волне,
если на ней ты не плывёшь ко мне.
Как – без тебя – мне жить, тебя любя?
Теряю память, годы погребя...

Памяти брата

Ну вот я и в Фан Тьете... Здравствуй, брат!
Ты для себя не взял здесь ни былинки.
Вот холм стоит, как великан былинный,
густой травой, как пламенем объят.
Смотрю вокруг – всё это ты, мой брат.

Ты был – солдат. И, совершив бросок
через леса и горы, вышел вскоре
на этот берег, где увидел море –
через прицела суженный глазок.
В окопе тесно, сыплется песок...

Вот над прибоем – чайка прокричала...
Ты видел море. Сердце так стучало
и вдаль рвалось – как шхуна от причала,

в высоких мачтах слыша ветра гул...
И этот ветер – нынче снова дул.

Тьму небосвода звёздный жар прожёт.
Солдаты шли, чтоб мир спасти от горя,
через леса и горы... Вот и море!
Но сердце свёл смертельной боли шок,
когда до цели был всего вершок.

Ты здесь, мой брат! А я тебя искал,
себе надежду в помощь взяв, как посох,
в горах Тань Каня, на крутых откосах
Дак То, Ша Тайя и Дат Пега скал...
Нас общий дождь здесь яро полоскал.

Я повторил весь твой последний путь,
был там, где ты изведаль лихорадку.
Я каждый шаг твой помню по порядку –
по всем фронтам! Осталось чуть свернуть,
и ты – у моря... Но судьбы тетрадку –
нам не дано назад перелистнуть,
одно вписав, другое – зачеркнуть.

Какого цвета был морской прибой,
когда ты принял свой последний бой? –
О том сейчас молчат морские воды.
Но ты стоишь, стоишь все эти годы
на том холме, закрыв страну собой.
Ты стал травой, стал высью голубой.
Ты навсегда останешься со мной...

Ах, как похожи стебли здешних трав
на благовоний палочки! Бывало,
на праздник, дом украсив и прибрав,
на алтаре их мама возжигала...
Холмы Фан Тьета горбятся устало –
знать, и на них легло бед немало...
<.....>.

...Ночь приглушает на шоссе гудки.
Мерцает город жёлтыми огнями.
Не спишь лишь ты, мой брат, да рыбаки,
и море плещет тёплыми волнами,
как будто длит беседу между вами...

Дрожат вдали Фан Тъета огоньки.
Ты вечно с нами, брат. Ты вечно с нами.

Пять братьев

Подняв над башней красный флаг,
пять братьев сели в танк.
Пять братьев – как один кулак,
что стиснут для атак.

Смешно! В солдаты каждый брат
шёл собственным путём.
Но здесь они – один отряд,
горят одним огнём!

Родились в разных деревнях,
от разных матерей,
а нынче – мчат туда, где враг,
чтоб бить его скорей.

Смешно! Даны им имена
для каждого – своё,
но в танке – всем судьба одна,
все чтут закон её.

Мечта о счастье, как заряд,
летит через луга...
За братом – брат, за братом – брат
спешат громить врага.

Одиноко и пустынно

Одиноко и пустынно. Дни текут песком горячим.
Сколько ног дорогу топчут – где среди них твои следы?
Одиноко и пустынно. Стал глухим я и незрячим.
«Нет ли вести от любимой?» – вопрошаю у воды.

Я к торговцам обращаюсь, пробудить пытаюсь жалость:
«Возвращалась ли красотка, что искала зеркала?»
«Да, однажды возвращалась. Будто с миром попрощалась.
Перед зеркалом застыла – и в него, как в дверь, ушла...»

Попытка диалога

«Не тесно ли скалам на свете?» – я к ним обращался с вопросом,
и слышал в ответ: «Мы друг друга любовью до неба возносим!»
Я реки спросил: «Вам не больно зажатыми быть в грубом камне?» –
и слышал в ответ: «Мы с любовью сольёмся в одном океане».

Я травы, растущие густо, спросил: «Неужель вам не грустно?» –
и травы сказали сердечно: «Срослись мы корнями навечно».

Спросил я людей на планете: «Как жить без нужды нам на свете?..»
Спросил я людей на планете: «Как жить без вражды нам на свете?..»
Спросил я людей на планете: «Как жить без беды нам на свете?..»

На то мне на всём белом свете – никто до сих пор не ответил...

ПОЭЗИЯ АРТУРА КОНАН ДОЙЛЯ (1859 – 1930)

Из-за туч золотой заблещет луч...

Прозаические произведения Конан-Дойля известны давно, всемирно и заслуженно. Гораздо меньше знают писателя как автора стихов, без которых никакая антология британской поэзии XIX–XX столетий не могла бы считаться достаточно полной.

Отечественный читатель уже знает стихи Конан-Дойля в превосходных переводах лауреата Бунинской премии Евгения Фельдмана. Мы надеемся, что предлагаемый ниже небольшой цикл поможет дальнейшему читательскому знакомству с незаурядным писателем и поэтом, чье имя становится известно любому ещё в детстве.

Перевод с английского Сергея Александровского

Religio Medici¹

Коль ты хорош, не упадёшь —
Ты рухнешь, если плох...
Но, крив иль прям, святой иль хам —
Любого создал Бог.

Свой дольний сад лелеять рад
Всевышний Бог всегда;
А боль и страх в Его руках —
Орудия труда.

И шлюха, и анахорет,
И праведник, и плут —
Всех создал Бог, и лишних нет,
И все не зря живут.

О Боже, Ты ль не сбережёшь
Здорового ствола?
Но Пьянство с Похотью — Твой нож
И острая пила.

Вершит искусственный отбор
Небесный Садовод:
Плоды худые срежет Мор,
Щадя здоровый плод.

Проникнет в лёгкие микроб,
Кровавый сгусток — в мозг...

---

¹ Вероисповедание врача (лат.) — прим. переводчика.

Бессильных Бог в бараний рог
Согнёт – сомнёт, как воск!

Господь вседневно, всякий час
Испытывает плоть:
Коль мало сил, коль телом хил –
Тебя сразит Господь.

Он лихорадку шлёт, и корь,
Холеру и чуму,
Чтоб истребляла злая хворь
Негодных ни к чему.

Он даст ленивцу воспарить
В миры бесплодных грёз –
И жизни перережет нить,
Пустивши в ход цирроз.

И Он же – унимает боль,
Дав обморок средь мук...
Сказать пора: о, сколь добра
Из Божьих льётся рук!

Но Бог – лишь доброму оплот,
А злому – шлёт беду.
Лишь лучший плод из года в год
Он пестует в саду.

Тьма

Достойный, честный господин –
Воспитан, благороден, мил, –
Стремился бедным помогать,
Заботой о злосчастных жил.
Он был умён и сердцем чист,
Ему всегда во всем везло...
И вот настал погожий день,
И ловко прыгнул он в седло –
Но конь осёкся на скаку,

На камни скинув седока!
И что же? Смерть? Увы, не смерть –
И милосердна, и легка, –
Но жизнь – жестока и гнусна!
И прежний господин теперь
Не человек среди людей,
А злобный, грязный, тёмный зверь.

Диагноз грозный говорит:
Поправиться не сможет он –
Расселась черепная кость,
И мозг осколком повреждён...
О Боже! Разум и душа –
Едины! И, коль мозга нет
В живых – зачем не отлететь
Душе людской? Даруй ответ.

Дух и материя

Чиста была его душа,
И цель отменно высока:
Он множил замыслы, спеша
Себя прославить на века
Чредой свершений и заслуг –
Да злой гнезвился в нём недуг.

Вчера был мрак, сегодня – тьма,
Но завтра – знал он, – вспыхнет свет.
О! Твёрдость воли, мощь ума –
Залог невиданных побед.
Он ждал, пока прибудет сил...
А злой недуг его точил.

Развеялись, как дым иль пар,
Погибли замыслы, увы.
Не вспыхнет свет – лишь пышет жар,
И не поднимешь головы.

Где ум теперь? И воля где?
Недуг лютует... Быть беде.

Последнее прости

Д у ш а – Т е л у

Как жаль, дружище! Близок твой каюк.
А сколь же славно жили мы сам-друг,
Трудясь, тревожась, радуясь, резвясь...
Пора, увы, расторгнуть нашу связь.
Ты молодцом держалось много лет.
Но стар, и беден кальцием скелет,
А известью богат любой сосуд:
Не служат руки, ноги не несут.
Во всём приметы возраста видны –
Да здесь твоей немало нет вины.
Скорей, меня уместно упрекнуть:
Я выбрала тебе тягчайший путь
На перекрестье жизненных дорог...
Благодарю за службу! Вышел срок.

Т е л о – Д у ш е

Прощай, подруга! Было я слугой
При госпоже любезной, дорогой –
Да вышел срок... Я одряхлело. Хоть
И горько – да ведь лет не обороть.
А ты себе найдешь иную плоть,
В которой, как близнец, двойник прямой –
Так молвят, – повторится облик мой.
И впрямь пора проститься нам, когда
Я сгорбилось, а ты – всё молода.
Что ж, пустим в дело вирус, либо рак:
Я гасну, мне пора в загробный мрак.
Пора, пора отправиться на слом!
Пусть люди, похоронным ремеслом
Живущие, дубовый сладят гроб...
А ты гляди с высот небесных, чтоб

Запомнить, как без ропота и страха
Уходит прах земной в объятья праха.

Смелей!

Если душу студит страх,
Если правишь путь впотьмах,
Если крут кремнистый склон –
Сдерживай смятенный стон,
Крепись!

Если душу гложет жуть,
И тоской стеснило грудь,
Если ночь вокруг, и нет
В ней намёка на рассвет –
Воспрянь!

Что ж! Когда бессилен взгляд,
Наобум и наугад
Должно двигаться – но ввысь!
Восходи и не страшись –
Дерзай!

О, смелей иди! Смелей
Сей подъём преодолей:
Там, на гребне, из-за туч
Золотой заблещет луч.
Смелей!

Декабрьский снег

Цветёт боярышник опять,
И вновь пора сиять весне;
Но вёсен юных не видать,
Любимая, тебе и мне!
Мы доживаем долгий век,
И наш удел – декабрьский снег.

Но много благ и у зимы –
    Спокойных, мудрых, высших благ!
Ужели то, что седы мы –
    Душевного старенья знак?
Да, жаль былых весенних нег –
Но чист и свеж декабрьский снег!

Я живо помню вешний день, –
    А сколько лет прошло с тех пор! –
Плакучей ивы помню сень,
    И твой лучистый, робкий взор...
Коль скоро любишь – и навек! –
То страшен ли декабрьский снег?

Стремится прочь за годом год,
    Чредой сменяя времена –
А юность наша все цветёт,
    Её не студит седина.
Нам не состариться вовек –
И пусть над нами сыплет снег.

Надежда

Веру сгубит разум –
Он способен разом
    Обесценить дар
    Высочайший, Божий...
Но ты ль, Надежда, манишь
Впустую? Ты ль обманешь?
    В земной живёт юдоли
    Тобой одной прохожий!

Ты – светоч путеводный,
Звезде Полярной сродный.
    Где тропы каменисты,
    Где крут и горек путь,
Ты царствуешь над мраком,
Горишь Господним знаком,

И кажешь нам дорогу,
Чтоб в пропасть не свернуть.

Надежда нежно веет,
Надежда жарко греет;
Надежда гордо реет –
Как вымпел, или флаг;
Надежда средь лишений,
Надежда средь крушений...
Надежда – мать свершений,
Залог нездешних благ.

Надейся же на Бога,
Надейся, что дорога
Тебя уводит в Небо,
А не во прах и тлен!
Надейся, что Спаситель,
Твой спутник и хранитель,
Дарующий свободу,
Земной расторгнет плен.

Надейся, что любого
Спасет Господне Слово,
Что в Небе всяк отыщет
По смерти свой приют;
И думай, что, быть может,
Не червь могильный сгложет,
А примет Рай беднягу,
Томящегося тут.

Рональду Россу,
*чей корабль в 1917-м торпедировали в виду Коринфа.
Уцелевший Росс получил, таким образом, возможность
очутиться на берегу и посетить Парнас.*

О, сколь тернист и долог путь подчас
К триумфу поэтической победы!
А ты, о Росс, – ты поднят на Парнас
Единым взрывом фрицевской торпеды.

Евгений Фельдман,
*награждён Всероссийской общественной организацией
Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов
Государственных премий «Трудовая доблесть России»,
Почётным знаком отличия «Трудовая доблесть России»
(апрель 2013 г.)*

ДЖЕНЕТ ЛИТТЛ (1759 – 1813)

Как и Роберт Бёрнс, Дженет Литтл не могла похвалиться дворянскими предками. Родилась в деревушке Эклфехан (современное графство Дамфрис-энд-Галловей) в 1759 г. (в том же году, что и Бёрнс). Крещена в местной церкви 13 августа. В детстве получила лишь общее начальное образование. Поступила в услужение в семью местного священника.

Много читала, и к 1788 г., как раз к тому времени, когда Бёрнс был признан первым поэтом Шотландии, за Дженет Литтл закрепилась репутация «сельской поэтессы».

В этом же году, сопровождая детей священника в Глазго, где они остались для продолжения учёбы, познакомилась и нанялась служанкой к миссис Франсес Данлоп из Данлоп-Хаус (графство Эйршир), приятельницей и корреспонденткой Роберта Бёрнса. Через некоторое время миссис Данлоп порекомендовала Дженет Литтл своей дочери, которая незадолго до этого вышла замуж. Зять миссис Данлоп, французский эмигрант, взял в аренду на несколько лет поместье Лаудон-Касл.

Здесь, в этом поместье, Дженет Литтл заведовала молочной фермой. Отсюда 12 июля 1789 г. она отправила письмо Роберту Бёрнсу, где выразила надежду на «одобрение и дружбу» знаменитого поэта. К письму прилагалось стихотворное «Послание мистеру Роберту Бёрнсу». Миссис Данлоп также написала Бёрнсу, попросив его обратить внимание на творчество Дженет Литтл.

Поначалу Бёрнс отнёсся к поэзии сельской женщины довольно настороженно: после оглушительного успеха самого Бёрнса в Шотландии внезапно возникла мода на «бардов из простонародья», и Бёрнсу показалось, что его хотят познакомить с новоявленным «самородком», не обладающим достойным дарованием. Но потом, ознакомившись со стихами Дженет Литтл, изменил мнение, и посоветовал издать её произведения отдельной книгой.

Книга была издана в Эйре в 1792 г., собрав 650 подписчиков. Одним из подписчиков стал сам Роберт Бёрнс. Есть сведения, что от

продажи Дженет Литтл выручила 50 фунтов стерлингов, сумму по тем временам немаленькую: годовой заработок шотландского сельскохозяйственного рабочего составлял тогда 7 фунтов. В своих стихотворениях Дженет Литтл иронически называла себя «Молочницей-Пиитой» ('Milkmaid-Poet'). С этим прозвищем она и вошла в историю шотландской поэзии.

В июне 1790 г. зять миссис Данлоп умер, и её овдовевшая дочь покинула Лаудон-Касл. Дженет Литтл вышла замуж за рабочего этого поместья Джона Ричмонда (1741?–1819), вдовца с пятью ребятишками на руках, старше Дженет примерно на 18 лет. Дженет Литтл умерла в Лаудон-Касл 15 марта 1813 г.

Всю жизнь она была страстной почитательницей Роберта Бёрнса, но толком пообщаться им так и не удалось. Дженет Литтл приехала к Бёрнсу в 1791 г., но за несколько дней до её визита Бёрнс упал с лошади по кличке Пегас и сломал руку. Этот случай описан в одном из стихотворений Дженет Литтл. Произведения скромной сельской женщины привлекают своей поэтичностью, они глубоко автобиографичны и наполнены живым человеческим чувством. Её начитанности мог бы позавидовать и представитель высшего сословия, получивший университетское образование.

Перевод с английского Евгения Фельдмана

ПОСЛАНИЕ МИСТЕРУ РОБЕРТУ БЁРНСУ

1.
Тобою, – чувства через край, –
Гордится наш равнинный край.
И Аллан Рэмси¹ молвил, в рай
Входя со смехом:
«Мой дух – в тебе. Не умирай!
Твори с успехом!»

2.
С уходом Рэмси беспредельно
Была здесь Талия² отшельна.

---

¹ Аллан Рэмси (1686–1758) – шотландский поэт, собиратель народных песен и баллад, автор сборника «Благородный пастух». Оказал огромное влияние на творчество Роберта Бёрнса и Вальтера Скотта.

² Талия – греческая богиня комедии. (Здесь и далее прим. переводчика).

Явился Бёрнс, – и молвив: «Дельно!
Поэт не серый!»
Богиня занялась отдельно
Его карьерой.

3.
Любые званья и сословья
К тебе относятся с любовью.
Сам Феб твоей играет кровью,
А критиканы
Молчат перед роскошной новью,
Как истуканы.

4.
И Люат с Цезарем при встрече
Здесь говорят по-человечьи¹.
Прийти готова издалече
И молвить: «Братцы,
Хочу послушать ваши речи, –
Ума набраться!»

5.
Вот Гамильтону «Посвященье»²
Я вся – восторг и восхищенье.
Продажных бардов извращенья
Не учат – мучат,
Но нищebroды – без смущенья,
И – мзду канючат.

6.
Ты женщине, что неверна,
Всю правду выскажешь сполна,
И нервы все, сколь ни сильна,
Ты ей растреплешь.
Любую, сколь ни холодна,
Ты, бард, растеплишь.

---

¹ *И Люат с Цезарем при встрече / Здесь говорят по-человечьи.* – Люат с Цезарем – персонажи поэмы Бёрнса «Две собаки».

² *Вот Гамильтону «Посвященье»...* Гэвин Гамильтон (1751–1805) – друг Бёрнса. «Посвящение» ему было написано в 1786 г.

7.
Как ты поёшь о маргаритке,
О виски, нашенском напитке!¹
Хвалить, – напрасны все попытки,
И я не буду:
Стяжал ты славу в преизбытке
Везде и всюду.

8.
Когда бы Аддисон, и Поп,
И Джонсон, злющий, точно клоп²,
Тебя прочли, – я знаю, что б
Здесь было, Робби:
Тебя сгнобили б, землероб,
Ещё в утробе!

9.
На фоне славы всепобедной
Любая строчка мнится бледной.
И даже злато мстится медной
Пустой бирюлькой.
Твержу себе: «Стишок свой бедный
Оставь, не жулькай!»

10.
И, отложив стишок топорный,
Пришла с молитвою покорной, –
И это всё, что мир, бесспорно,
Свершить способен
В своей любви необорной
К тебе, наш Робин!

---

¹ *Как ты поёшь о маргаритке, / О виски, нашенском напитке!* – Имеются в виду стихотворения Бёрнса «К горной маргаритке, погубленной моим плугом в апреле 1786 года» и «Шотландский виски».

² *Когда бы Аддисон, и Поп, / и Джонсон, злющий, точно клоп...* – Джозеф Аддисон (1672–1719) – английский поэт, драматург, публицист, специалист в области эстетики и государственный деятель. Один из первых европейских журналистов. Александр Поуп (или – в более архаичной транскрипции – Поп) (1688–1744) – переводчик Гомера на английский язык. Сформулировал основные принципы английского классицизма. Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский писатель, литературный критик и лексикограф.

ВИЗИТ К МИСТЕРУ БЁРНСУ

Ужели дом, тот самый дом,
Обычный дом крестьянский?
Живёт и честь, и слава в нём
Страны моей шотландской!

Лежит на Бёрнсе благодать,
Что прочим не досталась.
Его хотела повидать,
Да всё не удавалось.

Не раз об этом при луне
Я всё мечтала дома,
И потому сегодня мне
Здесь всё давно знакомо.

Сбывается заветный сон,
Едва поверить смею:
Сейчас навстречу выйдет он,
Пред кем благоговею.

Увы, я снова слышу «нет»
И чую злую муку:
Пегас споткнулся – и Поэт
Упал, сломавши руку!

О том жена его в слезах
Сказала мне, рыдая,
А я, прощаясь второпях,
Сказала: «Дорогая,

Добра, что есть во всяком зле,
Извечно соучастье,
И нету счастья на земле,
Без капельки несчастья».

Вошёл! Склонилась перед ним...
Подумала при этом:

Как смеет рок играть таким
Блистательным Поэтом?

**ПОСЛАНИЕ,
ОБРАЩЁННОЕ К ЛЕДИ,
КОТОРАЯ ПОПРОСИЛА МЕНЯ
СОЧИНИТЬ СТИХОТВОРЕНИЕ**

Во дни, когда царила Анна¹,
Желанье славы было странно:
Кого наверх манила вечность,
Тот падал вниз, сломав конечность.
Поэты, метившие в боги,
Хромы ходили и убоги.
Взойти досталось только Попу
И не отбить при этом попу.
Но Поп – Гомера переводчик,
Иначе б зад заныл от кочек.

Свифт², Юнг³, и Аддисон, и Томсон
Учёный мир дивили. – Джонсон
Устроил яростную сшибку,
Явив их каждую ошибку:
Мол, достижений – кот наплакал
У сих господ, что он обкакал.
Но умер он, и впредь не вскочит,
И всякий пишет, как он хочет,
И эти вирши почему-то
Сегодня нравятся кому-то.
Вот пахарь Бёрнс. Бедняге мнится,
Что что-то пишет он. В столице, –
Что вызывает удивленье, –
Наш высший свет – того же мненья.
Обласкан пахарь, и прославлен,
И «славой нации» объявлен.

---

¹ Во дни, когда царила Анна... – Анна Стюарт (1665–1714) – английская королева с 1702 г.

² Свифт, Юнг, и Аддисон, и Томсон... – Джонатан Свифт (1667–1745) – великий английский писатель, автор знаменитой книги «Путешествия Гулливера». Настоятель собора святого Патрика в Дублине. Искренний и страстный борец против британского владычества в Ирландии.

³ Эдуард Юнг (1683–1765).

Недавно здесь была открыта, –
Ха-ха! – молочница-пиита!
Пускай в кругах не верхних – нижних,
Она ценима кругом ближних:
Сэм-старина впадает в спячку
Под стих её, – иначе б драчку
Устроил он, послав, ей-богу,
Пииту к дьяволу в берлогу!

Но, говорят, что Робин-пахарь
В стихах – колдун, волшебник, знахарь,
Что стих его – всё то же зелье,
Что придаёт сердцам веселье,
Что стих его – сама Природа,
Что мысли парня из народа
Не опровергнет ни политик,
Ни даже самый лютый критик.

Чудно́ явление музы женской,
Причём сугубо деревенской.
Но стих, – и даже не порожний, –
Коровьей титьки не надёжней,
И скромный труд за скромной прялкой
Куда надёжней музы жалкой,
И от хохлатых шустрых квочек
Поболе толку, чем от строчек.
Клеймить пороки, – мне ль, беднячке,
Решать подобные задачки?
Какие бабы мы ни дуры,
Без нас влезайте в авантюры!

«Стихи кропая понемножку,
Пускай подтянет грамотёшку,
Что вкупе с искренностью, может,
Её огрехи превозможет», –

Такие критиков разборы
Я услышала из-за шторы.
Доныне, леди, вся дрожу я.
На сём посланье завершу я.

**К ЛЕДИ,
КОТОРАЯ ПРИСЛАЛА МНЕ ГАЗЕТУ
СО СТИХАМИ ДЭВИДА СИЛЛАРА¹**

Мне ваше письмо, – что криница в пустыне,
И, значит, я ваша должница отныне.
По пенни за каждую вашу гинею, –
И то расплатиться я век не сумею.
И Музы, к тому ж, разлетелись, крылаты:
Простые молочницы Музам не святы!

Они не дождутся ни слёз, ни рыдания.
Я просто скажу им: «Адью! До свиданья!»
Кому-то они – долгожданное счастье,
А мне их визиты – страшнее ненастья.
И Силлар, поскольку поэт он не с блеском,
Давно уже должен их вытурить с треском,
Как те, чей расчёт на успех всенародный, –
Всё те ж пузыри на поверхности водной.
Я брошу писать, – что гораздо культурней
Причастности к этой компании дурней.
Чернила при мне, и перо, и бумага,
Но только, простите, исчезла... отвага!

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН (1850 – 1894)

Романтика – душа жизни

Знаменитый писатель и поэт Роберт Луис Стивенсон является своего рода культовой фигурой. Редко какой современный литератор не упоминает его в том или ином контексте. Ведь первой встречей с поэзией для англоязычных детей давно уже стал его «Детский цветник стихов», а любимой книгой отрочества во всем мире – «Остров сокровищ».

Стивенсон – основатель и теоретик такого известного направления в литературе, как неоромантизм (Конрад, Конан Дойл, Чес-

---

¹ Дэвид Силлар (1760–1830) – шотландский поэт. Роберт Бернс, посвятивший ему два стихотворных послания, называл его «собратом».

тертон, Киплинг и др.). Остро ощущая противоречие между реальностью и мечтой, писатель искал необычайное в обычном. Он считал, что искусство способно поднять человека над серыми буднями, распахнув перед ним феерический мир фантазии, и дать ключ к пониманию смысла жизни. Писатель имеет славу непревзойденного стилиста и мастера литературной игры. Честертон отмечал: «Скрупулёзная точность, с которой он подбирает слова, напоминает выверенность математической формулы», а для Киплинга книги Стивенсона «настоящая чёрно-белая филигрань, отделанная до толщины волоска».

Поэзия Стивенсона, к сожалению, известна у нас меньше, чем его проза, хотя и в поэзии он считается классиком. Им написано несколько поэтических книг: «Детский цветник стихов», «Подлесок», «Баллады», «Песни странствий» и много стихотворений, не вошедших в сборники. Любовь и смерть, дух и плоть, взлёты и падения души, разговор с Богом на краю бытия – вот основные темы его лирики. Жизнь для него – встреча и прощание с любовью, радость – подвижнический труд. По словам Честертона наполненный «радостью ребёнка или мистика», «он открыл новую аскезу веселья, куда более трудную, чем аскеза отчаянья».

Невозможно лучше выразить суть творчества Стивенсона, чем это сделал самый близкий ему по духу Честертон: «Его весть проста, как весть Магомета, возвышенна, как весть Данте, откровенна, как весть Уитмена, и полезна, как весть Уатта.

Все, самые разные творения Стивенсона, объединены мыслью о том, что романтика – постижение возможного – гораздо важнее реальных фактов. Романтика – «душа жизни, факты – плоть; а душа драгоценней».

Перевод с английского Евгении Славороссовой

Матросская песня

Сегодня шторм ревёт
И вновь меня зовёт
Уплыть скорей в кипящий океан,
Услышать стон снастей,
Изведать сто страстей,
В портах увидеть флаги разных стран.

Узнает моряка
Моряк издалека.
Пойдём с тобой печали заливать!
Нальём себе вина,
Познаем жизнь сполна,
А двум смертям вовеки не бывать.

Мы отплываем в шторм,
И будет рыбам корм,
Ведь Смерть-старуха крутит наш штурвал.
Но мы любили риск,
И пусть под бури визг
Накроет нас с тобой девятый вал!

***

По бусинкам прошедших дней
Я вёл бы счёт удачам.
Но звонкий смех весны моей
Стал в горле горьким плачем.

***

Я вдруг проснулся в полночь:
Ворвался дождь во мглу,
Как будто звал на помощь,
Бил дробью по стеклу.

Я за окном заметил
Мерцанье фонарей.
Стучался в двери ветер,
Примчавшийся с морей.

А шторм ревел сильнее
И рыбака настиг...
Но о его жене я
Подумал в этот миг.

Она, дрожа за мужа,
Всю ночь стоит в дверях,
В глазах сверкает ужас,
А в сердце бьётся страх.

И меж порывов шквала
Бледна, как смерть, она
Прислушалась устало,
Что скажет тишина?

Покой в домах и спячка,
Мурлычет кот во сне...
Ах, бедная рыбачка,
Твой милый спит на дне!

***

Цвет снега, роз и медных
Кудрей, что так густы,
Слились в огне победной
И смуглой красоты.

Тревожный блеск опять я
Ловлю в её глазах.
Белее снега платье,
А роза – в волосах.

Цвет тёмных речек быстрых,
Цвет пчёл она возьмёт,
Янтарно-золотистых,
Как вересковый мёд.

Не солнце ль виновато
В том, что попал я в плен
Плеч этих смугловатых
И золотых колен?

***

Прошла жестокая гроза –
Я от любви, мой друг, устал.

Куда бы я смотреть не стал,
Чужие вижу я глаза.
Застыло время в пустоте
Мелькают лица – всё не те.
Я книгу жизни пролистал
И от тоски, мой друг, устал.

Побеждённый рыцарь

Всё потерял на жарком поле брани:
Надежду, Честь – осталась жизнь одна.
Хоть сломан меч, но даже я не ранен,
Позора чашу выпил я до дна.
Кто не имел – тот потерять не может,
Кто потерял – изгой тот меж людьми.
На что мне жизнь? Меня помилуй, Боже,
И жизнь, проигранную поскорей возьми.

Страна Камизаров¹

По следу давних войн я брёл,
Но зелена страна.
Покой, любовь и мир обрёл
Там, где была война.
Сжимает пахаря рука
Не меч, а плуг простой.
О, как пшеница высока
На поле битвы той!

Джон Кавалер²

Когда был мал, Джон Кавалер,
На склонах гор, где камень сер,

---

¹ Камизары – участники крестьянско-плебейского восстания 1702–1705 гг. в Лангедоке (Южная Франция). Оно было вызвано усилением государственных поборов и преследованиями гугенотов. В 1705 г. им удалось добиться некоторого налогового послабления. (Прим. пер.).

² Жан Кавалер, настоящее имя Джоан (1681–1740), знаменитый предводитель камизаров. Получил высокую оценку от маршала Виллара. После восстания был приглашён в Англию, где и похоронен. Воевал в Испании, получил звание генерала. (Прим. пер.).

Ты пас козлят, молился вслух,
Суровый маленький пастух.
Кто знал, что надобно судьбе,
Чтоб маршал кланялся тебе,
Что Бога взор с небесных сфер
Хранит твой путь, Джон Кавалер?
Где шёл отряд твой боевой,
И вился флаг над головой,
Любой прохожий слышать мог
Звон битв и музыку дорог.
А я б хотел увидеть сон,
Как бьётся храбрый батальон,
Как ты коня пустил в карьер
На зов трубы, Джон Кавалер.

Увы, теперь в горах твоих
Пусты дороги, воздух тих,
Лишь эхо вздрогнет наконец,
Когда пастух зовёт овец.
В Испании, в лесах Севенн
Ты шёл, желая перемен,
Бойцам показывал пример.
Но где они, Джон Кавалер?

У армий есть один лишь путь –
Сразиться и в земле уснуть.
Так ты к победе вёл солдат
Без страха двести лет назад.
Теперь в родных горах скользят
Лишь тени мёртвых кавалькад
Прочь от сражений и забот,
Окончив жизненный поход,
Чтобы последний взяв барьер,
Навек уснуть, Джон Кавалер.

МАТЮРЕН РЕНЬЕ (1573 – 1613)

В начале XVII века во французской литературе завязалась ожесточённая борьба между двумя литературными течениями – классицизмом и Барокко.

Строгие принципы классицизма устанавливает Франсуа Малерб. Ему противостоят талантливые поэты, которым претят жёсткие правила – это либертены, или вольнодумцы.

Одним из блестящих представителей этого течения и был Матюрен Ренье. Поэт родился в Шартре. Он – племянник известного в те времена поэта Депорта. Очевидно, дядя принимал участие в его воспитании, так как Ренье с самого детства прекрасно знал античную и французскую литературу. Несомненно и то, что на творчество Ренье оказали влияние латинские поэты: Овидий, Ювенал, Гораций. Ренье был горячим поклонником Рабле и восхищался Ронсаром. В 1587 году он по протекции дяди поступает на службу к кардиналу Вуайёзу, королевскому посланнику в Риме (Ренье предстояла карьера священника, к чему он не имел ни малейшей склонности). Матюрен употребил своё пребывание в Италии на углублённое изучение итальянской литературы.

Первые литературные успехи пришли к нему в 1596–1598 гг., тогда он написал несколько лирических стихотворений и первые три сатиры. В 1605 году он оставляет службу у кардинала и поселяется в Париже, полностью посвятив себя литературным занятиям и привольной парижской жизни. Всего им написано девятнадцать сатир, и это – лучшая часть его поэтического наследия. В сатирах он описывает пороки и обычаи своего времени. В одной из них он нападает на принципы классицизма, защищаемые Малербом – Ренье утверждает, что источником подлинной поэзии может быть только вдохновение, что «... поэт отпускает своё перо по воле, куда его влечёт порыв», и предоставляет сухим педантам право «выскабливать из строки сомнительное словцо» или «вынюхивать, глубока или мелка рифма в стихе». Его сатиры, с их безудержным пылом, богатством лексики (не всегда пристойной), вольностью синтаксиса и фантастичностью образов представляют собой живое возражение принципам Малерба.

Для нас Матюрен Ренье, этот яркий представитель барочной поэзии, он интересен, прежде всего, как свидетель и критик нравов своего времени. Его творчество – отражение парижской жизни в недолгий период мирного затишья, предшествующий религиозным войнам. В своих современниках Ренье видит вечные черты, присущие человеку искони:

как в его внешних проявлениях, так и в глубинах его души. При этом Ренье отнюдь не моралист, его философия строится на обыденных житейских истинах, и в его обличениях больше юмора, чем гнева. Поэта захватывает само зрелище жизни во всей её полноте, и он живописует это зрелище, отдавшись на волю своей фантазии.

Сам Малерб, его убеждённый противник, признавал, что как поэт Ренье не уступает Горацию. А Буало, блюститель канонов классицизма, видел в Матюрене Ренье «...французского поэта, который ещё до Мольера лучше других познал нравы и особенности человеческой натуры». В 2013 году исполняется 400 лет со дня рождения Матюрена Ренье.

ЭПИГРАММЫ

Перевод с французского Владимира Васильева

НЕ ВОВРЕМЯ

Мой первый муж, когда, к несчастью,
Я чересчур была юна,
Ко мне пылал и в полдень страстью,
И в полночь не давал мне сна.
Теперь я для любви созрела,
Полна желаний и огня,
Но нет второму мужу дела
Ни днем, ни ночью до меня.
Мой первый муж такой был нежный!
А что второй? Бревну сродни.
Амур! Верни мне возраст прежний
Иль мужа прежнего верни.

***

Однажды фат, приблизясь к бойкой даме,
С лукавою улыбкой произнес:
«Не мог бы я поцеловаться с вами:
Помехой стал бы мне ваш длинный нос».
А дама на хлыща взглянула косо
И, не смутясь, ответила тотчас:

«Коль в этом ваша трудность, то для вас
Есть у меня лицо совсем без носа».

***

Любовью занимались на дороге
Пьер и Эдит. Вдруг поводом к тревоге
Для Пьера стал какой-то пешеход:
«Повременим, Эдит. Пускай пройдёт
Не знаю кто. Тракт королевский всё же».—
«Ах, милый Пьер, — расстроилась Эдит.—
Уж если по нему идёт прохожий,
То седоку ужели путь закрыт?»

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Послушный прихотям природы,
Вкушал я мирно дни и годы
В беспечной праздности своей.
Меня немало удивило,
Что смерть прийти не позабыла
К тому, кто позабыл о ней.

САТИРЫ

ВОЛК, ЛЬВИЦА И МУЛ

(Фрагмент из III-ей сатиры)

Перевод с французского Майи Квятковской

... Да знаешь ли ты впрямь то, что должны мы знать?
Нам следует свой вкус и зреньё изощрять,
Читать, как книгу, жизнь, вникать в законы света;
Что Философия! Есть похитрей секреты,
Что Знание! Разум — вот начало всех начал.
Один известный Грек об этом написал:
Голодный Волк искал, чем можно поживиться,
И видит — перед ним разгневанная Львица
От голода рычит и злобно скалит пасть,

Бьёт по бокам хвостом, готовая напасть,
Всё ближе хищница... Однако Волк сметливый
Торопится её задобрить речью льстивой:
Слабейший сильному извечно уступал
И покоряется большому тот, кто мал.
Я повторяю: Волк страшился стать добычей
И Львицу улещал: так нам велит обычай.
Но случай серому пришёл на помощь сам:
Матёрый, жирный Мул явился их очам;
Они скорей к нему, считая стол накрытым,
Томимы голодом и зверским аппетитом.
Но, зная Мула, Волк, опаслив и хитёр,
Заводит издали коварный разговор:
– «Кто ты? И что ты ешь? Какого ты прихода?
Каков твой нрав, твой дом, хозяин и порода?» –
Был озадачен Мул при странных сих словах,
Но тут на выручку пришёл разумный страх.
Прямой нормандец, Мул оставил без ответа
Прямой вопрос, сказав: – «Где мне упомянуть это!
Но бабушка моя, поскольку я убог,
Всё записала мне на пятках задних ног».
Тут ногу заднюю он поднял ненароком,
Скрывая замысел за простодушным оком,
Передним же ногам свой вес передаёт;
Заметил это Волк и забежал вперёд –
«Ту надпись, – говорит, – я разберу едва ли,
При мне в учение волчат не отдавали». –
Но тут, от голода и злобы распалясь,
И поскорей прочесть ту грамоту стремясь,
Пустилась Львица вскачь и к Мулу приступила,
Мул, подпустив её, лягнул что было силы
И грамотейке той лоб надвое рассёк
И тем по-своему ей преподал урок.
Волк видит смерть её – и ну давай Бог ноги,
Свою неграмотность, благословив в итоге.
И то сказать – попы, магистры и писцы
Ещё не самые большие мудрецы.

ЮПИТЕР, МИНОС И ТАНТАЛ

(Фрагмент из XIV-ой сатиры)

...Рассказывают нам: отец богов, Юпитер,
К двум смертным некогда пристрастие питал;
Один был Миносом, другой звался Тантал,
Они ровесники, но их различны нравы.
Бог в Небо их вознёс – к услугам их Забавы
И Смехи с Играми, и нежных Граций взор, –
Ну, всё, что может дать любимчикам фавор.
Они Амброзией с Богами обжирались
И наслажденьями бессмертных упивались,
Они возглавили Юпитеров Совет,
Без их согласия указам ходу нет.
Уступчив был один, сметлив и чужд крамоле
И верен до конца однажды взятой роли;
Другой – гордец, бахвал, без удержу болтал
И всем Юпитеровы тайны растрепал;
Один – в кругу Богов, другой презрен богами,
И поделом тому, кто портит воздух в храме.

Ашот Сагратян

ПОСТИГАЯ ШЕКСПИРА

История, как известно, жива борением страстей. Исследуя Шекспира, нетрудно понять, что гений его питали греческая трагедия и «Божественная комедия» Данте. Схождением в ад душа Гамлета обязана Гертруде, его матери. По этой причине трагедия смело могла быть названа и её именем, ибо мать принца и есть источник всех его бед.

Кто знает, взялся бы я за столь ответственное дело, не обрати я, вчитываясь в пьесу, внимание на одно, едва ли не важнейшее из обстоятельств: яд, заготовленный Гертрудой, Клавдий, брат короля и любовник Гертруды, вливает спящему отцу Гамлета в ухо. А что оно есть, ухо, как не положение плода во чреве? Выходит, Гертруда изначально обрекает сына своего навечно оставаться принцем. И не отсюда ли бе-

рут начало все поступки Гамлета? По первости подсознательно, а после общения с Призраком, Тенью отца, и вполне осмысленно! В поисках выхода из ловушки безысходности обездоленный принц и ведёт себя сообразно.

Преобращённость Гамлета сквозит что в братских советах Лаэрта Офелии, что в отношении дворецкого Полония к нему. Да, он – принц, но дать, по светским меркам, он ей ничего не может. Ведь он, по сути, пасынок судьбы, на которую обрекла его родная мать. Не потому ли в кульминационных моментах, обращаясь к матери, сын срывается с вежливого «вы» на «ты», что позволительно в английском?! Сквозит почти детское чувство обиды и в сценах с могильщиками.

Друг Горацио, введённый драматургом, не больше, чем зеркало, в которое время от времени глядится принц, обречённый остаться в этом статусе до своей гибели. Королевские почести воздаёт ему Фортинбрас. По этой самой причине и перенёс я центр тяжести трагедии на последний диалог принца с ним, допустив мысль, что подобное Шекспир, артист театра «Глобус», где многие сцены в пьесах писались и переписывались нередко по ходу действия, простил бы мне. Подобное, а пришло оно в профессиональный театр из уличного «театра дель артэ», судя по документам эпохи было в ту пору явлением обычным.

Глубина предательства матери повергает душу Гамлета в смуту, по причине которой в моей трактовке именно так он и именуем – **ПРИНЦ ДУШЕВНОЙ СМУТЫ**.

В разные времена играли Гамлета в лучших театрах мира и артисты-армяне. Особенно выделялись Петрос Адамян и Ованес Абелян. Среди исполнительниц роли Гамлета была и несравненная актриса Сирануйш.

Не думаю, что все они вникали в образ принца настолько глубоко. Судя по дошедшим до нас фото и кино-документам, драматизм ситуации у большинства исполнителей как на Западе, так и в России, включая последних из известных нам исполнителей роли принца Датского – Иннокентия Смоктуновского и Владимира Высоцкого явлен пластикой поз и внешней фактурой. Начинка, которую имел в виду я, в них явно отсутствует.

Армяне – один из немногих народов мира, кто имеет в переводе всего Шекспира. С одним из переводчиков его пьес я знаком был лично. Хачик Даштенц делился со мной, тогда молодым переводчиком, своим опытом работы над возникавшими перед ним трудностями в воспроизведении текста. Но в том времени я был лишь на подступах к Шекспиру и не успел вникнуть в суть его писаний. Он ещё не завладел мной настолько, чтобы сесть и начать переводить. Сперва я должен был им питаться.

В том времени мой школьный друг Армен Джигарханян, а было это году в 1962-ом, пригласил меня на своего Ричарда III, которого играл в русском драмтеатре им. К. С. Станиславского в Ереване.

Позже, посвящал меня в своего Шекспира великий трагик Ваграм Папазян, оставшийся в истории мировой театральной культуры как лучший Отелло. Больше года переводил я двухтомник его воспоминаний «Оборачиваясь в жизнь» в 1000 страниц. Свои первые шаги начинал он в труппе Элеоноры Дузе, после играл с Сарой Бернар и с лучшими артистами ещё императорских русских театров.

В очередной свой приезд на гастроли в Армению, Папазян пригласил меня в свою гримёрную в армянском драмтеатре им. Г. Сундукяна. Помню, пришли мы в театр часа за два или три до начала спектакля.

Начал он с того, что сбросил с себя мирскую одежду и с ней, как я понял, всё суетное. Мне показалось, что нанося грим, он мысленно проигрывал в уме роль не только свою, но и своих партнёров. В тот вечер давали «Отелло». Незадолго до своего выхода на сцену Папазян рассказал о забавном случае, имевшем место в театре. Как-то молодые артисты театра намекнули ему на то, что трижды плащ свой он, Отелло, на одно и то же место не положит. «Так вот, я уложил его в указанном ими месте аж двенадцать раз!» – торжествующе заявил он.

С той памятной встречи с великим артистом выверенность слова и жеста стали для меня методом работы над переводом и трактовкой образа Принца Датского.

Должен признаться: меня ничуть не смущало то обстоятельство, что широкий читатель знаком с переводами Н. Полевого, А. Кроненберга, М. Лозинского и Б. Пастернака. В них я даже не заглядывал, чтобы не сбиться со своей стези. Ведь после Пастернака, насколько мне известно, робея перед именем, никто и не помышлял браться за новый перевод,

Задача поэтического перевода в моём понимании заключалась, прежде всего, в придании трагедии ритмики, сообразной моему видению образа. Да и вся пунктуация у меня построена на амплитуде вдоха-выдоха. Проще говоря, я вжился в шкуру Гамлета настолько, насколько позволяли себе это Грибоедов и Гоголь, проигрывая в уме каждого из своих персонажей.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

Гамлет, принц душевной смуты (отрывок)

Перевод с английского Ашота Сагратяна

Входят король, королева, Лаэрт и вельможи. Озрик и другие приближённые несут рапиры и рукавицы. Стол.

Король: – Тебе вручаю, Гамлет, эту руку.

Король кладёт руку Лаэрта в руку Гамлета

Гамлет   Простите, сударь, вас я оскорбил. Но вы, как дворянин, меня простите, когда со слов придворных убедитесь, что мучим я с недавних пор недугом, который спеленал мой разум туго. А коли сам я разлучён с собою, и оскорбления ничего не стоят. Не Гамлет вашу честь задел, другой. Прошу прощенья честною рукой. Хотел бы те слова забрать обратно. И каюсь, что зазря обидел брата.

Лаэрт   Мой дух, он тоже примиренья ищет. Не знаю с ним лишь никакого сладу. От судей, что собрались здесь, я имени прошу ограду. До той поры любовь в нас есть – любовь.

Гамлет   Приятно, что в ладу и мире мы будем в этой схватке. Где рапиры?

Лаэрт   Подайте нам рапиры...(берёт за рукоять чистую рапиру, вертит в руке) Мне эта, Гамлет, что-то тяжела, и хоть не верю я в приметы, но я бы взял, коли позволишь, эту... Король желает лично убедиться, из нас двоих кто лучше и ловчей, как и счастливей жребий чей...

Гамлет   Выбор ваш. А по руке рапира мне любая, и я их никогда не выбираю. Как погляжу, длины они одной.

Озрик   Одной.

Гамлет   Как передали мне, вы мастер, право, и вас опережает слава. Для вашего ль не шанс для естества верх своего явить нам мастерства?

Лаэрт   Вы надо мною, принц, никак смеётесь?

Гамлет   Мой вам ответ: клянусь рукой, что нет.

Король   Тебе известно, Гамлет, о закладе.

Гамлет   Что ставит здесь на слабого король, не причиняет, думаю, нам боль.

Король   Мне потому бояться не пристало, что знаю вас. И, кто искусней, нету спору, бесспорно, даст другому фору.

Готовятся к бою, встав наизготовку.

Король   Вина сюда кувшин! Наш Гамлет, если победит он, король за это выпьет от души. На каждый выпад вам ответят пушки, а царственной жемчужиною этой, сиявшей в датской диадеме при четырёх последних королях, я освящаю сей напиток.

Гамлет   Так будем биться?

Лаэрт   Не обижу принца.

Гамлет   За вами первый, думаю, удар!

Лаэрт   Я сам позволю выпустить вам пар!

Гамлет   Как мой удар? Не бился много лет.

Лаэрт   Достойным будет, сударь, мой ответ.

Озрик   Да, выпад выполнен отменно. Знать, бой с успехом будет переменным.

Лаэрт   Мы просто по-мужски поговорим.

Гамлет   Согласен с вами, но судить-то им.

Озрик   Вот это да! Что надо был удар.

Лаэрт   Продолжим? Наступайте, я буду отбиваться, как могу.

Гамлет   У вас едва ль останусь я в долгу.

Король: (подзужживая драку) Кто явит нам искусство — молодец.

Гамлет   Уклончивости пылкий образец.

Король   Постойте, выпьем, Гамлет. За тебя. Я думаю, что вам довольно биться.

Гамлет   Мне Озрик говорил, двенадцать будет схваток.

Король   Но в нашей воле изменить порядок. Подайте принцу кубок.

Королева   Ты, Гамлет, воздух ловишь ртом. Глотком вина смочил бы губы.

Гамлет   Нет, матушка, я пригублю потом. Пока ж приветствуют нас трубы.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой
Бьются дальше

Гамлет   Я вас задел. Хоть с этим вы согласны?

Лаэрт   Весьма искусно, сударь, признаю.

Король   Наш сын одержит верх.

Королева   На выпадах торопится он слишком. От тучности берёт его одышка. Но королева пьёт за твой успех, мой Гамлет, пьёт при всех!

Гамлет   Сударыня моя!..

Король   Не пей, Гертруда!

Королева   Прошу простить, но хочется мне, сударь.

Король   (в сторону) Не упредить. Боюсь, что слишком поздно.

Гамлет   Не стоит на меня смотреть так грозно.

Лаэрт   Мой государь, теперь-то уж могу?

Король   Я не останусь пред тобой в долгу.

Лаэрт   (в сторону) Он вскорости умрёт, едва его я трону.

Король   Боюсь, уже теряю я корону.

Лаэрт: (в сторону). Не к моему будь сказано стыду, я явно против совести иду.

Озрик Напрасная, как я пойму, работа, не столько бьются, сколь исходят потом.

Гамлет У вас, Лаэрт, силёнок не осталось?

Лаэрт Вам, сударь, это только показалось.

Гамлет Отца ли смерть, но то, свидетель Небо, была досадная нелепость, Офелии ль кончина или тому иная есть причина, что с вами насмерть бьёмся здесь? Не нам, скажу, сбивать друг с друга спесь.

Лаэрт Принц, на меня вы понапрасну злитесь. Удар ответный будет, берегитесь! Затея эта мне не по душе.

Гамлет Лаэрт, о чём вы?

Лаэрт Принц, туше!

Шпага Лаэрта ранит Гамлета, в схватке они роняют рапиры и Гамлет, подняв рапиру Лаэрта, наносит ему рану

Король Разнять! Разнять! Они забылись в драке.

Гамлет Позвольте, сударь, мы не забияки.

Лаэрт Принц, поддаваться, право, ни к чему.

Гамлет Вам кажется, что с вами бьюсь вполсилы?

Лаэрт Теперь хотя бы вижу, что вспылили. Соперник вы достойный, в самом деле. Меня вы основательно задели.

Королева падает

Озрик О, помогите! Королеве помогите! Что стоите?!

Горацио В чём дело, принц? В крови вы оба.

Озрик В чём дело тут, Лаэрт?

Лаэрт Довёл себя до гроба. Я вероломством собственным сражён.

Гамлет Что с королевой?

Король   При виде крови чувств она лишилась.
Королева   Нет, нет, мой Гамлет! То питьё... Я отравилась.
Гамлет   Король, ты слышал матери моей что губы шепчут?
                 Не ты ли опустил в вино свой жемчуг?!

Королева умирает

Гамлет   Злодейство тут! Закройте двери! Здесь измена! Кто виноват, узнаем непременно.

Лаэрт   (падая). Предательство стоит с тобою рядом. И мне подобно, Гамлет, ты убит. Рапиры острее тот яд хранит. Протянем мы с тобой не больше часа. Противоядья нет. Судьбы гримаса. Твоя погибла мать и мне не встать. Молчать мне не даёт обиды боль. Повинен в наших бедах он, король...

Гамлет   А коли сей клинок напитан ядом, его употребить во благо надо!

Поражает короля

Все   Сюда! Скорей! Измена! Караул!

Король   На помощь! Я задет...

Гамлет   Не на тебе сошёлся белый свет, убийца подлый и прислужник блуда. За матерью моей ступай отсюда!

Король умирает

Лаэрт   Я получил своё и по заслугам. Но я хочу тебе остаться другом. Меня в своей кончине не вини. За смерть отца тебя я извинил...

Гамлет   Я за тобою следую! Безгрешен. Как всё сложилось глупо и нелепо! До трона до отца не дойдя, вам всё прощаю, королева, уходя! Мой друг Горацио, ты будешь безутешен, а смерть, сам видишь, до чего свирепа. Я гибну. Жить тебе на свете. Поведай людям правду обо мне.

Горацио   Я римлянин, подай тот кубок мне. Датчанином в душе остаться глупо.

Гамлет Мужчиной будь! Подай сюда тот кубок! Хочу, чтоб мне оно досталось, что в кубке там, на дне его осталось.

Марш и выстрелы за сценой

Странно, откуда шум тут взялся бранный?

Озрик С победой Фортинбрас из Польши воротился с кушем. В честь аглицких послов палят из пушек.

Входит Фортинбрас с английскими послами

Гамлет (просит Фортинбраса наклониться к нему). Ах, милый Фортинбрас! Твоё бы мне плечо! Задолго до рождения минуты я матерью родной был обречён остаться принцем... Принц Душевной Смуты. Не ждал ты от меня такое услышать?

Фортинбрас Как быть могло такое в наше время? Быть королём – немыслимое бремя, но ты бы смог по чести управлять ...

Гамлет Ах, милый друг, тебе ли не понять – проклятье королевы надо мною. Судьба моя могла бы быть иною. Изменница она отцу была, а мать... Поверь мне, никудышная от веку... Она любви не знала к человеку, который в жёны гордо брал её... Не сердце у неё – расчёта лёд...

Фортинбрас А что имел ты против королевы?

Гамлет На всё тебе, мой друг, один ответ: она – источник бесконечных бед, которые изведать привелось. Душа давно накапливала злость...

Фортинбрас Я выслушать тебя, мой друг, готов.

Гамлет Торопит смерть, начну без лишних слов. Начнём с того, что мой отец погиб. Уже в ту пору мать моя, Гертруда, связалась с Клавдием. Ну чем, скажи, не королева блуда?! И он хорош, завистливый Иуда. Через неё короче путь до трона. Предмет их вожделения – корона. Кто изготовил, догадайся, яд,

что сонному отцу влил Клавдий в ухо?

Фортин-
брас

Об этом при дворе никто ни сном, ни духом.

Гамлет

Мне ль говорить тебе, что есть он, образ уха? ...Да, это положение во чреве. А в том была комочке завязь духа. Я обречённым стал сучком на древе рода. Повинна матери в том подлая природа. Днесь попораны достоинство и честь. И вкупе это всё с наследным правом. Хвала дворцовым правилам и нравам! Теперь не время мыслить отвлечённо. За гибелью Офелии стоит судьбы моей преобречённость. По этой же причине, я, поверь, любовь её решительно отверг. От горя обезумевший Полоний, вина меня, того никак не понял, что будущности я уже лишён.

Фортин-
брас

О, как же, Гамлет, ты не защищён! Когда б я мог помочь, но я в походах вечных... Теперь же знаю, как сошла беспечность хотя бы с уязвлённого чела...

Гамлет

Они сложились так, мои дела. Был карой мне театр моих чудачеств, но каждый шаг мой был поступком значим.

Фортин-
брас

Ужели ведал ты судьбы своей расклад?

Гамлет

Предвидя это, был тому не рад. И разыгрались здесь события эпохи...Интриг дворцовых оживились блохи. Предвидел я, вернёшься ты к финалу, что в Эльсиноре вымрут мал по малу все жертвы тирании, их не счесть. Отец был мне, напомнивши про месть...

Фортин-
брас

Не мог он быть. То мог быть только призрак.

Гамлет

Пусть даже так, но сам он мне, как призма, всех разом разложил на их пороки. Его явление высветило лица — в ком кровь течёт, я видел, в ком водича.

- Фортин-брас Принц, жизнь даёт нам горькие уроки. Любовь и та порой выходит боком.
- Гамлет В придворных, что ль, комедиантов мало?! Мать говорила: ото всех устала. Смех над собой не оставляет сил.
- Фортин-брас На время б недовольство загасил. В себя пришёл бы ото всех напастей. Уж это-то в твоей, принц, было власти?!
- Гамлет Мне тень отца покоя не давала. Отмщение вряд ли утоляет жажду. Знал, своего предназначенья стражду, а в чём оно, не думал, что пойму. Как медленно расходятся круги предательств! Ни верности уже, ни обязательств. Доверчивости хрупкая стезя! Наивности ступить туда нельзя. Быть при отце змеёю подкольной, до похотей бессовестных голодной. Пока король о королевстве думал, измен уже свирепый ветер дунул. Туч грозowych высокая гряда на Данию надвинулась. Беда!..
- Фортин-брас Ты, Гамлет, чувства подчинил уму. Пойдя на хитроумные уловки, ты всех в своей увидел мышеловке.
- Гамлет От мрачных мыслей закипала кровь. В сетях коварства умерла любовь. За кознями вослед пришла расплата. Как видишь, и моя судьба распята. Картины мира следуют за мной. Как-будто я не Гамлет, а иной, исполненный блуждающего взгляда. Мне связь времён нащупать было надо. И как подметил верно друг Горацио, наш Эльсинор – не замок, декорация: так много бутафории во всём, среди чего мы вроде бы живём. От слуг до королевы пажей здесь все, увы, не просто персонажи. За каждым словно прячется секрет... Гармония едва ли скрытность любит. Я знал, что он, бесчестия позор, наш Эльсинор, что он меня погубит, а коли то уже предвидел я, подземный мир нам будет судия... Яд

затмевает взгляд. Что в Англии случилось, не узнаю. А вот твоё избранье предрекаю и за тебя свой голос отдаю... Открой с Горацио всех бед моих причину. Меня несёт во времени пучину...

Умирает

- Горацио Почил мятежный дух. Спи, милый принц, под пенье херувимов. Знай, как король любой, и ты почил под барабанный бой! И Фортинбрас, припевший к одру скорби, увидел, как нас горе горбит.
- Фортинбрас Как много сильных мира здесь скосило! Какая бойня! Смерти сущий пир!
- Первый посол Зловещая открылась нам картина. Скажите вы, кто выразит признательность за то, что Розенкранц и Гильденстерн мертвы и в строгости приказ его исполнен?!
- Горацио Из этих уст не выйдет звука боле. Да он их казни вовсе не хотел. Теперь, чтоб не томить вас больше, когда, избавившись от дел, которые закончили вы в Польше, я горечь здешних обстоятельств изложу, чтоб знали все о том, что здесь творилось, каких коварств злокозненность открылась, зачинщиков за это покарал.
- Фортинбрас Собрать бы подобало знать сейчас, чтоб в скорби час, приемля счастье восседать на троне, я мог законные права на эту предъявить корону.
- Горацио Из уст того, кто навсегда умолк, и ЭТО мне поручено озвучить. Неведением чтоб толпу не мучить, она природою своей и так дика, я повесть рассказ издадека.
- Фортинбрас Пусть Гамлета поднимут на помост. Как воина, четыре капитана пусть честь ему по чести воздадут, будь то кому-то даже не по нраву. **Не будь убит, он был бы королём. К тому ж по праву.**

ЗОЛОТАЯ ВЕРШИНА БАТОЖАРГАЛА ГАРМАЖАПОВА

Батожаргал Гармажапов родился в 1950 году. ...Не помню ни год, ни месяц, ни день знакомства с Батожаргалом. Мне кажется, мы были знакомы всегда. А вот первое его стихотворение, которое я перевёл на русский язык, и которое стало своеобразной основой нашей многолетней дружбы и творческого сотрудничества, помню до сих пор:

Степь, для меня ты не просто
  земля без границы,
Посвист метели, плывущая в зное пыльца.
Вся ты – от крохи-травинки
  до светлой зарницы –
Доля моя от рождения и до конца. <...>

Значительная часть моего детства и юности прошла в степном селе. Я так же, как Батожаргал, любил и уважал своих земляков-степняков, мужественных, трудолюбивых, бескорыстных, добрых и честных людей. И так же, как он, делал первые шаги на пути в большую литературу, мечтая отдать людям своё сердце и песни и вчитываясь в строки стихов поэтов-классиков и своих учителей – забайкальских поэтов Николая Савостина, Юния Гольдмана, Георгия Граубина и др. И хотя тогда, больше трёх десятилетий назад, я, уже имея более солидный опыт работы в журналистике и литературе, чем мой друг, который на десять лет младше меня, я всё чаще и чаще удивлялся его мудрости, глубине суждения о жизни, людях, прочитанных книгах, широте его знаний обычаев и традиций своего народа, нашей общероссийской истории.

Вчитываясь в простые, искренние, идущие от сердца строки, я вижу и бескрайнюю степь, и спокойный, призывный свет костра, и сидящих вокруг него суровых, знающих цену слову людей: чабанов, табунщиков, скотников, пастухов и моего друга-поэта, не имеющего тайн от друзей, и умеющего хранить их тайны. Многие стихи Батожаргала Гармажапова наполнены раздумьями о смысле жизни, о времени, об ответственности человека за свои дела и поступки.

Чувство острой ответственности за сохранность культурных, нравственных ценностей, завещанных нам нашими предками, за наши сегодняшние дела и поступки – смысл работы и общественной деятельности директора Агинского национального музея, поэта и прозаика Батожаргала Абидуевича Гармажапова. И, конечно же, совсем не случайно много времени и сил в последние годы он отдаёт издательской работе.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

Книга жизни

Я

Я – стремление матери,
Я – мучение матери,
Я – горе матери,
Я – надежда матери,
Я – щит матери,
Я – совесть матери,
Я – счастье матери,
Я – единственный сын матери.

Памяти друга

Друг выпустил повод из рук
на скаку.
Скатилась звезда и упала
в реку.
А мы лишь вчера с ним
мечтали вдвоём,
Что вместе сто лет на земле
проживём,
Что будет наш путь бесконечно
большим,
И все, что задумано нами,
свершим.
Скатилась звезда и упала
в реку.
Друг выпустил повод из рук
на скаку.
И горе мне душу сжигает огнём.
Как много смогли бы мы сделать
вдвоём,
Но память бессмертна и живы
дела.

Две трудных дороги судьба мне
дала.
И я не сверну на обочину
с них,
Я буду бороться один
за двоих. ...
В руке моей твёрдой лежат
повода.
Все ярче и ярче над степью
звезда...

*****

Опять упал листок календаря
И друг вздохнул как будто
облегчённо:
— Окончен день.
Ну, кажется, пора
Уже ко сну...
И потянулся сонно.
Я вздрогнул —
День и вправду пролетел,
На хрупкие мгновения рассеясь.
А я мечтал исполнить столько дел
И не успел,
На время понадеясь.
Уходят дни беспомощно и зря
В пустых заботах, в мелочных задачах.
. ...А где-то есть листок календаря
Последний самый... тонкий и прозрачный...

Последний угон

Неужели мы радость свою
покупаем бедою других...
Гоним стадо овец
и качаемся в седлах тугих.
Шутки шутим и песни бросаем на травы
легко. ...

А на вымени чёрном колечком блестит
    молоко...
Этим овцам уже никогда не шагать
    по росистой траве,
Миражами не плыть по бездонной степной
    синеве,
Белолобых ягнят не кормить,
    от жары прикрывая собой. ...
Гоним стадо овец.
    гоним их в Заготскот, на убой.
Будет в чашах парить золотистый густой
    бухулер.
Будут песни и пляски, и сытый пустой
    разговор.
Будет в шубах овечьих уютно
    суровой зимой. ...
Почему же нам радость даётся
    такою ценой?

*****

О, если б не во сне,
    А наяву
Вернуть впустую
    прожитые годы,
Погасшие закаты
    и восходы,
И дожди, упавшие
    в траву.
Вернуть всё то, что юность
    не дала,
Все то, что я ценить
    не научился,
И от чего по глупости
    стремился –
Мол, ждут меня
    великие дела.
О, как бы я берёг свой
    каждый час.

Я каждый миг бы
    посвятил работе,
Я каждый миг бы
    посвятил заботе,
Я каждый миг бы
    от безделья спас. ...
А может, это только
    лишь слова.
Когда бы юность снова
    возвратилась,
То жизнь бы снова
    в праздник превратилась
И снова зацвела бы
    трын-трава?..

Книга жизни

Всё, что было и есть, – не прошло,
    не исчезнет бесследно.
Есть в народе молва,
    и мне хочется верить в неё –
Всё, чем жив человек, –
    наши помыслы, радости, беды
В Книге Жизни найдут отражение своё.
Книга Жизни. Страницы её без границы.
И бессмертными строчками лягут на них
Птичий крик, мимолётная вспышка зарницы,
Первый снег и чабанских кочевий огни,
Смех ребёнка и плач по ушедшему старцу,
Хлебный колос и хлебный ломоть на столе,
Рёв ракеты за долю секунды до старта,
Скрип телеги в туманной предутренней мгле...
Книга Жизни. Когда-нибудь внуки откроют
О сегодняшнем дне беспристрастный рассказ...

И тревоги своей я не спрячу, не скрою –
Все ль они без стыда прочитают о нас?

Из русинской поэзии

ИВАН ПЕТРОВЦІЙ (род. в 1945)

Иван Юрьевич Петровцій родился в селе Осуї Иршавского района Закарпатской области. Окончил среднюю школу в с. Ильнице. После школы работал грузчиком, токарем, шофером, служил в армии. В 1973 году окончил филологический факультет Ужгородского университета. Работал учителем в родном селе, потом – журналистом.

Стихи пишет с детства. Автор многочисленных книг на русинском языке: «Діалектарій, або ж Мила книжочка русинської бисіди у віршах» (1993), «Наші спиванкы» (1996), «Наші и нинаші спиванкы» (1999), «Битангиські спиванкы» (2001), «Послідні спиванкы» (2003), «Спиванкы, зібраное» (2006), «Йсе - есе» (2007), «Сто двадцять два стихи, написані восени 2008-го года» (2009), «Ворожкы осийських босоркань» (2011). Иван Петровцій является автором-составителем «Антології днїшньої русинської літературы» (2009). Он – лауреат многих премий. В частности: премии имени Дюлы Ййеша Венгерского Союза писателей (1994), болгарской премии за лучшую сатиру «Хитрый Пётр» (1997), Международной премии за русинскую литературу имени Александра Духновича (1998), Русской премии (2005). Газета «Ruthenia» признала Ивана Петровція лучшим закарпатским писателем постсоветского периода.

Перевод с русинского Ивана Белокрылова

Спиванка о живом русинском слове

Я – слепок живого русинского слова,
Господь на него подарил нам права:
От Бога бессмертного мира основа,
От Бога бессмертные наши слова!

Прапрадедам были всегда оберегом
Родные слова, словно звёзды во мгле.
Русинская речь – это альфа с омегой
Всего, что имеет русин на земле.

Кромешному мраку с русином не сладить,
Покуда он солнечных слов не зарыл...
Не дам я врагам ни стереть, ни изгадить
Ту речь, что русинам Господь подарил!

Моё письмо – русинское

Тебе не любо всё, что ни пишу я,
И как пишу я, твой коробит вкус...
Но с детских лет несу я этот груз,
И буду так писать, пока дышу я.

Твердишь, куда бы от русинства деться,
Писал бы по-украински зело.
Поверь, моё письмо – не ремесло,
А таинство, что Бог даёт нам с детства.

Мне речь с рожденья подарила мама,
А мама, как и Бог, у нас – одна!
Пойми, что у меня одна вина –
Рождён русином я, и в этом моя драма.

Знай, петровцизм войдёт однажды в моду,
Ведь я с любовью прославлял свой край.
Не нравится, не любишь? – не читай.
Пишу я для русинского народа!

Декабрьский ветер

Лютый ветер дикобровый
Стужею обнял дубровы,
С диким рёвом, страшным стоном,
С гиканьем промчал по кронам...
Лютый ветер многокрылый
Отнял у деревьев силы...
Лютый ветер вкруг летает –
Снегом путь мне замечает!
Я его не укоряю,
Я дорогу проторяю!
Вот согреюсь, вот спасуся –
Рядышком уже Маруся!
Ветер – злой, а я – упорный.
Путь к моей любви – просторный!

Перевод с русинского Ирины Ковалевой

Музыкальное видение

Темп музыки был таков,
Как будто звенел родник.
Виденьем средних веков
Русинский мой край возник.

Солома на крышах хат,
И нету замков, как встарь,
Никто не отводит взгляд,
И в каждом селе звонарь.

Церквушка среди села,
Сошлись стар и млад – все тут,
Но плохи у них дела,
В постолы не всяк обут.

Посмотришь вокруг – снега,
Морозом зима тверда.
В голодные берега
Село загнала нужда...

...Там деды мои тужили,
Им звёзды сияли в небе.
Родились, трудились, жили,
Думали лишь о хлебе.

Духновичем дарованное слово

О, речь русинская, тебя одну
Я чувствую, как гусяры струну,
Как астрономы даже днём звезду,
Всю сладкую, как солнышко в меду.

Как молоко дитя, тебя я пью.
Никто отнять не сможет речь мою!

О речь русинская, лишь ты одна
Стоишь, как нерушимая стена
Русинских прав и жизненных основ,
Щитом от украинских болтунов,
Что рвут нам сердце злых зверей лютей,
Поскольку не считают за людей.

О, речь русинская, в тебя одну
Я верю и тобою присягну.
В дни страшные, как сердце, он кровит –
Духновичем нам данный алфавит.

К своей свободе по его пути
С русинским словом вместе нам идти!

***

Бесконечна ночь, а тьма опасна,
Хата без огня – почти нора.
Застит очи мрак, но вижу ясно,
Что светлей не станет до утра.

Прошлого отхлынувшие воды
Страх вселяли, не были тихи.
Больше не хочу считать я годы –
Вспоминать хочу одни стихи.

Современная монгольская поэзия

Монгольская поэзия – это огромный и неведомый для русскоязычного читателя мир, настолько глубокий и народный, связанный историей, природой и безмерностью человеческой души, что вряд ли «оцивилизованное и окультуренное» общество сможет понять этот космос...

ГОМБОЖАВЫН МЭНД-ООЁО (род. в 1952 г.)

Гомбожавын Мэнд-Ооёо¹ относится к числу авторов, для которых характерно обращение к фольклорным традициям. Писатель – уроженец плато Дариганга в Сухэ-Баторском аймаке на востоке Монголии. В 1978 г. Мэнд-Ооёо окончил педагогический институт в Улан-Баторе. Занимался преподавательской работой, издательской деятельностью, работал в Министерстве культуры МНР. Сегодня Гомбожавын Мэнд-Ооёо – автор более тридцати сборников поэзии и прозы, лауреат различных монгольских и международных литературных премий, председатель монгольского ПЕН клуба. Его книги и отдельные произведения переведены на многие языки мира. Он является заслуженным деятелем культуры Монголии.

Перевод с монгольского Виктора Балдоржиева

Путь к тебе

Пробиваясь сквозь годы и время, за собою светила ведя,
Через тьму и тернистое семя, мудрых предков тропой проходя,
Через горы, холмы и долины, через счастье, несчастье, нужду,
Через реки, леса и равнины, отвращая преграду, беду,
Лишь одной очарованный темой, слышу голос твой в шуме дождя,
И слагаю словами картины, я к тебе непреклонно иду.

Пусть дорога пылает пожаром и трясинной сменяется вдруг,
Покрываясь пятнистым угаром клеветы или лживых потуг.
Их очистят лишь светлые думы, ведь они так чисты и не злы.
В мире только любовь не угрюма, ей подвластны любые узлы,
Сквозь ветра, что от края до края, поднимаясь на вверенный круг,
Не меняя пути, познавая – этот мир, я иду к тебе, друг.
Во мне осени мудрой печали, молодой и весенний задор.
И ладони мои не устали нести солнце к тебе до сих пор.
И осенней травой увядая, распускаясь весенней листвой,
То в садах, то в цветах пропадая, собирая любовный настой,
Твои руки чаруют и чары, прекращая вражду или спор.
Я иду, неустанно мечтая, что дойду и что буду с тобой!
Долог путь, будто молнии думы озаряют во мгле этот путь.

---

¹ <http://mend-oooyo.blogspot.ru/2009/08/blog-post.html>

Эти думы вкусны, как изюмы, от того и не трудно ничуть.
Все мои сокровенные тайны, будто кто-то назначил им срок,
Собираясь, сплетаясь случайно, но являют разумный венок.
Никогда не кончается время, ты об этом, мой друг, не забудь.
Безграничны пространства и темы. Это всё из пути я извлёк.

Сны урывками, только покоя никогда эти сны не дают.
Знаю я, когда буду с тобою, обрету в твоём сердце приют.
Из глубин поднимаются строки, поднимаясь к отрогам вершин.
Поднимаюсь за ними. И в сроки постигаю я мудрость глубин.
Ошибаясь в пути и вставая, от оков избавляясь и пут,
Свою песню ищу, продолжая неизменно идти до тебя!

Ринчений Чойном (1936 – 1978)

Стихотворения Чойнома приобрели широкую популярность у населения, часть любовной лирики стала народными песнями, однако официального признания он при жизни не получил из-за аполитичности своих стихов; по той же причине однажды был арестован. В 1991 году был посмертно удостоен государственной премии Монголии. На родине его называют монгольским Владимиром Высоцким.

Наброски

* * *

Все мои невыплаканные слёзы –
Душу очищающие грозы
В сумраке над Родиной моей...

* * *

Все наряды юности беспечной
Обернутся смехом к седине.
Битвы всех народов в жизни вечной –
Превратятся в сказки о войне...

Моя Монголия

Только в сердце Монголия краше
И на картах она не видна.

Не в музейной фарфоровой чаше, –
В деревянной пиале она,
Запах чая и дыма там слаще,
И гобийские ветры звенящи,
И родная земля солона...

И мука, что прожарена круто,
И вода из холодных ключей,
Вся нехитрая утварь уюта,
Аромат разнотравья степей,
Загорелые лица и юрты...
И над сводом продымленным будто
Дым зовёт неустанно гостей.

Там старик отдыхает спокойно,
Вспоминая былые года,
И ружьё, позабывшее войны,
В изголовье мерцает всегда.
Как в походах уставшие кони,
Сапоги притулились там сонно.
И белеет во мгле борода.

На божнице мерцает лампада,
Дымокурница, тусклая медь.
Стариковская дочка – отрада,
Рождена за хозяйством смотреть,
Ни жена, ни вдова, без наряда,
В этой юрте вся жизнь и услада,
Все хлопочет, чтоб чай разогреть...

Конь всхрапнет, паутов отгоняет,
Вечереет степной окоём,
Солнца луч в дымоходе играет.
Смех детей, гурт скота, водоём...
Пёс бежит и залиvisto лает,
И ошейник, алея, мелькает.
Вот Монголия в сердце моём...

Одно стихотворение

* * *

Эти горы седые стоят здесь веками,
И качаются в мареве гривой коня.
Кто же я, проезжающий мимо годами?
Полстолетья не жил! Кто узнает меня?

И веками несёт Керулен свои воды,
И вода не иссякнет на этой земле!
Как я молод ещё, подсчитав свои годы,
Исчезающий вместе с годами во мгле.

Девушка на коне. Встреча

Молодым я скакал по дорогам судьбы, где измены,
Там, где песни протяжные каждый поёт о своём.
И в ложбине, где раньше траву приминали тумены,
Разминулся с красавицей вдруг на высоком гнедом.

Конь задел моего, и шарахнулся он от испуга,
Будто плетью казачьей ожгла она взглядом меня...
Был откормлен мой конь, и затянута туго подпруга.
Но, минуя, красавица плетью достала коня!
И ударился солнечный луч об истёртое стремя
И нежданно меня полоснул по глазам! И гнедой,
Как и мой, прочь отпрянул, всхрапнув, испугался на время,
Высек искры и пыль, что накрыла меня сединой.

Диким вихрем мелькнула красавица, вольно и смело,
И растаяла дымкой в зелёном, туманном, краю.
Её жёлтый кушак на коричневом шёлковом дэли
Золотою петлёй заикрючил вдруг душу мою...

Серебрясь, волосинки витали от встрёпанной гривы,
Как воинственный дух, позабытых и славных времён.

Когда женщина диких коней укрощала на диво,
А мужчина, подобно коням, для войны был рождён.

Обогнать, расстегнуть твоё дэли, красавица что ли...
Мои кони со мной, никогда не подводят меня:
Всё в пути устаёт, не устанут стихи или воля.
О, красавица, хватит ли сил у тебя и коня?

Андрей Сапёлкин

ТЕМА СМЕРТИ У ПОЭТОВ МИЛАНСКОЙ СКАПИЛЬЯТУРЫ

Название «скапильятура», представляющее собою итальянский аналог французскому понятию «богема», получило в Италии литературное и художественное течение, на долю которого пришлось всего одно десятилетие: 1860–1870 гг. Однако оно представлено именами, оставившими в итальянский культуре заметный след. Местом «базирования» скапильятуры был Милан, ставший после объединения Италии лидером капиталистического развития страны, её первым промышленным центром. Перед этим новым Миланом с его ускоренной урбанизацией, с новыми «рыночными» отношениями, воцарившимися в обществе, с новыми идеалами в искусстве, главным критерием в котором стал массовый спрос, и новыми ценностями, выразившимися в погоне за деньгами и успехом, молодые литераторы и поэты ощутили растерянность и страх. Жизнь, которая стала представляться им уродливой и сумасшедшей, вызвала в них ощущение психологического и экзистенциального дискомфорта и побудила к поиску способов освобождения, а точнее – бегства от неё.

Ужас скапильятов перед наступившей действительностью нашёл выражение в их творчестве, где присутствует гений и безумство, отчаяние и бравада, вызов и обречённость, а также темы, связанные со смертью и самоубийством. Костяк миланской скапильятуры составляли литераторы, которые в 60-е годы XIX века были или в расцвете молодости или вообще в ранней юности. Тем уди-

вительнее та навязчивая мысль о смерти, которая сквозит в стихах большинства из них.

Поэтическое творчество Иджинио Уго Таркетти (1839–1869) является в этом отношении особенно показательным: оно, как и всё его существование, отмечено предельной мрачностью и отчаянием, непреодолимым ощущением несчастья, а также смерти, которая разрушает красоту.

Типично в этом смысле стихотворение «Memento!», название которого представляет собою первую часть известного латинского изречения *memento mori*, традиционно переводимого как «помни о смерти». В другом его стихотворении без названия («Я в полночь приглашён был для свиданья...») заметно влияние «мрачного романтизма» Готье и По, а «кладбищенская тема» получает в нём ещё и эротическую окраску.

Отмеченному элементами фантастики творчеству Таркетти противостоит вполне реалистическая интонация стихотворения «Умершая» Джулио Пинкетти (1845–1870). Первая строфа в нём откровенно прозаична: здесь смерть представлена с обрядовой стороны – холодной и формальной, и поэту всего несколькими словами удаётся передать то равнодушие, с которым был встречен и оставлен уход из жизни несчастной девушки. Однако со второй строфы общая повествовательная интонация стихотворения становится всё более просветлённой и одновременно экспрессивной. Девушка была влюблена, но того, кого она любила, рядом с ней не было, и она умирает с надеждой на то, что встретится с любимым на небе, а поэтому воспринимает свой уход с радостью. Невозможность обрести счастье в этом мире, неосуществимость чаяний, желаний и надежд на земле, недостижимость мечты – это один из основных мотивов творчества поэтов миланской скапильятуры, и он побуждает их искать выхода из царящей вокруг безнадёжности в смерти.

Смерть – способ ухода от действительности, отчаянный и одновременно восторженный эскапизм, обретение в небесах того, чего не удалось обрести в жизни. Эта мысль наглядно проводится в стихотворении «Самоубийство» одного из самых известных представителей скапильятуры – Эмилио Праги (1839–1875). Оно открывается своеобразным прологом, где оплакиваются «сокровища», которые остались лежать не востребованными или оказались

растраченными на пустяки. Под сокровищами подразумеваются нераскрытые или неоценённые таланты. Этот «пролог» подводит читателя к основной части стихотворения, которая повествует о покончившем с собою молодом художнике. Юному художнику как самоубийце отказано церковью в отпевании и христианском погребении, но это не имеет значения: душа его «вырвалась из заточения», которым мыслится земное существование.

Вторая часть стихотворения («Простите, кисти, краски...») несёт в себе черты скорбной патетики. Здесь варьирующийся метр (ямб – двукратный дактиль – хориямб), нерегулярное число стоп в строках и сложная система рифмовки исподволь размывают стихотворную форму, приближая её к ритмизованной прозе, и придают всей строфе характер строгой декламационности.

Таким образом, создаётся ассоциация с торжественной речью, произносимой над телом усопшего во время панихиды. Завершается стихотворение своего рода эпилогом – восторженным воззванием к художнику, жизненный путь которого был усеян одними шипами и который в этом мире не смог добиться осуществления своих мечтаний. Добровольно уйдя в лучший мир, он видит, сколь жалко и ничтожно земное искусство перед величием и красотой Царства Небесного, которое люди тщатся отобразить в своём творчестве.

Стихотворения Праги «Девушка в бреду» и «Умершая из селения» своею реалистичностью словно предвосхищают эстетику веризма, но они продолжают тематическую линию других его произведений: больная девушка испытывает мгновения счастья, только впадая в бред, а в реальности она видит гробовщика, явно пришедшего для того, чтобы снять с неё мерку.

В другом стихотворении в четырёх строфах исчерпывающе представлена история безотрадной жизни некой девушки («юницы»), которой в этой жизни не на что было надеяться, так что ей оставалось только одно – умереть. «Смерть лучше жизни» – это творческое кредо представителей миланской скапильятуры роковым образом сказался и на их судьбах: большинство из них ушло из жизни очень рано.

Перевод с итальянского Андрея Сапёлкина

Иджинио Уго Таркетти

Memento!

Тебя в уста пурпурные целую,
О дева милая, забыть, что там, за ними,
Скрыт голый череп, просто не могу я!

Когда ко мне ты жмёшься нежным телом,
О дева милая, я думаю всё время,
О спрятанном внутри скелете белом.

Томимый этой мыслью неотступной,
В прикосновениях, в объятьях, в поцелуях
Костей я чую хлад и запах трупный.

***

Я в полночь приглашён был для свиданья
На кладбище – и вот пошёл туда я,
Крестов во тьме виднелись очертанья
Да ветер дул меж ними, завывая.
Спросил у бледной девушки тогда я:
– Зачем на кладбище я позван для свиданья?
– А ты не знаешь, что давно мертва я?
Со мной не хочешь лечь на дно могилы?
Тебя любила я ещё живая,
А ныне вокруг меня лишь мрак унылый.
В могиле вечный холод, друг мой милый!
Ты и не знаешь, что давно мертва я!

Джулио Пинкетти

Умершая

Скончалась девушка влюбленная в печали;
Крест каменный поставили над ней,

Заупокойную над нею прочитали
И позабыли через пару дней.

Она, дыша любовью, угасала,
Как летний вечер – тихо и легко –
И взглядом чёрных глаз своих искала
Того, кто от неё был далеко.

Искала тщетно, сколько ни пыталась,
Взамен любви – могилы хлад нашла,
Но в чудном взгляде глаз её читалось:
«До встречи в небесах!» – и с тем ушла.

Эмилио Прага

Самоубийство

Тьмы сокровищ, растраченных даром
Или в ящиках запертых глухо
И которые с легкостью духа
Тратит тот, кто не знает забот!
О металл, для красоток товаром
Ставший в виде безделок дешёвых,
А тем временем братьев всё новых
Губит бедность и гордость гнетёт!
Видите юноши
Труп охладевший,
Облик, страдание
Запечатлевший?
Пылкое, чистое
Сердце в нём билось:
Сердце под бременем
Тягот сломилось.
Художник, с бедностью
В борьбе упрямой
О славе грезивший
Высокой самой,
Терпел лишения,
Нужду и холод;

Толкнул несчастного
На крайность голод.
Он умер... Мученик,
Покойся в мире!
Ты не сподобишься
Стихов псалтыри,
Лишен церковного
Ты погребенья...
Так что ж? Ты вырвался
Из заточенья!

Простите, кисти, краски – всё, что свято
Было когда-то!
Нет юноши, который,
Беря вас в руки, взоры
Вдаль устремлял, о славе помышляя!
Прощай, о красота родного края,
Вечно живая,
Что творчество питала
И славой обольщала;
И вот – гробницей стала мастерская!

Мир отринув, где места нет чуду,
В мир лети, где добро без предела,
Кубок жизни ты выплеснул смело
На шипы из невзгод и потерь.
На холстов неоконченных груды
Ты с небес, улыбаясь, взираешь
И искусство людей презираешь,
В свете солнца купаясь теперь.

Девушка в бреду

– Как душно!.. Уберите одеяла!..
Зачем вы взяли майоран из сада?
Что это? Звук церковного хора?..
Зачем здесь гробовщик, ему что надо?

Ах, мама, надуши платок, чтоб сада
Он запах источал... Жаль, места мало:
Я вышила б на нём цветы в два ряда...

Что старый доктор – был? Я и не знала...
Лекарств мне горьких лучше б не давали!
Мне сон приснился – это чудо прямо:

Хочу, чтоб доктору его вы рассказали;
Прекрасный сон... В алтарной части храма
С солдатом молодым меня венчали...
Гробовщика ты отослала, мама?

Умершая из селения

Поведать об умершей, по которой
Звонит сегодня колокол, хочу я.
Была она юницей слабой, хворой,
Жила вон там, где рядом лавр и туя.

Когда всего пятнадцать лет ей было,
Её отца, который жизнью тяжкой
Раздавлен был вконец, взяла могила...
Осталась тётка старая с бедняжкой.

Без матери росла, любви не зная,
И без подружек бедная юница;
В обносках, некрасивая, худая...
Кто захотел бы на такой жениться?

На мессе ей случалось видеть взгляды,
Какие парни девушкам дарили...
О сердце бедное, не знавшее отрады!
Сегодня в землю.

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

От переводчика.

Популярный в нашей стране литературно-художественный журнал «Иностранная литература» завершил 2012 год выпуском номера, посвящённого малой прозе английских романистов XX века и современному британскому рассказу. В рубрике «Литературное наследие» почитатели английских классиков прошлого века могут познакомиться со знаменитым эссе Вирджинии Вулф «Я – Кристина Россетти» в переводе М. Лукашкиной, довольно известной у нас переводчицы произведений К. Д. Россетти.

Разделяя взгляд Вирджинии Вулф на личность и творчество любимой мною Кристины Россетти¹, не могу удержаться от небольшой цитаты. Мысленно обращаясь к поэтессе, В. Вулф говорит: «Твои чувства были столь непоколебимы, чисты и сильны, что благодаря им ты создавала стихи, ласкающие ухо, как мелодии Моцарта или напевы Глюка.

... Ты не сомневалась ни в своём даре, ни в правильности своего видения. Твёрдой рукой ты правила рисунок своих стихов, придирчивым ухом вслушивалась в их музыку. Ничто несовершенное, лишнее или неуместное не портило впечатления от твоей работы. Словом, ты была художником».²

Надеюсь, предлагаемые далее переводы стихов К. Россетти позволят ещё раз убедиться в правильности этой оценки В. Вулф.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

Не забывай меня

«Не забывай меня! Не забывай меня!» –
Молит девушка при расставании,
Когда милый на битву далёкую
Поспешил после их свидания.
«Не забудь меня! Не забудь меня!» –
Просит горничная всегда;
Только путник случайный в гостиницу
Не вернётся уже никогда.

¹ См. другие стихи Кристины Россетти в пер. Валентины Брилевой в журнале «Переводчик». Выпуски 4–12 (2004–2012 гг.). (Прим. ред.).

² Иностранная литература. – 2012. – № 12. – С. 223.

Тихая весна

Как будто уходит зима;
    Недолог весенний приют.
Мне б в чащу лесную пойти,
    Где вольные птицы поют;

Где на кустистой боярке
    Царствует дрозд голосисто,
И звонко зарянка щебечет
    В мягкой тени остролиста;

И когда ароматные почки
    Раскроются в чудной истоме,
Над всем возвышается арка
    Утонувшего в зелени дома.

Наполнится воздух душистый
    Прелестью шёлковых слов,
Почудится шёпот таинственный:
    «Мы вам не ставим силков;

Вы обживайтесь, побудьте
    Наедине вешним днём
С чистым ручьём, старым камнем,
    Укрытым ласковым мхом.

Здесь и в сияние солнца
    Тени нежней. Высоко
Эхо плывёт – голос моря
    В нём узнаётся легко,
Хотя море совсем далеко».

Воспоминание

I

Живое в груди лелеять могла,
    В сердце умершее скрывала;

И радость совсем не в радость была,
Оттого молчаливою стала.

... Затворившись, хотела лишь одного:
Видеть правду; и я с ней стояла
Без себялюбия своего,
До конца её речи внимала.

Всё взвесила и оценила вполне;
Окрепла моя решимость.
Я поняла, каково будет мне,
Но молча на выбор решилась.

Не знает никто, как в бореньях жила:
Выбор сердце навеки измучил.
Я, разбив божество, волю всю собрала;
Так сама себе выбрала участь.

Я разбила ударом одним. Суждено
В своём сердце осколки хранить. И не жаль,
Что по дюйму с тех пор умирает оно...
Старится время, стареет печаль.

II

Есть место – приют незабвенных дней,
Где одна я в душевном изгнании;
С благословенным на троне воспоминанием –
Средоточием жизни моей.

И холодной (о, скучная гостья!) зимой,
Когда ветры колючие стыло метут;
Когда бледные лилии, розы цветут
Щедрой летней порой;

А вторгнетесь если случайно туда,
Уходящего тленье заметите вы;
Перед ним не склоняю уже головы,
Не преклоняюсь теперь, как всегда.

Но часто в глухую пору свою
Там ясными вижу глазами ...
И думаю, что станет с нами,
Когда будем вместе в раю.

Она сидела и пела

Она сидела и пела
У вешней реки звонким днём,
На рыбок игривых смотрела,
Снующих под ярким лучом.

Я, плача, сидела без слов;
При тусклой луне над водой
Май лепестками цветков
Плакал вместе со мной.

О прошлом плакала я –
Она уповала на милость ...
Мои слёзы волна унесла,
В небе песни её растворились.

Каждому

Страда завершилась моя, её обещанья исполнены;
И ночь водянистое солнце тесня,
День дымкой прощальной наполнила.
Страда завершилась моя.

Длилась долго; закончилась быстро. В хватке небытия
Близится вечность; на скошенном поле
Дыханье её слышу я.

Путь выбрала узкий в рассветную пору?
Ловушки и ямы ждали меня?..
Коса, занесённой, упала, напомнив,
Страда завершилась моя.

ЭЛЛА УИЛЛЕР УИЛКОКС (1850 – 1919)

Засмеёшься – мир тебе ответит...

Американская поэтесса Элла Уиллер Уилкокс, в общей сложности, опубликовала более 70 книг, включая свою автобиографию¹. Первый поэтический сборник *Drops of Water* был напечатан в 1872 году. Книга не стала открытием. Однако, уже в следующем, 1873 году, вышел в свет новый сборник стихотворений автора – *Shells*. Читатели познакомились и полюбили нравоучительные, проникнутые оптимистическим взглядом на жизнь стихи. Этот заряд позитивной энергии во многом определил тон последующих произведений Уилкокс, которые охотно печатались в американской периодической печати. Книга *Poems of Passion* (1883) имела скандальный успех, благодаря которому она привлекла внимание широкой читательской аудитории. Один из чикагских издателей отказался опубликовать стихи, назвав их «аморальными». По всей стране газеты того времени пестрели заголовками о «запрещённых» стихах Уилкокс. Однако другая издательская фирма в Чикаго взяла на себя смелость и опубликовала стихотворения автора тиражом в 60 тысяч экземпляров, которые с успехом разошлись по стране в течение двух лет. Этот поэтический сборник переиздавался ещё несколько раз.

За год до смерти поэтессы вышла в свет книга *The Worlds and I* (1918), в которой находит поддержку движение «Новое мышление», представлявшее идеалистическую духовную философию и практику. Это произведение снискало много сторонников. Ранее, в 1902 году была опубликована книга эссе Уилкокс – *Heart of the New Thought*, где обосновываются идеи «Нового мышления» – интеллектуального здравого смысла для обретения гармонии и счастья на земле.

Кроме того, Уилкокс писала прозаические произведения, пьесы, вела колонки в периодической печати. Некоторые из её работ впоследствии были экранизированы, другие – положены на музыку знаменитыми композиторами. В настоящее время первые издания книг Эллы Уиллер Уилкокс оцениваются очень дорого, что, несмотря на критику поэтессы, принадлежащей к викторианской эпохе, свидетельствует о признании и популярности автора. Благодаря изданиям в мягком переплете, многие жизнеутверждающие произведения Уилкокс сейчас доступны широкой читательской аудитории на родине автора – в США. Популярны они и за рубежом².

¹ См. автобиографию Э. У. Уилкокс, опубликованную в журнале «Космополитен» (1901), в журнале «Переводчик» №№ 3–4 (2002, 2003). (Прим. пер.).

² Другие стихи Уилкокс в пер. Ольги Стельмак см. в журнале «Переводчик» № 1 (2001); № 3 (2002).

Перевод с английского Ольги Стельмак

*****

О, ты, читающий мои стихи в тиши,
Что ведаешь о родниках моей души?

Певец к мечтаньям дверь приоткрывает,
Но кто о тайных мыслях барда знает?

Как в раковине видишь форму, цвет,
Но большего она не скажет, – нет.

По ней никто на свете не узнает,
Какие тайны моря глубь скрывает.

Так и стихи, коль нравятся – бери,
Но только никогда не говори,

Что видел в глубине манящих вод
Фрегат уснувший и пещеры свод.

Гармония жизни

Не молитесь о том, чтоб печали не ведать,
Не просите от горя и боли спасти.
Доведётся за горечь – нектару отведать,
И потери затем, чтобы вновь обрести.

Что даётся не сразу – то ценится вдвое.
Муки голода – сменят веселье и пир.
Только сердце, что эту науку усвоит,
Может радость нести в этот мир.

Одиночество

Засмеёшься – мир тебе ответит,
А заплачешь – рядом никого.

На планете не хватает счастья –
Горя ей довольно своего.

Запоёшь – холмы подхватят песню,
А вздохнёшь – безмолвие вокруг.
Эхо вторит радостным приветом,
Но молчит, коль празднует недуг.

Ты ликуешь – все к тебе стремятся.
Ты в печали – люди отойдут.
Разделить всегда готовы радость,
Скорбь они и без того найдут.

Если счастлив ты – друзья без счёта.
А страдаешь – где твои друзья?
Все нектар вина вкусить готовы.
Горечь жизни – чаша лишь твоя.

Коль пируешь – гости отовсюду,
А постишься – всяк стремится прочь.
В жизни щедрость часто помогает,
Только в смерти некому помочь.

Так просторно в мире удовольствий,
Место есть для каждого из нас.
Но по одному сквозь боль и муку
Мы уходим в свой последний час.

Желание

Если вдруг мне ангел завтра скажет:
– Жизнь должна ты сызнова начать.
В милости Всевышний не откажет,
Что могла б себе ты пожелать?

Об одном всегда мечтала с детства –
Пусть всё будет так, как суждено.
Горе и нужда, грехов наследство,
Всё душе на пользу, впрок пошло.

Контрасты

Я ВИЖУ – церковные шпили
Всё выше и выше стремятся,
Но чувствую сердцем, что в мире
С голодом нам не расстаться.

Я звон колокольный слышу,
Что в утреннем небе плывёт,
Но душа страдает от боли,
Когда нищий в слезах зовёт.

Церквей всё больше и больше,
Всё ближе и ближе небо –
Но нужда, несмотря на веру,
Не уходит с годами в небыль.

Мужество

Не важно, светло или нет в пути –
В дороге душа моя будет петь.
Так же сладко звучать в темноте ночи,
Как могла на рассвете звенеть.

Ничто не согнет и не сломит меня,
Даже если на сердце печаль или горе.
Всё выше и выше на крыльях паря,
Душа уплывает в небесное море.

Пусть юность уйдёт и покинет любовь,
Друзья предадут и надежды обманут,
Но закат золотой нам явится вновь
И звёзды в ночи сиять не устанут.

Пусть радости жизни забыли меня
И холоден мир – не могу быть в печали,
Вновь будет рассвет, аметистом горя,
И моря бескрайние синие дали.

Частичка всего мироздания я,
Где жизнь и смерть совместно идут.
Живу по законам Верховного Знания –
Любовь и вера мне силу дают.

*****

Легко быть приятным и милым,
Если жизнь, словно песня льётся,
Но достоин тот уваженья,
Кто и в трудный час улыбнётся.
Проверяется сердце печалью
Исчезают с годами грёзы,
И поймешь, что всего дороже –
Сиянье улыбки сквозь слёзы.

Легко быть во всем разумным,
Коль не ведаешь искушенья.
Если грех не терзает душу, –
Не познаешь соблазна мученья.
Но истинная добродетель –
Закаляется в испытаньях,
И жизнь похвалы достойна,
Что может презреть желанья.

Для слабых и тех, кто в печали,
Кто сил не скопил для борьбы,
Все дороги полны препятствий,
Что достались им от судьбы.
Но тот, кто собой владеет
И скрывает печаль за улыбкой,
Уваженья людей достоин,
Жаль, встречаем таких мы редко.

Проза

ОСКАР УАЙЛЬД (1854 – 1900)

Очарованный пленник красоты...

Судьба была благосклонна к Оскару Уайльду. Как будто феи со своими дарами собрались у его колыбели. Родился он в Дублине. Отец его был известным врачом, а мать писала стихи под псевдонимом Сперанца.

Оскар рано почувствовал свой дар и непохожесть на других, известность тоже пришла к нему рано, благодаря стихам и пьесам. Потом были написаны сказки, новеллы, повести, роман «Портрет Дориана Грея».

Утончённый эстет, мастер парадокса, законодатель моды, Уайльд превыше всего ставил красоту и желал жить по законам искусства. Писатель купался в лучах славы, поражая публику своими остро отточенными афоризмами, вычурными костюмами и цветком подсолнуха в петлице. Однако нежелание считаться с нормами английского общества того времени привели этого избранника судьбы к жестокому испытанию. Блестящая жизнь звезды была перечёркнута заключением в тюрьму по обвинению в безнравственности. И те, кто вчера так восхищались им, с презрением отвернулись от него, а те, кого он любил, предали его.

Ужасные условия каторжной тюрьмы, искалеченные судьбы заключённых, тяжелый труд и издевательства тюремщиков не сломили писателя, а привели его к прозрению, что не красота, а добро превыше всего. О человеческих страданиях поведал он в своём поэтическом шедевре «Баллада Рэдингской тюрьмы», исполненном сочувствия к падшим и несчастным.

Удивительно, но трагическую судьбу свою писатель предугадал уже в ранних сказках. Герои их, прекрасные и счастливые юные принцы, страстно влюблённые в красоту, изведав горе и лишения, отказываются от эгоизма и ради людей жертвуют всем.

Последние три года жизни Оскар Уайльд провёл изгнанником во Франции. Умер он в одиночестве и нищете на окраине Парижа.

Сфинск без тайны

Гравюра

Перевод с английского Евгении Славороссовой

Однажды, сидя на террасе кафе «La Paix»¹, я созерцал блеск и нищету парижской жизни, озирая поверх моего вермута диковинную панораму спеси и убожества, когда услышал, что кто-то окликает меня по имени. Я обернулся и увидел лорда Мерчисона. Мы не встречались лет десять с тех пор, как учились в колледже, и я радостно приветствовал его, с теплотой пожав ему руку. В Оксфорде мы были близкими друзьями. Мне он очень нравился: так красив, так возвышен и так честен. Мы пытались убедить его, что он был бы лучшим из всех, если бы только не говорил всегда правду.

Но, думаю, на самом деле больше всего нас восхищала именно его искренность. Он сильно изменился: выглядел растерянным, подавленным и измученным сомнениями. Я чувствовал, что причина кроется не в модном скептицизме, потому что Мерчисон был крепчайшим тори и верил в Пятикнижие так же твёрдо, как в Палату Лордов, поэтому я заключил, что дело в женщине, и спросил, не женат ли он.

— Я не понимаю женщин, — вздохнул он.

— Мой дорогой Джеральд, — заметил я, — женщины созданы для любви, а не для понимания.

— Я не могу любить, если не могу доверять, — возразил он.

— По-моему, в твоей жизни есть тайна, Джеральд, — воскликнул я, — открой её мне.

— Давай поедem, прогуляемcя, — предложил он, — здесь слишком людно. Нет, только не в жёлтом экипаже, в любом другом — вот этот темно-зелёный подойдёт.

И вскоре мы катили по бульвару в сторону Мадлен.

— Куда мы направимся? — спросил я.

— О, не всё ли равно! — бросил он. — В ресторан в Булонском лесу, пообедаем, и ты мне расскажешь о себе.

— Сначала я хочу услышать о тебе, — перебил я. — Поведай о своей тайне.

Мой друг вынул из кармана сафьяновый футляр с серебряны-

---

¹ «Мир» фр. (Прим. пер.).

ми застёжками и протянул мне. Я открыл его. Внутри была фотография женщины: высокой, хрупкой и крайне живописной с огромными загадочными глазами и распущенными волосами. Она походила на прорицательницу, закутанную в дорогие меха.

– Что ты думаешь о её лице? – спросил он. – Оно правдиво?

Я внимательно изучал его. Мне казалось, что в этом лице сокрыта тайна, но добро в ней или зло определить не мог. Красота его, сотканная из множества тайн, была скорее психологической, чем пластической, а лёгкая улыбка, играющая на губах, слишком утонченной, чтобы казаться милой.

– Ну, – воскликнул он нетерпеливо, – что скажешь?

– Это Джоконда в соболях, – ответил я. – Я хочу узнать о ней всё.

– Не сейчас, – отказался он, – после обеда.

И заговорил о другом.

Когда официант принёс нам кофе и сигареты, я напомнил Джеральду о его обещании. Он встал, прошёлся несколько раз по комнате, и, опустившись в кресло, рассказал такую историю.

– Как-то вечером, – начал он, – я гулял по Бонд-стрит. На мостовой было столпотворение, и большинство экипажей стояло. У тротуара остановилась небольшая жёлтая карета, почему-то приковавшая мое внимание. Когда я проходил мимо, оттуда выглянуло женское лицо, которое ты уже видел. Эта женщина околдовала меня мгновенно. День и ночь я думал о ней. Страдая, блуждал я по городу в надежде встретить жёлтую карету, всматривался в каждый экипаж, но не мог отыскать мою прекрасную незнакомку. Постепенно она стала казаться мне лишь сном. Неделью спустя я обедал у мадам де Рестейл. Обед был назначен на восемь, но в половине девятого все ещё ждали в гостиной. Наконец слуга распахнул двери и объявил леди Алрой. Это была женщина, которую я искал. Она вошла очень медленно, тонкая, словно лунный луч в сером облаке кружев. К моему восторгу меня попросили сопровождать её к столу. Когда мы сели, я заметил вполне невинно:

– Мне кажется, я видел вас недавно на Бонд-стрит, леди Алрой.

Она сильно побледнела и еле слышно попросила:

– Умоляю, не говорите так громко: вас могут нечаянно услышать. Ужасно расстроившись от такого неудачного начала, я без оглядки пустился в обсуждение французских пьес. Она говорила

мало тихим мелодичным голосом, словно боялась, как бы её не подслушали. Я потерял голову и влюбился, как дурак, а смутная атмосфера тайны, которая её окутывала, разожгла мое пылкое любопытство. Когда она уходила, я спросил, можно ли её навестить. Минуту она колебалась, взглянув, нет ли кого рядом, а затем шепнула:

– Завтра в четверть пятого.

Расспросив о ней мадам де Рестейл, я выяснил только, что она вдова с прекрасным домом на Парк-Лэйн, а так как какие-то скучные умники завели разговор о вдовах, как примере выживания особей, пригодных для брака, я скорее ушёл домой.

На следующий день точно к назначенному сроку я был на Парк-Лэйн, но дворецкий сообщил, что леди Алрой ушла. Огорчённый и обескураженный я пошёл в клуб и после долгих раздумий написал ей письмо, спрашивая позволения повторить визит. Несколько дней ответа не было, но, наконец, я получил короткую записку, что она будет дома в воскресенье в четыре, с таким неожиданным постскриптом: «Пожалуйста, больше не пишите мне сюда, я всё объясню, когда вас увижу». В воскресенье она приняла меня и была совершенно очаровательна, но когда я уходил, попросила отправлять письма по адресу: «Миссис Нокс, владелице Уайткерской библиотеки, Грин-стрит».

– Есть причины, – добавила она, – почему я не могу получать письма у себя дома.

В течение сезона мы часто виделись, и всегда её окружал ореол таинственности. Порой я предполагал, что она находится во власти какого-то мужчины, но вид у неё был столь недоступный, что в это не верилось. Трудно было прийти к какому-либо выводу, потому что она напоминала те странные музейные кристаллы, которые то мутны, то прозрачны. В конце концов, я решил просить её стать моей женой. Я слишком измучился и устал от постоянной секретности, которой она окружала мои визиты и письма. Я написал ей в библиотеку: сможет ли она увидеться со мной в понедельник в шесть. Она ответила: «Да», и я был на седьмом небе от счастья. Я был увлечен ею – не вопреки тайне, как думал тогда, а благодаря тайне – как понимаю теперь. Нет, я действительно любил эту женщину. Но загадка беспокоила меня, сводила с ума. Почему случай уготовил мне это?

– Ты открыл её тайну? – вскричал я.

– Боюсь, что да, – подтвердил он. – Суди сам.

В понедельник я завтракал со своим дядей и около четырёх очутился на Мэрилебон-роуд. Мой дядя, как ты знаешь, живёт на Риджентс-парк. Я хотел добраться до Пикадилли и сократил дорогу, пройдя через несколько бедных улочек. Внезапно впереди я увидел леди Алрой под густой вуалью, идущую быстрым шагом. Подойдя к крайнему дому на улице, она поднялась по ступенькам, вынула ключ и вошла.

– Тайна скрыта здесь, – подумал я, спеша осмотреть дом.

По-видимости он предназначался для найма квартир. На пороге лежал её носовой платок. Я поднял его и положил в карман. Затем стал размышлять, что делать дальше. Решив, что не имею права шпионить, я поехал в клуб. В шесть я пришёл к ней. Она полулежала на софе в серебристом платье, которое обычно надевала к чаю, с чудными лунными камнями. Выглядела она изумительно.

– Я так рада видеть вас, – улыбнулась она. – Целый день проскучала дома.

Поражённый я вынул её носовой платок из кармана и протянул ей.

– Вы обронули это сегодня на Камнор-стрит, леди Алрой, – сказал я очень спокойно.

Она с ужасом смотрела на меня, но не делала и попытки взять платок.

– Что вы там делали? – спросил я.

– Какое вы имеете право допрашивать меня? – возмутилась она.

– Право человека, который любит вас, – ответил я, – и просит вашей руки.

Она спрятала лицо в ладонях и разразилась слезами.

– Вы должны ответить мне, – продолжал я.

Она встала и, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

– Лорд Мерчисон, мне нечего вам сказать.

– Вы с кем-то встречались, – закричал я. – Это ваша тайна!

Она мертвенно побледнела и отчеканила:

– Я никуда не ходила и ни с кем не встречалась.

– Вы можете сказать правду? – воскликнул я.

– Это правда, – уронила она.

Я был в помешательстве, в бешенстве, не помню, что говорил, но это были ужасные вещи. Потом я бросился прочь. На сле-

дующий день она прислала мне письмо. Не распечатывая, я отправил его обратно и уехал в Норвегию с Аланом Колвиллом. Через месяц я вернулся и первое, что увидел в «Морнинг Пост» было сообщение о смерти леди Алрой. Она простудилась в «Опере» и сгорела за пять дней от воспаления лёгких. Я запёрся от всех. Как безмерно, как безумно я любил её. Боже мой! Как я любил эту женщину!

– Ты пошёл в тот дом? – спросил я.

– Да, – ответил он.

Однажды терзаемый сомнениями я пошёл на Камнор-стрит. Я постучал в дверь, и почтенного вида особа открыла мне. Я спросил, не сдаётся ли комната.

– Гостиная вообще-то сдана, но леди не появлялась уже три месяца, и так как аренда не продлена, вы можете её снять, – ответила она.

– Эта леди? – спросил я, показывая ей фотографию.

– Да, – подтвердила хозяйка, – а она уже вернулась?

– Леди умерла, – сказал я.

– О, сэр, не может быть! – воскликнула она. – Это была лучшая моя квартирантка. Платила три гинеи в неделю, чтобы просто посидеть в гостиной.

– Она встречалась с кем-нибудь? – спросил я.

Но хозяйка уверила меня, что леди всегда приходила одна и ни с кем не виделась.

– Что же она тут делала? – закричал я.

– Сидела в гостиной, читала книги, пила чай.

Я не знал, что и думать, дал ей соверен и ушел.

– Теперь объясни мне, что всё это значило? Веришь ли ты, что хозяйка сказала правду?

– Верю.

– Тогда зачем леди Алрой приходила туда?

– Мой дорогой Джеральд, – ответил я, – леди Алрой была женщиной с манией тайны. Она снимала комнату, чтобы, придя туда под опущенной вуалью, почувствовать себя героиней романа. У неё была страсть к тайне, но сама она была Сфинксом без тайны.

– Ты действительно так думаешь?

– Уверен в этом, – кивнул я.

Он вынул сафьяновый футляр, открыл его и посмотрел на фотографию. – Это меня удивляет, – произнес он, наконец.

Тайна без сфинкса. Комментарий переводчика

Вы прочитали новеллу остроумного и ироничного Оскара Уайльда. Приговор вынесен: героиня – сфинкс без тайны. По вздорной и нелепой прихоти она погубила свою жизнь и жизнь прекрасного любящего человека. Казалось бы всё ясно. Но что-то не даёт покоя, ведь произведения большого писателя всегда говорят больше, чем кажется на первый взгляд. И мне хочется заступиться за героиню. Ведь тайна её личности, тайна души так и осталась нераскрытой, а заплатила она за неё своей жизнью. Нет сомнения, что леди Алрой сгорела от воспаления лёгких вследствие сильнейшего стресса. Значит, она любила Джеральда Мерчисона. Но что означает тогда её странное поведение?

Можно с большой вероятностью предположить, что героиня происходила из обедневшей, но строгой семьи, и была рано выдана замуж за пожилого богатого джентльмена. Возможно, родилась она под созвездием Рака. Любви она не познала и в душе осталась робкой, скромной и мечтательной девочкой. Получив большие средства после смерти супруга, она не пустилась в вихрь развлечений, не искала нового, ещё более богатого мужа, не стремилась блистать в обществе. Эта загадочная роковая красавица ходила в библиотеку и читала книги! Как всякой девочке с богатым воображением, ей хотелось тайны, романтики, игры. Но кто бы понял её в пустоте светского общества? И не дворец ей нужен был, а простая комнатка, где она могла быть сама собой. Будь она писательницей (вроде Шарлоты и Эмили Бронте или Мэри Шелли), сочиняла бы себе таинственные романы с незаурядными героями, будь она драматической актрисой, переживала бы бурные страсти на сцене. Но таких талантов у неё не было, и она вела невинную игру сама с собой, преодолевая скуку чуждого ей образа жизни.

Встретив молодого Мерчисона, столь непохожего на окружающих снобов, она попыталась, как влюбленная застенчивая школьница, вовлечь и его в эту игру в надежде, что уж он-то её поймет. А её герой был совсем из другого теста: кристально честный, душевно чистый, порядочный до мозга костей, простодушный, как дитя, но не склонный к вымыслу и фантазиям, возможно по гороскопу Лев. Здесь столкнулись два разных характера: лунный и солнечный.

И разве тайна женщины состоит только в наличии другого мужчины, соперника? Когда Джеральд стал говорить с героиней обвиняющим тоном, она растерялась, как в детстве, когда её постоянно ругали за склонность к фантазированию, называя это лживостью, и стала упрямо всё отрицать, сгорая от стыда. Как объяснить свои тайные пристрастия и причуды, тому, кто понять их не может? Оскар Уайльд в своей блестящей новелле оставил нам тайну любви, тайну психологии мужчины и женщины, тайну трагического непонимания любящих людей, и мне она дороже его безнадёжного сарказма.

ОУЛАВ ГЮННАРССОН (род. в 1948 году)

Оттепель

Перевод с ирландского Ольги Маркеловой

Братья были мастера на все руки и жили случайными заработками. Старший, Торд, был лысым худощавым пятидесятилетним мужиком; его движения говорили о том, что он страдает ревматизмом. Младшему, Йоунасу, приходилось, сколько себя помнил, сносить суровый нрав брата. Он уже отметил своё сороколетие, а его до сих пор называли «младшеньким». Изменить это, судя по всему, было уже невозможно.

Недавно закончилась война, и братья больше не работали для располагавшейся в стране американской армии. Сейчас они ремонтировали дачу возле озера Хавраватн, принадлежащую одному оптовику: во время войны торговцы, занимавшиеся импортом, разбогатели настолько, что теперь могли позволить себе собственные дачи.

Торд по обыкновению взял на себя руководство работами, и теперь стоял за углом дома и прибивал рифлёное железо к дощатой обшивке, которая с восточной стороны была побита непогодой и начала подгнивать. На долю младшего брата досталось рыть канаву – сток для водопровода и канализации. Вода в дом подавалась из родника между моховиной и склоном горы. Гора напоминала конский зуб.

Йоунас уже довольно долго орудовал лопатой и киркой (канавы должны были изгибаться вниз по моховине до места, где предполагалось установить цистерну для воды), – как вдруг Торд услышал, что брат зовёт его. Крики не смолкали, и Торд пошёл по террасе за угол. Брат стоял в канаве, а в руке у него был череп. У Торда вырвалось: «Представляешь, что ты натворил!»

– «Что я натворил?» – растерянно повторил за ним Йоунас. – Я тут ни при чём. Копаю себе, и вдруг – раз! – череп на лопате! Торд выронил молоток на террасу, щелчком сбил пепел с сигареты на землю и приблизился к брату, протягивавшему ему череп.

– Наверняка он древний, – сказал Торд, рассматривая его, –

Небось, это череп какого-нибудь викинга, из тех, которые первыми заселяли Исландию. А их же хоронили при полном параде, в доспехах, со щитом и мечом, а ещё коня убивали и клали к ним в курган. А иногда убивали и какую-нибудь рабыню и тоже хоронили с ними, чтобы им на том свете было с кем поразвлечься. Они же были сущие кобели, – произнёс он, глядя в глазницы черепа, и на его лице отразилась зависть и похоть. Йоунасу это напомнило что-то из кино, – но он не мог припомнить, в каком фильме видел такое.

– Ну, и что нам теперь делать? – спросил Йоунас.

– А ты башкой своей подумай хоть раз в жизни, – ответил ему брат.

– Что нам, по-твоему, делать?

– Позвонить властям?

Торд осмотрелся вокруг, словно искал кого-нибудь, кто мог бы посмеяться над нелепой фразой.

– Нет, – сказал он, нервно улыбаясь, – таких глупостей мы делать не станем. А знаешь, почему?

Йоунас помотал головой.

– Да потому, дурень ты эдакий, что тогда мы с тобой останемся без работы. Вот позвоним мы властям, понаедут сюда археологи, станут тут копать, а вся наша работа будет остановлена. А судя по тому, какие у них темпы, нас ещё года два как минимум не подпустят к этому месту... Ну почему всегда я должен всё за нас продумывать!

– Ну ладно. А что нам тогда делать? Отнести этот череп домой?

– Ты что, я эту жуть ни за что домой не возьму! Я же потом глаз не сомкну: будет мне являться по ночам призрак какого-нибудь ненормального викинга... Вот что: отнеси-ка ты этот череп на гору и перезахорони там с почестями; а если выкопаешь ещё какую-нибудь кость, зарой и её там же. А вот если найдёшь монеты или что-нибудь в этом роде – тогда другое дело: тогда немедленно дай знать об этом мне, потому что тогда нам придётся решать, как поступить. – Торд ненадолго задумался. Затем он положил череп в траву и велел Йоунасу вылезти из канавы. А сам спрыгнул вниз и принялся ожесточённо копать, расшвыривая во все стороны землю и камни, будто точно знал, что в том месте его поджидает клад. По-

возившись некоторое время, он оставил свои попытки.

Йоунас взял череп и отправился с ним на гору. Там он выбрал хорошее место для погребения под утёсом. Зарыв череп и перекрестив могилу, он сел на кочку и стал смотреть на стынувшее озеро. Над вершинами скал летал взад-вперёд поморник. У западной оконечности озера после ухода американской армии ещё осталось несколько бараков, а большую часть её многочисленных пожитков – радиоприёмники, столовые приборы, инструменты и многое другое, – уже давно зарыли в яму. «Жаль. Зря они так», – подумал он. Он кинул взгляд на дачу. Брата нигде не было видно. На ровном поле возле дороги стоял старинный каменный загон для овец. Он снова перевёл взгляд на озеро и вдруг вспомнил историю, которую слышал в детстве от отца.

Каждую осень, в ту пору, когда овец собирали с летних пастбищ, возле загонов у озера сходилось много народу и было веселье. И однажды в это время (в 1912 году, отец запомнил дату, потому что в этом же году затонул «Титаник») в озере утонул человек, решивший пересечь его вплавь на коне. Он переплывал озеро на спор. Другие фермеры предупреждали спорящих, что Хавраватн – горное озеро, и вода в нём слишком холодна для лошади. Но наездник, пьяный и обезумевший от злости, гордыни или чего бы там ни было, вскочил в седло, – в глазах у коня было отчаяние, он как будто умолял о помощи, – и прямо у всех на глазах въехал в воду. Конь и всадник выплыли на середину озера и потонули: скрылись под водой в мгновение ока. Йоунас подумал: интересно, лежат ли ещё на дне озера останки этого коня и его хозяина?

С горы налетел резкий порыв ветра и прокатился по траве по направлению к даче. Когда ветерок пролетал над домом, он перестал быть видимым, но потом снова стал заметен глазу: по дороге закружился маленький вихрь из пыли и камешков. Потом он переместился на озеро: по воде завертелось чёрное пятно, которое становилось всё меньше и меньше и, наконец, совсем пропало. С Йоунаса слетело оцепенение, когда он услышал, что его зовёт брат.

Он встал и начал спускаться со склона горы. Была суббота, и на душе у него было радостно: накануне он купил себе бутылку, а сегодня вечером собирался на танцы.

Рабочий день кончился, они отнесли инструменты в дом и заперли двери. По пути домой, когда они проезжали мимо озера, Торд вдруг вспомнил отцовскую историю про наездника и принялся рассказывать её брату.

У Йоунаса скулы сводило от скуки: ведь он только что вспоминал про себя ту же самую историю. Он попытался заставить брата замолчать, намекая, что хорошо помнит этот рассказ, – но напрасно. Он принялся размышлять, отчего люди вообще ведут себя так: ты даёшь им понять, что слышал какой-нибудь анекдот раз сто, – а они всё равно мучают тебя, заставляя выслушивать его вновь.

Но Торд прибавил к рассказу новые подробности, которых Йоунас не помнил. Там, мол, всё произошло из-за женщины. Двое пьяных охламонов ухлёстывали за одной и той же дамой, и один из них зашёл так далеко в решении доказать свою удаль, что решился на неслыханный отчаянный поступок: переплыть озеро верхом на коне. «Ну, этот придурок и утонул. А женщина, говорят, была вообще шлюха», – говорил Торд.

– Вот оно как, – пробормотал Йоунас. – Просто диву даёшься: некоторые, чтобы заполучить женщину в постель, просто ни перед чем не останавливаются! – Он уже перестал слушать брата, который всё тянул свою историю, с утомительными подробностями. Он стал думать о купленной накануне бутылке джина. От мысли о крепком джине у него потекли слюнки, – от желания напиться лицо покраснелось, а глаза стали масляными. А мысли сами собой возвращались к рассказу брата, и он размышлял о том, отчего ему так не везёт с женщинами. Он вовсе не был девственником, отнюдь, просто при встречах с женщинами ему никогда не улыбалась удача. Брат считал, что это из-за его характера. «Внешность-то у тебя ничего себе, но одной внешности мало. Как только ты открываешь рот и начинаешь пороть горячку, – тогда ты показываешь себя в своём истинном виде, – и им только и остаётся сказать: «Спасибо, не надо» и откланяться». Йоунаса внезапно охватили отчаяние и слабость. Если всё это правда – придётся ему век вековать одному.

Братья жили вместе в доме, доставшемся им от родителей. Это был небольшой деревянный домишко, обитый рифлёным железом, красный с чёрной крышей. Йоунас изнывал от желания

выпить. Старший брат припарковал свой грузовик у ворот гаража, стоявшего рядом с домом. Верхние петли на воротах с обеих сторон расхлябались, и деревянные створки висели на одной петле, покосившись навстречу друг другу. Сам гараж был заставлен разным хламом. Братья вошли в дом.

С тех пор, как умерла мать, запах в доме был уже не таким, как прежде. Навести чистоту почему-то никогда не удавалось, сколько они ни старались. Когда они вошли в кухню, Торд сказал: «А мама никогда не оставляла грязную посуду». В другие дни недели Йоунас стискивал зубы: ну почему мытьё посуды всегда доставалось ему? – но сегодня его поджидала бутылка джина в коричневом бумажном пакете в глубине шкафа в спальне, – и не стал обижаться на замечание брата. Он заткнул раковину пробкой, открыл кран с горячей водой, а сам пошёл в спальню за бутылкой.

Вернувшись на кухню, он увидел, что Торд уселся за стол и читает газету «Висир». Торд повернулся к нему спиной, а плечи у него задёргались: он был алкоголик со стажем, и хотя он уже не притрагивался к спиртному около десяти лет, за былое пьянство ему до сих пор приходилось расплачиваться такими произвольными движениями. Йоунас достал из буфета чистый стакан, налил его до половины и залпом выпил. Джин заструился по его глотке, обжигая всё внутри. В желудке взорвалось что-то горячее – и взрывная волна ударила в голову. Он выключил горячую воду, повернул кран к другому отсеку раковины (она была разделена надвое) и включил холодную. Он приступил к мытью посуды, и пока он наливал себе второй стакан, вода текла. Старший брат листал газету и злобно ворчал, что, мол, водка – яд; но Йоунас не обращал на его слова внимания: настолько он был счастлив. Он разбавил содержимое своего стакана холодной водой: теперь вкус изменился, но послевкусие во рту стало даже сильнее.

Управившись с мытьём посуды, он бросил в кастрюлю сосиски и картошку и зажёл конфорку. Во время готовки он налил себе третий стакан. В этот раз он разбавил не так сильно, и его стало мутить, – но он знал, что это скоро пройдёт. За едой брат сказал ему: «Да, женщина в доме нам бы не помешала».

– А я сейчас как раз поеду в город и там решу этот вопрос, – ответил Йоунас; от ударившего в голову хмеля его тон сделался легкомысленным.

– Ничего у тебя не получится, – сказал Торд, не поднимая глаз от тарелки.

– Да знаю, – ответил Йоунас (выпивка придавала ему мужества). – Стоит мне открыть рот, как сразу на свет вылезает этот противный Йоунас Гвюдмундссон.

– Когда он убрал со стола после еды и выпил четвёртый стакан – чтоб вкус во рту не исчез, – на душе у него потеплело. Он принял душ, надел свой лучший костюм и отправился в город. Было ещё рано, но скоро должны были открыться бары: и в здании, принадлежавшем Партии Независимости, и в отеле «Борг». С собой у него был разбавленный джин в бутылке из-под «Джонни Уокера». Он прошёл по улице Линдаргата, сел на холме у памятника исландскому первопоселенцу Ингольву Арнарсону и принялся прихлёбывать тепловатую жидкость. Настроение у него сменилось, и теперь он был грустен. Но он по опыту знал, что грусть пройдёт, когда он выпьет ещё. И он вливал в себя всё новые и новые порции спиртного, чтобы не пришлось потом много заказывать в баре. Ведь на те гроши, которые выплачивал ему Торд, нельзя было особенно разгуляться.

– Вечер был спокойным, хотя вокруг слышался лишь шум автомобилей и далёкие голоса, зовущие играющих детей. На всём взморье было безветренно, а морская вода в лучах закатного солнца казалась чёрной. К Йоунасу под села пожилая пара; старуха – беззубая и печальная, и старый пьяница – вонючий и грязный. Он твердил: «Я тебя трахну!», а подвыпившая старуха отвечала: «Вали отсюда!» и «Поговори мне ещё!». Пьянчуга начал клянчить у Йоунаса глоточек; тот отдал ему всё, что оставалось в бутылке, и направился в бар. Спускаясь с холма, он слышал, как пара за его спиной ссорится из-за бутылки.

– Когда он вошёл в отель «Борг», часы на башне собора показывали половину десятого. На сцене играл джаз-банд, и по сравнению с убогим миром улицы атмосфера в этом месте была чарующей. Он сел за столик и заказал двойной джин. Пока он ждал заказ, он окинул помещение взглядом. Народу в баре было мало. В стельку пьяный толстяк с масляными волосами шатался между столов и таращил на публику глаза из-под очков в толстой чёрной оправе. Несколько молодых людей указывали толстяку на пожилую даму в чёрном, одиноко сидевшую в уголке. Они говорили,

что она путалась с американцами.

– Джаз-банд играл те же мелодии, что и во время войны, когда в город наводняли американские военные.

– Когда Йоунас наконец перестал следить за молодыми людьми и толстяком, он заметил, что напротив него за столик села рыжеволосая, на удивление бледная, женщина. «Ты не против? – спросила она. – Я просто всегда тут сижу».

– Да ради бога, – ответил Йоунас; он помнил совет брата: при женщинах не давать волю языку.

– Не очень-то ты разговорчивый, – произнесла женщина после небольшой паузы. – А кто ты по профессии?

– Йоунасу пришло в голову, что выкопанный им череп может послужить подходящей темой для разговора.

– И он рассказал ей о том, как нашёл его. Он ждал, что женщина (у неё были голубые глаза, резко контрастировавшие с рыжими волосами) предложит ему рассказать об этой находке властям, поэтому очень удивился, когда она, едва услышав о черепе, подала ему идею превратить его в пепельницу.

– Ты ведь пошутила? – сказал он со смехом.

– Вовсе нет. В глазницы очень удобно втыкать сигареты.

– А ты, я вижу, не промах, – ответил он.

– Да что ты об этом знаешь, – и она поставила на стол чёрную дамскую сумочку и вынула оттуда сигарету.

– Йоунас позвал официанта и угостил её выпивкой. Себе он заказал ещё один двойной джин, а она попросила двойной ром. У него чесался язык, ему не терпелось поболтать с ней о всяком вздоре, и у него едва хватало сил сдерживаться.

– А ты кем работаешь? – спрашивал он. – Ты замужем? А дети есть?

– Я что, похожа на замужнюю? – отвечала она; было заметно, что ей стало скучно. – Я продавщица в магазине.

– Под вечер весь народ вышел из домов; в баре не осталось ни одного свободного столика. Джаз-банд разошёлся вовсю; танцующие пары то и дело натыкались на стол Йоунаса и женщины, так что им приходилось придерживать свои рюмки. – У меня есть сын, ему шесть лет, – сказала женщина.

– Ну, здорово, – ответил он серьёзным тоном. – Детей я люблю. – Он не притворялся. В обществе детей ему действительно становилось весело.

– Вскоре к ним подошёл плотник (Йоунас не помнил его по имени, они вместе строили бараки для американской армии). Он взгромоздился на стул рядом с Йоунасом и повесил голову. Затем оживился, обнял Йоунаса за плечи, потрепал его по-приятельски, но ничего не сказал. Затем он бросил взгляд через столик, на рыжеволосую женщину, и тут взгляд у него прояснился, словно её присутствие придало ему сил членораздельно выразить свои мысли: «Рад тебя видеть в обществе одной из самых известных в городе женщин лёгкого поведения! Ну что, милочка, война кончилась, спать больше не с кем: американцы все повыехали, одни исландские деревенщины остались!»

– Что ты несёшь! Она со мной! – осадил его Йоунас. Он вцепился плотнику в плечо и потребовал, чтоб он извинился, – но пьяный в стельку плотник вновь поник головой.

– Йоунас посмотрел на женщину. Она зажгла новую сигарету; в её лице ничего не отражалось, но было заметно, что она собиралась встать из-за столика.

– Не уходи, – сказал Йоунас; он поднялся и взял непрошеного гостя под руки; тот нехотя встал, а Йоунас вытолкнул его в толпу танцующих. Затем он снова сел. В лице женщины читалась злость.

– А как зовут твоего сына? – спросил он. Она смягчилась. Кажется, несмотря на всю свою глупость, он всё-таки завоевал её расположение.

– Харальд, – ответила она. – А зачем тебе это знать?

– Я обожаю детей, – сказал он. – Когда у меня есть деньги, я всем соседским ребятишкам покупаю сласти.

– Она со скучающим видом замотала головой. Он начинал терять контроль над собой.

– Он ещё раз вспомнил, что говорил ему брат: стоит ему открыть рот, – как сразу становится ясно, что он за птица. Поэтому он решил, что лучше молчать. И всё же в глубине души он чувствовал, как в него впиваются острые зубы страха, переходящего в отчаяние.

– Тот человек неправду сказал, – в конце концов, произнесла она и роскошным жестом поднесла к губам сигарету. Он не расслышал её из-за гвалта подвыпившей публики и грома джаз-банда. Он подсел к ней, и она повторила свою фразу.

– Он начал рассказывать ей об одном своём знакомом, жени-

вшемся на женщине, у которой было двое детей от иностранных военных: один сын от англичанина, другой – от американца; она родила его, когда британская армия покинула страну и на её место пришла американская. «А он усыновил этих детей, а сейчас у них ещё родились сын и дочка». К удивлению Йоунаса, когда женщина выслушала эту сентиментальную историю, у неё на глаза навернулись слёзы. «А тебя как зовут?» – спросил он.

– Хильда, – ответила она.

– Как красиво, – сказал он. Хильда и Харальд!

– Давай потанцуем! – предложила она.

– Спасибо, не надо, – ответил он. – Я не умею.

– Да ладно тебе, – ответила она. – Я тебя научу.

Отказываться было бесполезно. Не успел он опомниться, как был уже среди танцующих, отдавливал ей ноги и выставлял себя на всеобщее посмешище. Он обнаружил, что талия у неё тонкая, и почувствовал, насколько хорошо она сложена.

Когда они вернулись за свой столик, там уже сидело две парочки.

Это наш стол, – сказала Хильда.

– Был ваш, стал наш, – ответил один из молодых людей, а второй и обе девушки уставились на Йоунаса.

– Ну и бог с ним, – сказал Йоунас, потянулся за своими рюмками и попросил девушку, сидящую у стены, передать ему сумочку Хильды, которая стояла на полу.

– Нет, я такого поведения не потерплю, – говорила Хильда. – Они заняли наше место!

– Наплевать, – ответил Йоунас, протягивая руку за сумочкой. В конце концов, мы развлекаться пришли!

– Нет, не наплевать! – заявила Хильда.

– Давай не будем портить себе вечер из-за этих людей. Хочешь, потанцуем ещё или пойдём в другой бар или кафе. Ну, давай, пошли! Не бросай меня. Ты мне так нравишься.

– Она медленно помотала головой, а он принялся продираться сквозь толпу, ведя свою подругу впереди себя. Она наткнулась на знакомую и задержалась, чтобы поговорить с ней, а пока они болтали, он забрал в гардеробе их пальто и терпеливо ждал, как и подобает джентльмену, пока она будет готова.

– Свежий воздух за дверями отеля взбодрил их; они немного

прошли по улице; в голове у него бродил хмель, – но не затемнял рассудка.

– Куда тебе хочется? – спросила она.

– Не знаю, – отвечал он. Он подумал о брате: стоит ли приглашать женщину к себе, когда он дома.

– А давай поедem ко мне, – предложила она. – Посидим, попьём кофе.

– А это идея, – ответил он. Сердце в его груди забилося сильнее.

– А вот как раз такси, – с этими словами она помахала проезжающей машине. Такси остановилось, поджидая их.

– Йоунас подошёл к машине и открыл заднюю дверь. Хильда села и назвала шофёру адрес. Она жила на улице Раунаргата. Там у неё была трёхкомнатная квартира в подвальном этаже. Едва они вошли в холл, она приложила палец к губам, зашла в спальню и перенесла своего сына оттуда в гостиную. Йоунас присел на стул на кухне, чтобы разуться, а она вошла и влезла на него верхом, – и они занялись любовью, а через некоторое время ещё занимались любовью в спальне, и ещё третий раз – под утро.

– Выходи, пока ребёнок не проснулся, – будила она его, а когда он снова задремал, рассердилась.

– На прощание он поцеловал её в лоб и сказал: «На будущей неделе я приду к тебе в твой магазин».

– Ну да, все так говорят, – ответила она и вытолкнула его вон.

– Прохладный ветер с моря нёс с собой запах гниющих водорослей, такой сильный, что по пути домой Йоунасу едва не стало дурно.

– Он вынул ключ и постарался войти в дом как можно тише, чтобы не разбудить брата. Но Торд уже давно встал и теперь читал газету «Моргюнбладид».

– Что, похмелье? – спросил он.

– И похмелье, и радость, – ответил Йоунас. Он пропустил ещё стакан и лёг спать, а проснулся ближе к вечеру от запаха еды, которую готовил брат. По воскресеньям у них всегда было на обед что-нибудь вкусное. В этот раз были отбивные. Когда Торд спросил его, куда он ходил, он не стал ни о чём распространяться, просто сказал, что встретил женщину.

– Следующие десять дней они продолжали ремонтировать да-

чу. Йоунас копал канаву и яму под цистерну, но больше никаких останков не обнаружил. Закончив свою работу, он стал помогать брату менять колесо у грузовика: резина сгнила. Хозяин дачи приезжал на той неделе дважды. В первый раз он решил посмотреть, как стены дома обили железом. Работа ему не понравилась. Они прибили гвозди не в ряд, а вразброс, и хозяин посчитал, что всё сделано некачественно. Он сказал: «Я-то думал, что нанял мастера с помощником», – но на самом деле он и сам знал, что это не так. Братья были обычными халтурщиками – зато брали за свою работу меньше, чем профессионалы. Но сейчас Торду нельзя было об этом напоминать. Он повернулся к Йоунасу и прямо перед лицом хозяина заявил, что это, мол, он прибил гвозди криво. На этом он не остановился: «Сколько раз я тебя учил, как надо правильно обшивать дома железом?!»

– Йоунас в ответ промолчал. Чтобы представить, что случится, если он попытается защищаться, ему не хватало воображения. Но когда хозяин уехал, терпение у Йоунаса лопнуло: «Зачем ты так говорил? – спросил он. – Ведь мы с тобой оба так прибивали».

– Надо же было на кого-то всё свалить, – ответил Торд. – Иначе он бы нам не заплатил.

На следующий день хозяин привёз вёдра с краской. Он был спокойнее, чем прежде. На этой неделе Йоунас не смог встретиться с Хильдой.

В пятницу вечером он набрался мужества и поехал к ней на машине. Увидев его, она очень удивилась – и пригласила его в дом. Мальчик цеплялся за юбку матери, ревновал и даже нашёл предлог, чтоб разреветься.

– Знаешь что, – сказал ему Йоунас. – Я мастер. Хочешь, я смастерю тебе ружьё из лучшего дерева?

– А настоящие ружья не бывают деревянные, – ответил ребёнок.

Но Йоунасу всё же удалось заинтересовать его:

– Я смастерю тебе железное, – сказал он. – Я всё умею: и по дереву работать, и по железу.

Мальчик перестал реветь и цепляться за мать и уставился на Йоунаса: – Правда? – спросил он.

– Правда-правда, – ответил Йоунас.

– Иди лучше поиграй, – велела Хильда сыну.

На следующий вечер Йоунас пригласил её в кино.

Там шёл фильм об американском солдате, который пришёл домой с войны. Пока бойцы доблестно сражались с немцами и японцами вдали от родины, дома многое изменилось, и невеста солдата всё это время не скучала. Он повёл её на танцы, и кто-то сделал ему намёк на её поведение. Йоунасу фильм напомнил тот самый вечер в отеле «Борг» – только с той разницей, что сам он тогда не врезал по морде тому, кто оскорбил даму. Конец у фильма был счастливый: солдат пригласил девушку домой и познакомил со своей матерью, а потом они обвенчались в местной церкви.

После кино Йоунас с Хильдой зашли в кафе, и Йоунас сказал: «Хочу познакомить тебя с моим братом. Не заглянешь к нам на обед в воскресенье?»

Йоунас, сильно волнуясь, сообщил брату, что в воскресенье на обед заглянет гость.

– Что за гость? – спросил Торд.

Йоунас ответил: – Моя подруга.

Подруга? – фыркнул Торд, и по его лицу пробежала тень.

Около полудня она пришла в гости с сыном. На ней был роскошный зелёный костюм и чёрная шляпа, на мальчике — матроска. Когда Торд увидел эту женщину, он застыл, как громом поражённый, – Йоунас решил, что это, наверное, от зависти. Мальчик напомнил Йоунасу, что он обещал смастерить ему ружьё, а мать резко одёрнула его.

– Ничего, – сказал Йоунас, – завтра или послезавтра смастерю.

На обед были отбивные в рапсе с вареньем из ревеня и картошка из огорода братьев: он был разбит перед домом на солнечной стороне, и среди него стояла, словно часовой, одинокая рябина. Соседские ребята не решались воровать из этого огорода картошку или стебли ревеня. Поговаривали, что тем, кто на них польстится, несдобровать.

Йоунас с удовольствием обнаружил, что Хильда украдкой разглядывает внутреннее убранство их дома. Но он не мог взять в толк, отчего вдруг загрустил брат. Торд ел молча и больше обычного дёргал плечами. Йоунас решил, что Торд просто-напросто завидует ему.

Когда Йоунас поздним вечером отвозил мать с сыном домой, мальчик вновь напомнил ему про ружье.

– Не волнуйся, дружок, – сказал Йоунас. – Я скоро за него примусь.

Он принялся за него тем же вечером. В гараже у него были верстак и сварка, доставшиеся ему после ухода американских войск; и он сделал из железного лома автомат. Он был в восторге от собственной работы и не сомневался, что мальчик обрадуется игрушке. Когда Йоунас показал ружьё брату, тот лишь фыркнул.

– Где-то я эту женщину уже видел, – сказал Торд.

– Если ты собирался мне сказать, что ребёнок у неё от американского солдата, то я это и без тебя знал, – ответил Йоунас.

– А чего ты хочешь от этой женщины?

– Хочу, чтоб она стала жить со мной, – сказал Йоунас. Старший брат опять помрачнел. Йоунас удивился, что Торд не стал выяснять, где именно они будут жить. Это насторожило его: он хорошо знал своего брата.

Всю следующую неделю они наводили последний лоск в дачном домике. Жена оптовика посадила возле своей дачи деревца, чтобы они заслоняли дом от восточного ветра, – но прок от этих посадок обещал быть ещё очень нескоро.

В среду вечером Йоунас отвёз свой подарок сыну Хильды. Тот пришёл в неописуемый восторг и тотчас выбежал на улицу, чтобы показать ружьё своим приятелям. Йоунас, воспользовавшись моментом, робко намекнул, что хотел бы попросить её помогать братьям по хозяйству. Ведь после того, как умерла мать, в доме пахло уже не так, как надо.

– То есть, ты хочешь, чтоб я жила с тобой?

– Да, – ответил он и с удивлением почувствовал, что его бросило в жар.

Неделю спустя она перебралась к нему с сыном и своими скудными пожитками. Порядочной мебели у неё практически не было, если не считать огромного комода, который занял место у стены в гостиной. Комод был дорог ей как память: он достался ей от бабушки. Остальную мебель она для начала сложила в гараже. Её зарплата увеличила семейный бюджет, да и готовила она замечательно. Мальчик спал в гостиной. Но Торд по вечерам почти всегда торчал дома, и это было очень неудобно. Йоунасу было нелов-

ко ложиться в постель с Хильдой, когда Торд был поблизости и мог слышать их. А дружба Йоунаса с мальчиком крепла день ото дня. По выходным они отправлялись на прогулку к порту, и Йоунас покупал им хот-доги. Они всегда проводили воскресенье – свой «сосисочный день» – вдвоём.

В одно из воскресений они обнаружили Хильду за столом в кухне; она была в истерике: дрожала и плакала, волосы взмокли от пота. Мальчик с тревогой следил за тем, что происходит со взрослыми. А когда Йоунас спросил Хильду, что стряслось, она ответила, что Торд к ней приставал. «Хочу уехать», – говорила она.

Твою старую квартиру уже сдали другим жильцам, – говорил Йоунас. – А мы с тобой к Рождеству поженимся.

– Скажи своему брату, чтоб он больше ко мне не лез, – сказала она.

Хорошо, – пообещал он.

Она почувствовала его нерешительность.

– Если ты этого не сделаешь, – сказала она, – я уеду и увезу мальчика. Ему на такое смотреть нельзя.

– Я с ним поговорю, – заверил он.

Он попытался поговорить с братом с утра, когда они собирались на работу. Пока они одевались, атмосфера в доме была напряжённой. Хильда не выходила из комнаты до тех пор, пока они не уехали.

– Но она же шлюха! – удивлялся Торд. – У неё же не просто от какого-то одного американца ребёнок, она там со всеми путалась. Потаскуха она, а тебя водит за нос. Даже если я вскочу на неё верхом, – подумаешь, какое дело!

От возмущения Йоунас лишился дара речи. Когда они подъезжали к озеру Хавраватн по асфальтовой дороге, он порадовался про себя, что их работа на этой даче подойдёт к концу как раз к выходным.

– Отстань от неё, или будешь иметь дело со мной, – наконец выдал он из себя

– С тобой? – переспросил Торд и ухмыльнулся.

Йоунас ничего не ответил. А в обеденный перерыв он забрал ключи от машины. К западу от озера шла уборка покинутой солдатами территории; Йоунас поговорил с начальником и попросил работы. Его тут же приняли. Он пообещал приступить к новым обя-

занностям в следующий понедельник.

Торд уже раздобыл для них работу в городе, как раз после выходных они должны были начать. Узнав, что Йоунас с ним не поедет, он очень возмутился.

– Да ты спятил! – сказал он. – Ты, что ли, теперь под каблуком у этой американской шлюхи? У тебя больше своей воли нет?

– Не смей её так называть! – погрозил Йоунас.

Под вечер атмосфера в доме стала невыносимой. За едой мальчик не поднимал глаз от стола, а Хильда бросала на братьев полные злости взгляды. Она не захотела сесть за стол и ела стоя. Ночью, когда они ложились спать, сидящая на кровати Хильда показалась Йоунасу похожей на маленькую девочку. Она принимала какие-то таблетки, запивая водой из стакана, – такая одинокая и незащитная. Глотать ей было трудно.

Что с тобой, милая? – он коснулся рукой её плеча. Она отшатнулась от его прикосновения.

Он отошёл к окну и стал смотреть на голые ветви деревьев. Пришла осень – как водится, с холодами. Но эти морозы не шли ни в какое сравнение с холодом в отношениях между братьями. Плюс ко всему, Торду не удалось влиться в новый коллектив, и настроение у него стало ещё хуже, чем прежде. Он постоянно ворчал из-за того, как Хильда готовит.

– Как только подыщу квартиру – сразу съеду отсюда, – сказала она Йоунасу как-то вечером, когда они легли спать.

Йоунас повернулся на бок и в отчаянии вперил взгляд в темноту. Морозы крепчали. Даже взморье покрылось льдом.

Продуктовый магазин, где работала Хильда, располагался в противоположной стороне от школы, в которую ходил мальчик, так что отводить его на урок по утрам было обязанностью Йоунаса. Мальчик уже начал называть его «папой».

– Папа, я так переживаю, – сказал он однажды утром, когда они прощались.

– Не переживай, – отвечал Йоунас. Ты такой же сильный, как другие ребята. Ты справишься.

– Да я не об этом, – сказал мальчик. – Я переживаю из-за тебя и мамы.

Йоунас отправился на работу. Он отвоевал у брата машину и

на какое-то время обрёл уверенность в себе. Они убрали территорию возле озера: там не должно было остаться ничего, кроме фундаментов от бараков. В тот день им дали совершенно дурацкое задание. После ухода армии осталось невообразимое количество самых разнообразных вещей – к специально вырытым мусорным ямам свозили на грузовиках целые горы ещё пригодной для использования утвари: инструменты, посуду, радиоприёмники, – всё это было бы проще продать или раздарить. Но такого нелепого задания, как сегодняшнее, Йоунас прежде и представить себе не мог: им поручили вывезти около тридцати грузовиков и джипов на лёд посреди замёрзшего озера, оставить их там и дожидаться, пока придёт оттепель и лёд растает. Все машины завели и отогнали на середину озера, а ключи отдали начальнику. Это было странное зрелище: множество грузовиков и джипов на льду, а вокруг них метёт позёмка.

Когда Йоунас вечером рассказал об этом, Торд покачал головой: это ж надо пускать такие ценности на ветер! Хильда поддакнула. А мальчик пришёл в такое возбуждение, что не смог заснуть и не успокоился до тех пор, пока Йоунас не пообещал ему, что в следующее воскресенье покажет ему машины.

– А почему мы не можем взять хоть одну машину себе домой? – спросил мальчик, когда они стояли и смотрели на автомобили на льду. – Мы её спрячем в гараже.

– Наверно, мы могли бы взять отсюда какие-нибудь запчасти, – размечтался Йоунас. – Здесь и так уже много чего порастащили. А взять себе целую машину, наверно, не выйдет. Мы на неё никогда номеров не получим: все сразу догадаются, откуда она у нас. Ведь наш город такой маленький.

– Слишком маленький, – ответил мальчик. Йоунас не понял, что он имел в виду, но внутренний голос подсказал ему, что лучше не спрашивать.

Едва они переступили порог, Хильда бросилась к Йоунасу: – Он меня гонит из дома!

– Но дом принадлежит и мне тоже, – ответил Йоунас. – И я хочу, чтоб ты тут жила. – Он бросил взгляд на брата, который сидел на диване и для виду листал газету, и заметил, что его лицо перекосилось.

Торд поднял глаза и прошипел: – Хозяйкой здесь была мать. Или ты забыл?!

На ужин была свежая пикша. Когда блюдо с рыбой поставили на стол, Торд положил кусок себе в тарелку и вонзил в неё вилку и нож, — но мясо не отделялось от костей. Хильда так переволновалась, что подала к столу недоваренную рыбу. Возле кости она была совсем сырая. И тут вся злость, которую Торд месяцами копил внутри себя, в одночасье вырвалась наружу. Его худощавое тело поднялось из-за стола, он вцепился в женщину и начал нещадно колотить её. Его рука ходила взад-вперёд, словно кувалда, он вопил: «Я этого не потерплю! Я этого не потерплю!»

Мальчик завопил от страха и схватился за Йоунаса; а тот застыл и смотрел на выходки брата, не в силах шевельнуться. Когда оцепенение наконец слетело с него и он решил вмешаться, брат схватил с вешалки своё пальто и выбежал на улицу, хлопнув дверью.

— А ты просто сидел и смотрел на всё это! — выкрикнула Хильда.

— Я как раз собирался прийти на помощь... — проговорил он. Он переживал за мальчика.

Ребёнок подбежал к матери.

— Мы уезжаем отсюда сейчас же, — сказала она сыну. —

Переночую у подруги. Никогда в жизни не встречала такого слабака.

— Я его убью, — тихо произнёс Йоунас.

Она выдавила из себя смешок и начала собирать свою одежду. Вечером она уехала. Когда они выходили из дверей, Йоунас подал мальчику руку на прощание, а мальчик повесил голову.

На следующие дни братья не разговаривали. Между ними был холод, — а на улице тем временем настала оттепель. Озеро вздулось. Но было ещё морозно. Йоунас каждый день заходил в магазин, чтобы поговорить с Хильдой, но она не хотела его слушать.

— А может, мне найти для нас квартиру? — спрашивал он.

— Мы с сыном потеряли к тебе всякое уважение, — отвечала она. Она позвала его с собой в подсобку; он думал, что там она расскажет ему какую-нибудь тайну, но она показала ему следы побоев у себя на плечах.

Братья ещё целую неделю не разговаривали; суббота прошла в глухом молчании. Для Йоунаса это молчание было невыноси-

мым, он рассудил, что терять ему нечего, и сказал: – Когда лёд растает и все машины потонут – вот это будет зрелище!

– Ну, давай завтра сходим посмотреть, – ответил Торд. Ему стало легче от того, что молчание, наконец, было нарушено.

– По радио ночью обещали дождь.

На следующий день они поехали смотреть на машины. Их глазам открылось озеро. Автомобили стояли на его середине, как будто армия бросила их там, отступая после тяжёлого боя.

– Спрячемся от ветра за дачным домиком, – предложил Йоунас. – Оттуда нам всё будет видно. А ветер сегодня с востока, как и всегда в этом месте.

Торд припарковал грузовик возле дачи, братья вышли и стали смотреть на озеро. Они стояли молча. Внезапно Йоунас поднял из кучи досок у стены палку и со всей силы ударил брата по шее. Торд повалился на землю, но не потерял сознание, – и Йоунас ударил его ещё. Йоунас поднял брата на руки – гнев удесятерил его силы, – и потащил на озеро. Лёд ещё не начал трескаться, хотя на нём уже образовались проталины. Он посадил его за руль одного из грузовиков. Затем он достал снотворное, которое Хильда забыла на ночном столике; в банке оставалось три таблетки, он сунул их брату в рот и заставил проглотить, влив ему в глотку водку из бутылки, которая нашлась у него в кармане пальто. Непривычный к снотворному Торд должен был проспать от этой дозы до темноты.

А потом Йоунас уехал в город.

Торд спал, уронив голову на руль. Он не увидел ни первых капель, падающих с неба на капот, ни чёрных дождевых туч, собирающихся над горами на востоке. Настала оттепель, воздух нагрелся, будто летом. Он не увидел, как начал таять лёд, и из-под автомобилей побежали во все стороны трещины.

Тогда тяжесть от действия снотворного прошла, и он увидел сон. Ему снилось озеро. И он посреди него на коне. До берега было рукой подать. К его удивлению, на берегу стоял покойный отец. При виде него он обрадовался, – он был уверен: в этот раз конь непременно доплывёт.

ОКТАВИЯ РЭНДОЛЬФ

Годива (1042 г.н.э.)

В сердце страны англов

Перевод с английского Эльвиры Фарниевой

Сколь тяжелы и неподатливы мои волосы! Лесничий, спасшийся из цепких ветвей вырубленных им арденских дубов, знает всё об их силе. Так же и я знаю всё о силе волос, обвивающих моё горло во сне, волос, плетущих светлую паутину для беспокойных пальцев.

Сверху они жёсткие, волнами скользят вниз и переплетаются, когда я встряхиваю головой. Но под ними есть и другие – глаже, плотнее, словно древесина ореха, обработанная умелыми руками плотника, укрощённая теслом и рубанком. Эти нижние волосы отливают красным. Они никогда не видели солнца. После омовения они пахнут кедром и сосновой смолой. Когда я разделяю их гребнем на пряди и перекидываю вперед, подставляя струям горячего воздуха, идущего от очага, кожа на голове натягивается так, что я начинаю дрожать. Кустик волос между бедер такого же розовато-красного оттенка.

О нет, их нельзя назвать шёлковыми – они точь-в-точь как плоть дуба, говорю вам, тяжёлые, сильные. Пшенично-золотой поток волос с проблесками серебра струится вниз по спине.

Глаза у меня зелёные.

Я тщательно расчёсываюсь. Натираю волосы льняным маслом, жиром, выпаренным из овечьего руна. Они светятся и мерцают в лучах солнца, падающих сквозь железные оконные створки моей опочивальни. Сердце влечёт вперёд. Страх сотрясает всё моё тело. Льняная сорочка падает на пол, и я переступаю через неё. Ничто не помешает мне. Час настал.

Булыжники конного двора холодят ноги. Пальцы сами собой поджимаются, белеют. Я внимательно слежу за тем, куда ступаю – один камень, второй... Ноги немеют. Дыхание замедляется.

Жаркое солнце над моей головой, тень легла под ноги. Волны волос текут по сторонам, скрывают от меня окружающее. Метал-

лическое звяканье. Я поднимаю голову. Итак, я более не одинока. В дальнем конце двора стоит моя гнедая; когда я вошла, её там не было.

Шкура цвета молодых каштанов поблёскивает на полуденном солнце, лоснится от хорошей еды. Чёрный хвост ниспадает к пышным щеткам над копытами. Кобыла стоит неподвижно, мухи не тревожат её. На прекрасной спине нет ничего.

Нет ни чепрака из яркой ткани, ни седла из тиснёной разукрашенной кожи, ни сбруи с серебряными бляшками, ни позолоченных колокольцев, весело распевающих во время прогулки. Она так же обнажена, как и я, и сдерживает её лишь лёгкая уздечка коричневой плетёной кожи. Кто подготовил её, кто снял стремя и подвёл к подставке-лесенке? Муж? Неужели он понял?

Я подхожу к ней, голова кобылы поднимается, громадные тёмные глаза встречают мои. Фыркание, мягкие губы тянутся ко мне, ноздри расширяются. Кладу руку на напряжённую шею, плотная, красноватая шкура греет белую ладонь. Рука прослеживает изгибы этой мускулистой шеи до холки. Её чёрная грива льётся свободно, подчёркивая блистательную мощь тела. Я погружаю ладонь в каскад гривы, поднимаюсь на подставку и на какой-то момент оказываюсь меж землей и животным. Волосы разлетаются, когда я перекидываю ногу через тёплый круп.

Нагие, словно новорождённые, мы с ней лишились всех знаков достатка и величия. Узда сиротеет без кисточек, мои пальцы – без колец. Только кожа, только волосы.

О, Мария, святая Мария-пустынница, отёршая своими дивными волосами эти благословенные стопы и тем заслужившая прощение, единым любящим взглядом Его омытая и очищенная от грехов. После того, как они взяли Распятого, ты не билась в рыданиях, но с молчаливым достоинством ушла в рассвет, удалилась в пустыню вслед за гласом, с любовью направлявшим тебя. Руки твои были пусты, ничего не взяла ты в новую жизнь. В пещерах и дуплах, под ненадёжной сенью колючих деревьев скрывала ты своё тело. Вороны питали тебя, лисы разыскивали для тебя малые источники. Одежда твоя превратилась в отрепья. Твои прославленные волосы стали новым одеянием, они отросли и стали гуще, чем во времена, когда ты продавала своё тело. Ты выбросила даже гребень – орудие соблазна, и они переплелись и спутались, словно

живой плащ и щит.¹

Сорок дней не позволяла я мужу дотрагиваться до себя. Вожделение можно обуздать на такой короткий срок.

Мой муж... Однажды мать пришла ко мне, когда я уже была в постели. «Эрл Леофрик посылает тебе свой привет и Божье благословение», так она сказала.

Леофрик. Эрл Мерсийский, богатейший из трёх соправителей проклятого королевства Кнута. Кнут Датчанин убил норманна, элдормана.² Мерсии и отдал графство (и кое-что ещё) брату другого убитого, Леофрику. Вот что сотворил завоеватель – уничтожил лучших англов, разрушил старые владения, объединил их и затем разделил на три части между правителями, или эрлами. Одним из них стал Леофрик, проницательный, осторожный, чуткий и расчётливый во всём. Человек, ничего не упускающий из виду.

И вот он прислал мне приветствия. Дважды он был женат, дважды схоронил жён, и в два раза превосходит меня возрастом. Обе супруги покоятся на кладбище, ни одна за время краткой своей жизни не принесла потомства. Муж сей – истинная погибель жён.

«Привет? Мне? С чего бы мужу столь могущественному достаивать меня великой чести?», ответила я матери.

Её серые глаза блеснули на морщинистом лице. «Ты богата, дитя моё, владеешь стадами и полями, волами и драгоценностями. Добрая старая кровь течёт в твоих жилах. И у тебя есть они, – подняла она с подушки мои косы, свернувшиеся кольцами у плечей. – Не было ещё девы с таким роскошным приданым!»

Что ж, это единственная необычная вещь, которой я могла похвастаться. А эрл – человек с изысканным вкусом, алчный поклонник французских редкостей. Он мог взять любую женщину королевства. И если он избрал меня из сотен, благодарить следует также и моих знатных предков. Он прошёл через многое – крово-

---

¹ Здесь героиня вспоминает о Марии Магдалине. В католической традиции св. Мария Магдалина не просто бывшая одержимая и мироносица, она сочетает в себе черты безымянной грешницы, отершей ноги Христовы и св. Марии Египетской. Западная иконография изображает её с длинными распущенными волосами, скрывающими наготу, и с сосудом благовоний. (Прим. пер.).

² Элдорман (староангл. «старший») – в 9–11 вв. в Англии высокопоставленный сановник, главный магистрат графства, назначенный королём. Командовал армией графства от лица короля. Первоначально элдорманом мог стать только человек из знатной и богатой семьи, но впоследствии (особенно в период датского владычества) на должность назначались и люди незнатные, фавориты короля. Как правило, сыновья не наследовали должность. Любопытно, что слово со временем видоизменилось и породило два новых, с разными значениями – эрл и олдермен. (Прим. пер.).

пролитные сражения, покушения на убийство. Он стал советником короля и скопил бесчисленные сокровища...

«Передайте эрлу моё приветствие и Божье благословение», сказала я.

Слыхали ли вы о мужчине, добивающемся расположения возлюбленной с помощью руки мертвеца? А ведь такой мне и достался поклонник.

Вот каким увидела я его в первый раз – всадник на белом, сверкающем серебром жеребце, облачённый в роскошную, алую с золотой оторочкой накидку. За ним два млечно-белых вола тащили повозку, покрытую драгоценным пурпуром. На пурпуре лежал украшенный хитроумной резьбой ларец из камфарного дерева.¹ Два вооруженных тэна² ехали по бокам повозки, ещё два – сзади, угрожая незванным попутчикам мечами, копьями и саксами.³ Шлемы венчали их головы, щиты прикрывали сердца. Никогда ещё не дарили деве подобного сокровища, подумала я. А за ними ехали другие повозки с вещами, и тридцать лучших воинов Леофрика – такое количество нелегко было прокормить и разместить в Ньюаркхолле.

В ту ночь он восседал меж моими родителями, я же заняла место по правую руку от матери. Волосы и борода эрла были светло-коричневые, с едва заметной сединой. Говорил он медленно, взвешивая каждое слово, между тем как мой отец в своём рвении переходил на крик. Ел Леофрик мало, лишь отведывая понемногу от каждого блюда, и после первого кубка мёда почти не пил. Глаза у него были столь пронзительной голубизны, что я отвернулась в смущении.

Наутро мать отправила меня к нему – одну. В зале, на высоком столе лежал тот самый ларец, рядом был эрл, глаза его блеснули. На мне было лучшее платье зелёной шерсти и головной плат столь прозрачный, что водопад волос виднелся как сквозь дымку пронизанного солнечными лучами тумана. Я смотрела на него с

---

¹ Древесина камфарного дерева ценилась за долговечность и устойчивость к вредным насекомым и была редкостью на Западе. В средневековой Европе стоимость изделий из неё была очень высока.

² Тэн – в данном случае родовитый воин второго класса, непосредственно подчиняющийся эрлу. При этом такие тэны оставались вассалами короля и обязаны были явиться в его войско по первому требованию.

³ Сакс (скрамасакс) – длинный боевой нож с односторонней заточкой; в разные века имел множество вариантов формы – прямой или изогнутый, широкий или узкий, лёгкий или тяжёлый и т. д. Использовался в 5–11 вв. в Германии, Скандинавии, Ирландии, Сев. Италии, Англии. Одно из германских племён получило название в честь этого оружия. (Прим. пер.).

нетерпеливым ожиданием. Что за чудо из золота или камней лежало в ларце? Не промолвив ни слова, эрл дотронулся до выпуклой крышки и поднял её. Я заглянула внутрь. Удушливый запах камфары ударил в лицо. Ни парных брошей, ни ожерелья из жемчуга величиной с перепелиное яйцо, ни золотых браслетов для моих запястий...

В ларце лежал серебряный футляр, округлый и длинный, обрезанный и запечатанный с обоих концов крышечками из белого хрусталя. Поверхность футляра покрывали разбросанные там и сям кабошоны лазурита. Это не было украшение... но что же тогда? Я не находила ответа на этот вопрос.

«Я привёз тебе руку святителя Аврелия Августина Иппонского», произнёс он.

Я моргнула. Рука самого святителя Августина? Великого проповедника, отца Церкви? Только флакон с молоком Пресвятой Девы мог бы превзойти подобную реликвию.

«Епископ Этельнот даровал мне её для Ковентри, а сам он приобрел мощи у Святого отца в Риме», добавил эрл.

«Для Ковентри?»

Ковентри. Незначительное владение с горсточкой лачуг и сотней людей, один из многих земельных наделов, подаренных мне родителями на пятнадцатилетие. Вокруг Ковентри простирались славные арденские леса. Бук Кофы до сих пор отмечает одну из границ владения, он стоит, хотя сам Кофа давно забыт, и деревушка поблизости взяла себе его имя.

«Да, для Ковентри, — подтвердил Леофрик, угадав моё недоверие. — Мощи предназначены для этого селения. Епископу было видение — град Ковентри, великий и процветающий, как никогда прежде».

Предназначение? Видение? Как могло такое место быть предназначено для чего бы то ни было, кроме добывания хлеба насущного и — с хорошим управляющим, конечно — сбора нескольких нелишних серебряных монет для моего кошелька? Но в глазах эрла не было мольбы, в словах звучала железная уверенность. Он смотрел прямо и словно провидел нечто удивительное.

Он протянул руку. «Возьми это бесценное сокровище в залог будущего Ковентри, и возьми меня в супруги».

И я взяла предложенное.

Нечасто бывает так, что ангел входит в дверь семнадцатилетней девы, мирно расчёсывающей волосы в опочивальне. После подобного чуда Марию трудно было чем-то удивить.

Ангел прорёк ей судьбу. Она отложила гребень в сторону.

В Ковентри до сих пор ведёт одна дорога, и та из утрамбованной глины. Мы редко бывали там, и редко я вспоминала об этом селении близ Ардена. Великое свидетельство христианства, реликвия Августина Иппонского пребывала в ларце из камфарного дерева, среди других, земных сокровищ, с которыми мы не расставались во время переездов из одного поместья в другое.

Вокруг колышутся волны жёлтого ячменя, за ними – ряды белой пшеницы и ржи. Жизнь людей Ковентри – сама их жизнь, не больше, не меньше – плывёт мимо копыт моей лошади, спелое зерно в набухших колосьях, которому нет цены. Золотая чаша, наполненная до краев, а по ободу бежит зелёная полоска арденского леса. Некоторые ячменные колосья уже раскрылись, и бусинки зёрен упали на жаждущую, раскалённую солнцем землю. Вот так же из груди только что родившей младенца женщины брызжет молоко, как только услышит она его требовательный плач.

Однажды, после святок, к нам в гости пожаловал монах-черноризец. Мы жили в то время в нашем главном поместье, в Честере. Дверь отворилась, и фигура в лохмотьях, более подходящих пилигриму, появилась перед нами. То был серьёзный, с мягкими чертами лица юноша. Стоя перед нами, он чуть заметно склонил голову.

«Я Эфик из Эвешема», произнёс гость.

Мой муж взглянул на него и сложил руки, соединив кончики сильных пальцев. Более двух лет приор¹ Эфик писал ему письма, умоляя вернуть поместье Эвешем монастырю.

«Разделите с нами трапезу», ответил Леофрик.

«Не пищи алчу я, но справедливости», молвил бенедиктинец. Слова звучали бесстрастно, руки расслабленно свисали по бокам.

Леофрик помолчал. «Вы утомились в пути. Отдохните, и мы продолжим разговор».

«Не усталость меня томит, а голод братии, их босые ноги, ступающие по мёрзлой земле, их нужды, которые я не могу удовлетворить с тех пор, как вы отняли наши земли».

---

¹ Приор (лат. «первый, старший») – здесь: настоятель небольшого католического монастыря. (Прим. пер.).

Голос и взгляд Леофрика не изменились. «Многие оспаривают мои права на собственность. Эвешем уже очень давно принадлежит мне. Граница определена, и закон на моей стороне».

Эфик всё так же прямо смотрел мужу в лицо.

Настало время говорить и мне. Я указала на скамью рядом с собой.

«Не присоединитесь ли вы к нам?»

Светлые глаза монаха внимательно, но без дерзости изучили мое лицо.

«Благодарю вас, леди», ответил он, но не сел на предложенное место, а подошёл к гревшимся у очага слугам. Я наблюдала за тем, как спокойно он отказался от вкусного угощения с господского стола, взяв лишь хлеб и кашу, и за тем, как, подняв лицо к небу, он проникновенно благословил свою миску.

В ту ночь я велела слуге забрать тонкую, забрызганную грязью накидку с постели гостя и положить вместо неё хорошую, чёрной шерсти, сделанную моими руками.

На следующий день монах явился в мои покои. Однако вместо слов благодарности он принёс сумочку из мягкой кожи. Я остановила ткацкий станок. Он осторожно извлёк из сумки три обыкновенные овечьи шерстинки. Такое благоговение светилось в глазах Эфика, что его просьба взять шерстинки в сложенные ковшиком руки застала меня врасплох.

Давным-давно, рассказывал он неторопливо, жил пастух по имени Эоф. И вот пришла сильная буря, и овцы разбрелись так далеко, что не было никакой надежды снова собрать стадо. В отчаянии он стал кричать и плакать, а затем посмотрел вверх и узрел госпожу дивной красоты – она шла к нему с ягнёнком на руках. За спиной прищелицы шло всё стадо, овцы были здоровыми и громко блеяли. Госпожа говорила с пастухом без слов, и лицо её ослепляло сиянием. Она попросила пастуха выстроить на этом месте храм в её честь, и отдала ему ягнёнка в руки. Эоф пал наземь в священном ужасе и лишился чувств. И вот прошло больше трёхсот лет, и на месте чудесного посещения стоит церковь Препоблагословенной Девы Эвешемской.

Монах остановился и заглянул в мои ладони.

То, что вы держите – частица ягнёнка, лежавшего у груди Пречистой. Так он завершил рассказ.

Я побежала к мужу, по-прежнему держа реликвию в руках.
«Леофрик, среди нас праведник Божий».

«Он подстрекатель, очень близкий к измене», ответил муж.

«Любовь Пречистой не измена», продолжала я защищать гостя.

Я пересказала ему всю историю, показала шерстинки. Он вздохнул.

«Хорошо, я выслушаю его. Пришли монаха ко мне».

То утро стало началом нашего истинного обращения ко Христу. В решимости Эфика служить Богу была такая мощь, какой до того я не встречала ни в ком – ни в священнике, ни в короле королей. Он вёл словесную схватку с мужем, как опытный, искушённый боец – удар, защита, удар. Его щитом была смиренная чистота, мечом – острый ум. Он сражался и победил, направив стопы Леофрика по нужному пути. Ум без хитрости, пылкость без земных страстей – самоотверженная, благочестивая, совершенно исключительная натура.

Мы изменились к лучшему... как думали.

Но могло ли это длиться долго?

Истинное добро меняет своего избранника навеки. Но быть в объятиях добра значит не только получать, но и отдавать, брать и жертвовать одновременно. Это дар – но и долг. Именно так преобразились узревшая свет добра Магдалина, Пётр и Павел, и точно так же – Аврелий Августин. Полностью и безоговорочно приняв дары божьи, они без колебания оставили всё остальное – дома, семьи, богатства, славу.

Чтобы последовать их примеру, требовалось гораздо большее мужество, чем то, которым обладали мы.

«Презирай этот мир страстей», молил меня Эфик. О, откуда ему, возлюбленному Богом, было знать все уловки этого мира – ему, не ведавшему ни мёда, ни отравленного жала плотской страсти?

Как обжигает солнце мою голову и спину... Блестящая поверхность ячменных полей расплывается перед глазами. Воздух дрожит над ослепительным золотом колосьев. Я возношусь над этими полями, и все мои чувства обостряются. Никогда ещё я не была так высоко.

Слишком ярко. На глаза наворачиваются слёзы, и я обращаюсь к спокойным голубым небесам. Круглые барашки облаков па-

сутся над зеленью Ардена. Впереди возвышается дерево Кофы, межевой знак моих владений, отмечающий границу Ковентри. Его утомлённые летним зноем ветви тянутся навстречу, остатки выгоревших листьев уныло свисают.

Красная пыль, потревоженная копытами моей кобылы, поднимается вверх и закручивается вокруг лодыжек. Мои лодыжки. Как долго яростноликое солнце не светило на их округлые выступы? С детства, наверное. Сегодня оно может ласкать меня повсюду – мои лодыжки, икры, бедра, руки, и греет, проникая сквозь массу волос, так, что даже в льняном платье и наброшенном сверху шерстяном плаще было бы прохладнее.

Это не просто прикосновение – солнце внутри меня. Преодолевая барьер распаренной кожи, оно проникает в коленные чашечки и локтевые суставы; голова моя горит огнём. Огненный венец растекается по волосам, впиваясь в корни и ощупывая затылок, обжигает белые лопатки, пробегает вниз по впадинке спины, иглочками колет талию. Я очистилась в солнечной купели.

Здесь, в Ковентри, когда-то убили женщину. Знатную женщину. Монахиню по имени Осберг. Её зарезали во время набега Эдрика Стреоны, кровожадного военачальника ещё более кровожадного Кнута. Она отказалась подчиниться приказам грабителей, не отдала того немногого, что было у неё и сестёр, ибо это было владение Божие, не человеческое. Как же Стреона смеялся, наверное, над её словами! Навеки он заточён в геенне огненной, навеки. На следующий же год Кнут, возвысивший его до эрла, убил ставленника собственной рукой. От того же меча и в то же самое время погиб старший брат моего мужа.

Я в то время была ещё девочкой, и Ковентри принадлежал отцу. Разъярившись, он обратился к Кнуту; но там, где царит беззаконие, зло могущественно.

Я вновь оглядываю свои лодыжки, вяло свисающие по бокам гнедой. Пыль с копыт припудрила розовым бледную кожу. Под раскалёнными волосами скопилась влага. Подмышки мокрые, бедра больше не чувствуют раздражающего трения о шкуру. Я покачиваюсь на спине кобылы, идущей неторопливым шагом.

Всё видится таким ясным в этой белой неподвижности. Каждый красный камушек на утопанной глине, каждый стебель жёлтого ячменя на обочине дороги, так рельефно вырисовывающийся – он соперник братьев своих, хочет первым попасться мне на глаза,

быть избранным, быть единственным. Неужели и я выгляжу такой же резко очерченной, объёмной, настойчиво зовущей к себе чужие взгляды?

Человек шевелится в поле, разгибает спину и выпрямляется в полный рост. Свободный человек, крестьянин-арендатор, только что выпустивший из рук пушистые колосья ячменя – они так славно созрели. Какое-то время ладони его ещё сложены; но вот он встаёт совсем прямо и бросает короткий взгляд искоса через заполненное ослепительным светом пространство. И руки бессильно опускаются, а подбородок идёт вверх. Рот приоткрывается, но, ни единого звука не исходит из него. Он не двигается.

У обочины двое детей, мальчик и девочка. Его. Маленький мальчик играет с палочкой – косит ею ячмень, подражая отцу. Старшая девочка – ей лет восемь или чуть больше – начинает улыбаться и кланяться. Вдруг её лицо искажается, словно она вот-вот заплачет... но нет, ни одной слезинки не видно. Подол платья мёртво зажат в кулачке.

Моя кобыла фыркает, неторопливо проходя мимо них – длинная, великолепная шея, тяжёлые копыта мерно взбивают дорожную пыль, оставляя едва заметные следы на глине. Порыв ветра подхватывает и шевелит волосы, приподнимает их, охлаждая нижние мокрые пряди.

Моего сына взял на воспитание датчанин Сивард, северный эрл. Сивард не так богат, как мой муж, но он прославленный воин, способный договориться даже с датскими правителями, то и дело заявляющими права на нашу страну. Мальчику было двенадцать, когда мы отослали его. Два года я с ним не виделась. Моё сердце сжимается каждый раз, как я думаю о нём.

Легко зачать младенца. Выносить и родить его, а после поставить на ножки крепким и сильным – вот что трудно; а как только он станет достаточно вынослив, чтобы гулять и бегать, сотни других непредвиденных опасностей поползут за ним по пятам, чтобы в один ужасный миг вырвать жизнь из маленького тельца. Затем, если малыш мужского пола и обладает отменным здоровьем, его отсылают в приёмную семью на воспитание, и он растёт в чужом доме, греется у чужого очага – залог мира между враждующими кланами. Предательство и шальная стрела на охоте, учебный поединок, превратившийся в настоящий, и падение в тёмном дворе – всё это подстерегает его на чужбине.

Свою первую битву он переживёт в пятнадцать лет, и если не слабость телесная, то неудержимая отвага юности может стать для него роковой. Но если он и возмужает и получит свою долю наследства, то, скорее всего, возьмёт супругу из чужого племени – ради её приданого, чтобы приумножить родовое богатство. Сын принадлежит тебе лишь на краткий миг.

Эти малыши из Ковентри больше мои, чем мой собственный сын. Они никуда не уезжают, привязаны к земле – к моей земле. Плуг, которым их отец пашет, корова, которую доит их мать – всё это мои дары. Год за годом, лето за летом, они ждут меня здесь, и собираю ли я подать или праздную сбор урожая, он всегда рады мне. Они мои, а я – их.

Я поворачиваюсь, чтобы ещё раз взглянуть на детей. Девочка до сих пор не отпустила подол, другой рукой она сжимает плечо брата. Палочка-коса не шевелится. Отец, который двинулся было к ним через поле, останавливается, увидев мой разворот. Его глаза и рот широко открыты. Ветер дует снова, горячее жаркое дуновение, обнажающее мою левую грудь. Он видит её всю. Кобылу ничуть не беспокоит моё движение, она идёт дальше, и я вновь смотрю вперёд.

Колосья лениво, сонно кивают мне с обочин. Настало время урожая: каждый колосок пшеницы, каждая крупица ячменя будут бережно собраны с поля под этим палящим, вечным солнцем и превращены в хлеб. Земля, напротив, не собирает – расточает, щедрой рукой разбрасывает фрукты и стручки, спелые, лопающиеся от переизбытка жизненной силы, и они падают на ждущую почву. Семена распускают крылья и летят прочь. Деревья радостно расстаются с листьями, и ветер подхватывает их и уносит, жёлуди и каштаны со стуком падают на лесные поляны. Я тоже созрела, и это мой последний плодоносный сезон. Да, я всё ещё прямая и стройная, и не потеряла ни одного зуба. Волосы такие же густые и блестящие, как в юности, хотя в них просвечивает несколько седых прядей. Но это неважно, ибо моему телу уже минуло тридцать восемь лет. Пришла пора старости.

И все эти годы среди коллекции сокровищ лежал камфарный ларец – судьбоносный, пригрезившийся, ненужный. Как же далеко от дома оказалась рука Августина...

Вскоре после свадьбы я открыла его, и спросила мужа, глядя на серебряный футляр: «Это левая или правая рука?»

Он не знал.

Правая – рука деяний: благословения, наставления, проклятия, убийства. Левая – рука, что лежит на сердце.

Облака, задевающие верхушки деревьев в отдалении, словно увеличиваются в размерах. Я приближаюсь к ним. Из-под волос уже течёт струйками пот, плывёт по спине, по ямочке крестца. Между грудями кожа скользит и клеится. Милосердный ветер вновь отбрасывает волосы с зудящей кожи и разбирает влажную массу на узкие прядки.

Двадцать пять лет Леофрик, эрл Мерсийский, твёрдой рукой правит девятью богатыми графствами. Три короля пришли и ушли, а Леофрик остался тем, кем был. Эдуард Саксонец теперь на троне в Винчестере – Леофрик живёт по-прежнему. Он выжил благодаря своей мудрости, осторожности, благодаря уму и жестокости. Охотник, неустанно ищущий добычи, он способен разрушать и созидать с одинаковой легкостью.

Я жила с ним, управляла его домом, сидела за его столом, наливала вина его владыкам, путешествовала по Мерсии вдоль и поперек. Я утомилась и пресытилась, не зная самого главного, не спрашивая ни о чём.

Ходят слухи, что кости Осберг обладают силой вызывать зачатие. Я в это верю. Когда мы приехали в Ковентри, я пошла к обуглившимся руинам, что остались от женского монастыря. Женщина с привязанным к груди младенцем складывала пирамиду из камней на могильном холме – языческий, древний обычай. Она поведала, что священник не почтил как должно землю, на которую скатилась голова убитой праведницы. Выпрямившись, собеседница пригладила платок грязными руками и сунула грудь ребёнку. Знаменитой повитухой была эта Осберг. Вспомнить только её собственное рождение – ведь все предыдущие дети погибли, а она выжила благодаря повитухе. Выжила, выросла и была крепенькой, что и говорить. Она помнила тот страшный набег Стреоны. Выжившие отвернулись от пепелища и построили новые жилища, как заведено; Осберг была забыта.

А вот она не забыла. Ведь мать много раз рассказывала об обстоятельствах её рождения, и дочь складывала те слова в своём сердце. В свой срок она вышла замуж, но муж её, хоть и охочий до любовных утех, не мог дать супруге дитя. Неделя за неделей, месяц за месяцем текли впустую, луна и крови уносили надежду.

Она пришла на неухоженную могилку Осберг и, прильнув к груди земной, словно бы к груди живой монахини, упростила спасительницу помочь искорке жизни закрепиться в бесплодном чреве. Всю ночь пролежала она так, до захода Луны, а после вернулась к мужу, в лачугу.

Отвернув уголок одеяльца, женщина показала мне толстенную дочку – личико красное, крепкие пальчики.

«Дар Осберг», так она сказала.

Вот и моя мельница: приток реки Эйвон исправно крутит её колесо. Три женщины стоят у дверей, беседуя с мельничихой, с ними мешки с провеянной новиной, готовой к гибели под тяжёлым жерновом. Ветер бросает пригорщи пыли им в лица, они поворачиваются к дороге и видят мою кобылу.

У мельничихи глаза зорче – она первой склоняет голову, начинает свой поклон и останавливается. Её движение заставляет остальных вытянуть шеи. У одной слабеет рука, и грубый мешок скользит вниз, вдоль ноги, и тяжело падает наземь. Мельничиха выходит на дорогу, рот её разинут от удивления. Старшая крестьянка делает то же самое, младшие, наоборот, отступают к дверям мельницы, и кто-то всхлипывает. Я приближаюсь и вижу мельника, пробившегося через женский строй – рука его вздета в жесте полу-молитвы, полу-возмущения.

Я уже почти поравнялась с ними, и кобыла вздёргивает голову, чтобы повнимательнее их разглядеть, но не сбавляет шага. Мы с мельничихой смотрим друг другу в глаза. Крупное тело женщины, тренированное многолетним упорным трудом, дрожит. Чуть замешкавшись, она поднимает правую руку ко лбу и тяжело, с усилием крестится. А потом падает на колени передо мной. И вот уже остальные повторяют за ней. У одной из младших лицо закрыто потрескавшимися от работы руками. Мельник стоит, как стоял. Но когда я проезжаю мимо, он снимает выпачканную мукой шапку с головы – пальцы белые от напряжения – и прижимает её к груди.

Во времена владычества Цезаря народ мой обитал на восточном побережье, в болотистых низинах и близ диких топей. Однако и леса там хватало, и мы, саксы, поклонялись в его неприступных чащобах богине Нертус, чья щедрая рука питала нас мясом и хмельным напитком. Богиня жила в священной лесной долине, и раз в год мы, забыв о племенных ссорах, сходились туда на мирное празднество. Она являлась в закрытой колеснице, ибо только по-

свящённые в её кровавые ритуалы жрецы могли лицезреть божественную наготу. Нертус была едина с Матерью-Землей, тело её даровало обильные урожаи зерна и фруктов, и благодаря её милости мы и наша скотина могли существовать. Нертус была богатством, была нашей жизнью. Она принадлежала народу, а народ – ей.

Сзади кто-то бежит. Любопытная кобыла приостанавливается и оборачивается, я тоже. Арендатор. Он мчится за мной, а маленькая девочка с братишкой на руках едва поспевает следом. А за ними – глаза ошеломлённые – быстрым шагом идут мельник с мельничихой и ещё одна женщина. Та девушка с красными, потрескавшимися руками так и стоит на коленях в пыли, не открывая лица. Плечи её трясутся.

Двое мужчин идут навстречу. Они резко останавливаются и глядят на меня. Первый – местный бейлиф,¹ его я некогда избрала по совету отца. Второй – свинопас с буковым посохом.

Кобыла идёт вперёд, помахивая хвостом. Умелец бейлиф заступает мне дорогу и тянется к узде, на ходу выплевывая грубое слово. Свинопас мгновенным плавным движением протягивает посох так, чтобы он оказался меж требовательной рукой и головой лошади. Он отводит руку в сторону нежно, почти без принуждения. Бейлиф так же легко отталкивает препятствие и ругается уже в полную силу. Я смотрю вперёд и не замечаю стремительного броска мужчины к лошади. Почувствовав удар, она ржёт и шарахается в сторону, и я слышу треск ломающегося посоха и яростный крик свинопаса, обрушившего его на спину бейлифа.

Преступника, напавшего на должностное лицо – а тем паче на бейлифа – ждёт рабство, ведь бедняку никогда не удастся отдать в общинный дом требуемую пеню. Свинопас прекрасно об этом знает, он человек рассудительный и обычно не даёт воли рукам.

Я еду дальше. Внезапная слабость заставляет меня закрыть глаза и вцепиться в гриву кобылы, чтобы не упасть. Я не ела ни вчера, ни сегодня. Сорок дней я прятала зеркала под покрывалами, отказывалась от вина и сладостных ароматов. Леофрик... Каждая жертва готовила меня к этому путешествию. Погрузив пальцы в грубую чёрную гриву, я поднимаю лицо к небу и позволяю солнцу

---

¹ Бейлиф – с 11 в. управляющий манором (феод, поместье) лорда в Англии. В каждой средневековой деревне обычно был один получавший жалованье Б. (сержант или староста более низкого ранга). Он отвечал за то, чтобы его деревня производила установленное количество продовольствия для хозяина манора; его могли отдать под суд, если это не выполнялось, но он имел право брать себе все излишки, если норма превышалась. (Прим. Пер.).

обжечь его, проникнуть под прикрытые веки и затанцевать там красно-синими болезненными вспышками.

А вот и две женщины возле корыта – вдова и её дочь. Стоя плечом к плечу, они дружно поднимают мокрую одежду и выжимают излишек влаги. Из-под плетня выползает их коричневая собака, равнодушно гавкает на мою кобылу и исчезает.

Мальчуган лет десяти выходит из дома напротив. Его и без того круглые глаза вылезают из орбит, он начинает подхихикивать короткими заикающимися смешками-фырканьями, тонкие руки болтаются в слишком коротких рукавах, словно язычки колоколов. Мальчик постарше появляется рядом и толкает его локтем, заставляя замолчать, потом отступает в сторону, чтобы дать дорогу высохшему старику. Тот нетвёрдой походкой ковыляет через порог, смотрит на меня слезящимися глазами и безмолвно шевелит губами.

Другие люди, привлечённые жестами рук и торопливым топотом моей свиты, спешат через поля. Кто-то вдалеке громко кричит. Коричневая собака гавкает в ответ. Пять крестьян у обочины превращаются в пятнадцать. Мужчина хватает пса и надевает ошейник. Без его лая становится почти что тихо – только несколько шепотков и восклицаний новоприбывших, на которые остальные тут же шикают. Да ещё бормочет что-то идущая за мной женщина. Я прислушиваюсь – это молитва.

Кобыла идёт очень медленно. Она не чувствует ни моей руки, тянущей узду, ни нажатия коленей. Мои люди смотрят дикими, вопрошающими глазами. У некоторых в глазах ужас. Старик опирается на плечо внука и с усилием становится на колени прямо на пороге своего дома. Вдова и её дочь, в тёмных, покрытых влажными пятнами платьях, крестятся. Затем мать простирает руку вперёд и крестит меня, благословляя.

Мы выезжаем из-под защитной тени крестьянских домов, и кобыла идёт бодрее. В вихрях пыли очертания глиняной дороги становятся неясными. Волосы обвиваются вокруг рук. Внезапный шквал ветра сзади – и они от макушки и донизу разделяются на два потока, оживают, летят вперед. Я чувствую солнце на обнаженной спине. Однако оно уже не греет. Ещё порыв, вся масса волос бросается мне в лицо и хлещет по шее кобылы. Я ничего не вижу. Поднимаю руку, чтобы убрать их, но волосы потрескивают и улетают на крыльях суховея. Красная глина танцует по дороге, закру-

чиваясь в колонны; мои ноги, колени – всё покрыто розовым налётом. Какой же он сухой! Солнце побледнело, и золотая спелость полей глядится старым серебром: стебельки увядшие и слабые, неимоверно хрупкие, как стрекозиные крылышки, листья вот-вот отпадут от лёгкого прикосновения. Нечто скользит мимо копыт кобылы – должно быть, слипшиеся в комок листья и семена. Она трясёт головой и прижимает уши, но продолжает идти вперёд. Мои волосы беспорядочно летают вокруг головы.

Внезапно я чувствую запах моря – а ведь здесь, в Ковентри, самое сердце королевства. Резкий запах соли с острым привкусом устриц и горчинкой раскрошившихся ракушек, нужных для приготовления извести. И ещё кузнец в своей кузне. Внутри он с грохотом бьёт молотом по железу. Но нет, это в небе надо мной грохочет звенящими ударами, а сам кузнец в кожаном фартуке уже во дворе, вместе с помощниками и домочадцами. Он не онемел, он широко шагает ко мне, выкрикивая слова, которых я не могу расслышать, а глаза его мечутся от дороги ко мне и обратно. Не знаю, кого он выискивает – возможно, мужа.

Солнце полностью исчезло, полдень. Тучи несутся, сталкиваясь, в темнеющем небе; деревья Ардена выделяются чёрными пятнами.

Лезвие молнии расщепляет небо на иззубренные половины. Кобыла фыркает и бьёт копытом. Я зарываюсь пальцами в чёрную гриву. Тор швыряет свой железный молот прямо над нашими головами, оглушительный раскат грома отдаётся в моей груди. Первая капля метит мой лоб, как святой елей.

И вот он, дождь – не приходит, а обрушивается ливнем жалищих стрел. Небо похоже на кровоподтек, багрово-синюю рану, истекающую прозрачной жидкостью. Кожа болит от ударов тяжёлых капель.

Мои волосы, густые, как звериный мех, защищают плоть. Капля за каплей ныряет в них и пропадает без следа. Но это не может длиться до бесконечности; я чувствую, что мощь дождя побеждает. Волосы тяжелеют, жалко распластываясь по телу, и я поднимаю лицо к кипящему небу. Губы раскрыты, вода льётся в горло.

Волосы вместе с потоками воды стекают по спине, мокрые пряди облепляют лицо и плечи, руки и грудь, дождь пробирается меж моих бедер и течет по спине кобылы. Её грива тоже вымокла,

чёрные ручейки бегут вниз, обнажая шею теперь уже тёмно-рыжего цвета.

Кто-то поёт.

Женщины выходят из домов и присоединяются к тем, что идут за мной. Их высокие дрожащие голоса окружают меня, выпеваемая молитвы и приветствия. Хотя они доносятся сзади, но словно бы зовут вперёд. Молодая женщина с мокрым лицом протягивает мне своё дитя.

Церковь-мазанка, уродливая, приземистая, её строили на скорую руку много лет тому назад. Хлипкая дранка крыши дрожит под ударами ливня. Внизу уже появилась кайма грязи. Священник, привлечённый грохотом дождя и поющими голосами, стоит в дверях своего дома. Лицо у него такое же красное, как испачканные грязью башмаки, он напряжённо обдёргивает сутану.

Поток людей проходит мимо него, меня, возвращается, окружает. Они смотрят на меня и друг на друга. Они проходят очень близко, кто-то протягивает руки к кобыле, не дотрагиваясь до боков – всего лишь умоляющее движение. Некоторые безостановочно крестятся. Все поют.

Ливень омыл меня. Кожа порозовела, волосы приобрели охристо-жёлтый оттенок. Я ощущаю резкий животворный запах – смесь влажной почвы и кобыльей шкуры.

Вот скотина в загоне – козы, пятнистые коровы, они важно раскачивают головами, наблюдают за мной, уши хлопают над кружевной плетёной изгородью. Кудрявые, с прожилками листья капусты и гибкие плети фасоли покрылись пятнами грязи. Здесь и низенькие курятники, окружённые медленно увеличивающимся болотцем с вкраплениями слипшихся перьев, и ещё люди – дети, взрослые мужчины, молодые женщины.

Может ли утонуть человек во время дождя? В ночь моей свадьбы тоже лило, как из ведра, мать смеялась, укладывая меня в новую постель, и говорила – это верная примета, что я вот-вот зачну дитя. Она была навеселе.

Мать взбила подушки за моей спиной, прикрыла мои колени простыней, положила венок из цветов мне на голову. Золотой поток волос укрывал всю меня – плечи, шею, живот и бедра.

Она поправляла фитили светильников, когда вошли мужчины. Смех, шутки, пожелания благополучия и понимающие кивки

смешались с шумом снаружи – там, в зале, гремели кимвалы и раздавались клики гостей. Я рассмеялась, и горячая струя крови внезапно прилила к щекам.

Когда дверь захлопнулась за ними, оставив нас с мужем наедине, он улыбнулся. Он подошёл, сел на кровать и протянул руку к моему подбородку. Потянулся ко мне и поцеловал. Губы у него были нежными. Я не знала, что лучше – показать свое расположение или же нет; но девичий страх был сильнее.

Он поцеловал меня снова. Протянув руку сквозь водопад волос, я дотронулась до его щеки, в первый раз чувствуя мягкость его бороды. Я отдала ему свой рот, и он поцеловал меня в третий раз – сильно, языком раздвигая губы, проникая в рот и наполняя его своим вкусом. Венок скользнул назад, лепестки цветов запутались в золотых завитках волос.

На рассвете первого дня моей замужней жизни я увидела его тело целиком – так, как видит только супруга. Увидела мускулистое бедро и шрам на нём, ещё один шрам, старый, неровный – на плече, третий на предплечье – метки копий и мечей, свидетелей воинской жизни.

Я молчала, но лицо выдавало мой трепет. Пальцем я водила по красноватым отметинам, его глаза были полузакрыты – он вспоминал. Положив меня на кровать, он тоже долго разглядывал меня в розовеющем свете, играл с моими золотыми волосами в тихом восхищении. Покрывало, плащ, платье, мантия – они были всем и в то же время ничем из перечисленного.

Он не скупился на дары. Когда полностью рассвело, он преподнес мне плетёное ожерелье и такие же браслеты красного золота, искусно обработанные, непревзойденной красоты. Кроме того, он вручил мне гребень, который вырезал своими руками из бука. Он – могущественный владыка. Эрл.

Эта нежность тронула меня гораздо больше, чем браслеты – хоть целая сотня браслетов.

Леофрик, как же ты разозлил меня! Никто на свете не знает тебя так, как я, ведь за те двадцать лет, что я пробыла на твоём ложе, я изучила тебя до мелочей. Зная величие добра в тебе, я тем более страдаю от твоей злобы.

В прошлом году тогдашний король Хардакнут, достойный сын проклятого Кнута, послал в Ворчестершир своих лучших лю-

дей, чтобы те собрали огромную дань за содержание королевской охраны. Урожаи поселян были скудны, скотина издохла, не было и серебра в запасе. Люди отказались платить. Разъярённая толпа напала на сборщиков и расправилась с ними.

Едва слух о происшедшем достиг ушей Хардакнута, он отправил в Ворчестер Леофрика и эрла Годвина. Большое войско разорило всё и сожгло – всё, даже прекрасную ворчестерскую церковь. Затем каратели прошли огнём и мечом по всему графству. Все, что можно было увезти – увезли, остальное сгорело дотла, включая беднейшие крестьянские хижины. Никакого милосердия, никакого снисхождения. И злейший набег датчан не превзошёл бы этого в жестокости. Сын Кнута был полностью удовлетворен.

Леофрик, да ведь Ворчестер с давних времен был собственностью твоей семьи – твоей собственностью! Это своих людей ты уничтожал, тысячекратно отплачивая за смерть двух сборщиков и неповиновение королевской прихоти!

Великолепная жемчужина на моей шее стала слишком тяжелой после того, как я узнала о её происхождении.

Госпожа, благослови наши поля обильным урожаем, поют мои люди.

Кобыла охотно везёт меня дальше. Ни разу за всё это время она не остановилась и не сбилась с пути. Она не дрогнула перед толпой, не испугалась бури; ясно видя цель, она прямо шла к ней.

Впереди ещё россыпь домишек, с плетёными изгородями, за которыми скрываются ухоженные курятники и огороды, полные овощей. Кто-то, видимо, предупредил поселян – они уже выстроились у дороги, чтобы поглядеть на меня. Вон миловидная девушка без кольца и с большим животом, она пришла ко мне вся в слезах месяц назад. Отец ребёнка – молодой повар, один из тех, кто путешествует вместе с нами из поместья в поместье. Я дала ей серебряную монету и пообещала справить свадьбу. Глаза у неё круглые, как и бережно охваченный руками живот, и в них восхищение. Юная мать, я более не буду странствовать. Предназначенный тебе супруг останется здесь, как и я, и будет готовить мне пищу. Ты же станешь одной из моих служанок.

Вот юноша, который из-за неосторожного взмаха косы лишился руки. Он искусный кожевник, и культа помогает ему в работе – ею он прижимает кусок материала, а здоровой рукой вырезает

на нём хитрые узоры. Будь всё иначе, я взяла бы его с собой в Ньюарк. Но теперь я пошлю за собранием изготовленных им сёдел, и прикажу выстроить для него мастерскую рядом с новыми конюшнями – в ней он сможет изукрасить всю конскую сбрую.

За ним стоят родители, озабоченные – и справедливо – тем, как он сможет успокоить их старость. Не бойтесь, добрые люди, единственный сын-калека своим искусством будет кормить вас во все дни земной жизни.

Сорок дней миновало с Успения Пресвятой Девы; сегодняшний – сороковой.

Последние дома, окраина деревни, за нею лишь пастбище да Арден. Но кобыла идёт дальше, к обугленным балкам монастыря Осберг.

Дождь превращается в туман. Струйки пара поднимаются от красных полей, от обнажённой земли. Моя кожа заледенела, пальцы онемели от постоянного стискивания гривы.

Я не вижу своих людей, они сильно отстали. Ничего не вижу, кроме пирамидки из камней над головой почившей Осберг.

Осберг-чудотворица, мать и монахиня, кающаяся и премудрая, Ковентри был для тебя местом благословенным, и собственной смертью ты освятила его. Твой дух, выйдя из бедной могилы, пришёл к Этельноту во сне и нашептал ему, что место это процветёт!

Наконец-то и я услышала эти слова.

Кобыла замедляет шаг, останавливается, склоняет голову к куче камней. Ухватившись за её шею, я перекидываю ногу через круп, сползаю вниз и на мгновение замираю – и падаю ничком на ждущую землю. Голова кружится, и всё тело трепещет, чувствуя холодные объятия.

Вытянув руки, я отчаянно впиваюсь пальцами в камни. И выкрикиваю громко:

– Осберг! Я, Годгифа, жена Леофрика из Мерсии, истинно клянусь тебе – на этом месте, где пролилась твоя кровь, я воздвигну каменную церковь, и факел не коснется её! Да будет она освящена в честь Пречистой Девы Марии, и в честь Марии пустынницы, и в твою, Осберг, честь – ибо ты была верной рабой Бога и ближних. Глава твоя украсится золотом и серебром, и ляжет она в раку чистой меди – так я выполню обет и сотворю для тебя достойную усыпальницу. И здесь, в новом храме, пребудет великая рели-

квия святого Августина, и благословение снизойдет на эту землю! Здесь прах мой упокоится до дня Страшного Суда. Ковентри останется в моём сердце, как и я в сердце Ковентри, здесь я поселюсь навеки. Как Ковентри кормил меня многие годы, не получив за это благодарности, заброшенный и забытый, так и я ныне буду кормить Ковентри и не позволю никому, даже своему мужу, разорить его и сжечь. Никто не посмеет взимать с людей дань, и я сама буду платить положенное – до тех пор, пока не настанет час последней расплаты. Во искупление всех грехов моих – гордыни, тщеславия, похоти, и грехов мужа моего и сына, ведомых и неведомых, приношу я эту клятву. Да будут все святые Божии её свидетелями!

Я не могу сказать больше, не могу сделать больше того, что сказала и сделала.

Поднимаю лицо, влажное не от ливня, а от слёз. Мою грудь сдавливают камни, живот и ребра в царапинах, пальцы болят – я знаю это, но почему-то ничего не чувствую. Очертания леса вдали расплываются.

Темная фигура движется меж старыми дубами и мною, подходит медленно, опускается на колени возле меня. Мужчина.

– Будет так, как ты хочешь, Годгифа, – говорит мой муж.

Я ощущаю тяжесть шерстяной накидки на плечах, и его руки обхватывают меня и поднимают.

Печатается с разрешения автора¹

Оригинальный текст рассказа опубликован на сайте

<http://www.narrativemagazine.com/issues/winter-2008/ride/>

---

¹ Информация об авторе <http://www.OctaviaRandolph.com> - The Great Victorians: Light, Descending.
<http://www.octavia.net> – Historic Adventure: The Circle of Ceridwen Trilogy.

ВИЛЬЯМ ХАЙНЕСЕН (1900 – 1991)

СТОЙКАЯ СТИНА

Маленький рассказ о большом одиночестве

Перевод с датского Ольги Маркеловой

Стойкая Стина живёт в маленькой квартирке в подвальном этаже на улице Эльвевай. Приглушённый свет лампы уютно струится из окна её кухни; красные клетчатые занавески задёрнуты, но если встать у самого окна, в щёлку под ними можно разглядеть, как на лавке в уголке у стола сидит она – Стойкая Стина или «Ожидальница», – так её тоже называют за то, что она всё время терпеливо ждёт; а это несказанная редкость среди детей человеческих, обычно столь непоседливых.

Она ровно сидит, прямая и стройная, худые руки сложены на коленях, пальцы крепко переплетены.

Так сидят, когда кого-нибудь ждут, или когда прождали уже долго, но всё равно не хотят поддаваться разочарованию и скорби. Так сидела Пенелопа, когда ждала своего Одиссея, а он всё не ехал и не ехал. Так маленькая Сольвейг ждала своего вероломного Пера, и светлые её косы с годами седали. Но эти великие ожидальницы всё же не ждали совсем напрасно, как наша Стойкая Стина: ведь её обманщик жених, – моряк и путешественник Томас Мор, так к ней и не вернулся.

Вообще-то Стойкую Стину зовут Кристина Мария, она родом из далёкого города Кристиансхавн, урождённая Суенсон (и приходится дальней родственницей одному прославленному адмиралу).

Но вот – она ждёт: день за днём, день за днём. Уму непостижимо, как у неё хватает на это сил. Она уже давно должна была бы махнуть на этого Томми рукой! И сёстры Томми то же самое говорят, и другие – из тех, кто принадлежит к кругу общения Стины и относится к жизни более или менее легко. Да брось ты его, Стина, не стоит он твоей преданности, ведь он там, в полном страстей большом мире, пускается во все тяжкие, кутит напропалую, и в каждом порту у него по любовнице. И ни гроша ты от него не получишь; он тебе даже открытки завалящей не пришлёт. Брось его,

Стина, позабудь его, пока ты ещё молода и хорошо выглядишь: белая, румяная, с лучистыми глазами такого же цвета, как твоя бурая душегрейка, в которую ты кутаешься после работы, когда ты, помывшись и расчесав свои пепельные волосы, садишься и начинаешь ждать.

Примерно такие же слова написаны в письмах, которые Стина иногда получает от родни из Кристиансхавна (у неё там отец: главный бомбардир флотской артиллерии в отставке): Давай, мол, Стина, возвращайся, нечего тебе там, на севере, бродить по взморью в тумане да полоскать рыбу. А Томми твой наверняка пропал и погиб, а если нет, то он просто чурбан.

Но Стина и не думает возвращаться на родину, подобно несчастному гонимому изгоя, – в отчий дом к четырём сёстрам, которые все уже обзавелись мужьями и детьми и живут в достатке. Стойкая Стина непоколебима. Она не хочет слушать советы легкомысленных невесток оставить своё занятие и вернуться в невесёлый хоровод жизни. Впрочем, у неё и так нет недостатка в поклонниках и воздыхателях, причём это не только те, кто просто жаждет ярких страстей, – но и честные порядочные мужчины, холостяки и вдовцы. Более того: говорят, сам купец и судовладелец Конрад П. Ольсен ходил к ней делать предложение и сулил золотые горы, если она одумается, – но всё напрасно.

Стина так и остаётся на своём месте.

Под вечер, окончив работу – а работает она на сушке рыбы у Конрада П. Ольсена, – она возвращается в своё бедное жилище в подвале, где всё всегда тщательно прибрано, начищено и натёрто, словно хозяйка готовится к приёму важных гостей, ставит на огонь кастрюлю или сковороду и вкушает скудный ужин, моет и вытирает посуду и наливает кошке молока. Затем она занимает место на скамье в углу между кухонным столом и стеной – и начинает ждать. Она сидит прямо, усталые и натруженные, но изящные руки красиво сложены. Вот уже и на покой пора, день прошёл, а завтра снова идти зарабатывать себе на хлеб, а потом ждать.

Стина ждёт – даже не столько оттого, что и впрямь на что-то надеется; скорее, просто ради самого ожидания.

Она чужда глупеньких грёз о том, что вот, мол, вернётся к ней её Томми, нарядно одетый, в фуражке с белым околышем, с цветком в петлице и с кучей денег, специально накопленных ради неё: «потому что сейчас мы с тобой наконец заживём на славу!».

Нет, так мечтает Карен Кламп, подруга Стины, та, у которой вместо одной ноги культя, мечтает о Стинином счастье, – это *она* мечтательница, а Стина – нет, она ничего себе не придумывает.

Хотя одна мечта у неё всё-таки есть, точнее, не мечта, а видение или что-то в этом роде: какой-то мост, низкий, деревянный, из выбеленных солнцем реек, а под ним в тени зеленовато плещется вода. Это Кристиансхавн, набережная какого-то канала, а может, и чуть поодаль, в сторону владений флота. А на ней летнее платье в цветочек и белые туфли... И тут приходит Томми: высокий, с танцующей походкой, загорелый, загрубевший, с улыбкой на лице, а солнечные блики играют на блестящем козырьке его фуражки с белым околышем. Этот день такой большой и добрый: белые чайки, сияющие облака, прозрачная вода булькает и журчит под пересохшими досками моста.

Ах, какой день!

Впрочем, довольно об этом! Это никого не касается, даже Карен с её злосчастной ногой, из-за которой эта в остальном миловидная девушка превратилась в никому не нужное убогое существо, погрязшее в несбыточных мечтах.

Но вот, в один прекрасный день пришло оно – сухое и суровое, без малейшего намёка на пощаду, – сообщение, что штурман Томас Андреас Мор трагически погиб во время пребывания парового судна «Карибиас» в таком-то порту при таких-то обстоятельствах. (Название у этого места такое, что не выговоришь; очевидно, оно где-нибудь в Южной Америке). И тотчас невестки и все остальные принялись ждать, что вот сейчас со Стиной что-нибудь случится: что сначала она, как это бывает, сломается, а потом придёт в себя, вздохнёт облегчённо и легко и свободно ринется на встречу сияющему дню жизни, пока у неё ещё есть время.

Но нет: у Стины не заметно изменений, она не бьётся в истерике. Стойкая упряmica вовсе не впадает в отчаяние, напротив, принимает эту весть спокойно, и в этом спокойствии как будто виден вызов судьбе. Ни слезинки не роняет она, – а, как обычно, идёт на работу, затем домой, ставит чайник на огонь, занимает привычное место за кухонным столом и сидит там, отдыхает, пока не закипела вода. Потом, в связи с сегодняшним событием, она накрывает стол и приглашает Карен к себе выпить кофе, а у Карен глаза покраснели и опухли от печали за подругу, – так что Стине даже

приходится обнять и утешить её.

А больше ничего нового у Стойкой Сины не происходит. Она вновь принялась ждать по вечерам; теперь это выглядит совсем уж надуманным и безумным, в этом больше нет ни крупицы смысла, — но она уже успела полюбить своё ожидание.

Так прошло время, она состарилась, нижняя челюсть у неё выступила вперёд, а красивые длинные руки измождены работой, и на них вздулись жилы. Но она всё ещё по-девичьи бела и румяна и держится хорошо: смотрите, вот она сидит на своём привычном месте, всё такая же прямая и стройная, так изящно замерев в своей поистине легендарной непоколебимости.

(из сборника рассказов “Laterna magica” (1985))

Анастасия Жеребцова

Анастасия Жеребцова – поэт-переводчик, активная участница немецкого молодёжного клуба «Jugendlicht» г. Читы Забайкальского края. В 2012 году с отличием окончила факультет иностранных языков (бакалавриат и магистратуру) ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, с удовольствием занимается поэтическими переводами с немецкого и русского языков.

Анастасия – участница и дипломантка многих конкурсов переводчиков. В частности, она является неоднократным дипломантом региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков Забайкалья (2009–2012 гг). Награждена Почётной грамотой за занятое I место (в номинации «Fortgeschrittene») в конкурсе художественных переводов поэтических произведений с немецкого языка «Так пусть звучит мелодия стиха» (2011 г.); награждена почётным дипломом за участие в конкурсе молодых переводчиков «BuddingTranslators Cup 2011» и стала финалистом в номинации «Художественный перевод (немецкий язык)». Кроме того, Анастасия имеет грамоту немецкого культурного центра им. Гете в России за активное участие в видеоконкурсе «Рэп полным ходом» (2012 г.).

Анастасия Жеребцова имеет широкий круг профессиональных интересов, постоянно совершенствуется в немецком языке, она успешно сдала экзамены на уровень языка B 2 (2010), имеет сертификаты за прохождение интенсивного курса немецкого языка со страноведением и участие в семинаре «KursEuropa» (Кассель, Германия, 2010, 2011), имеет сертификат за участие в этнокультурном лагере-семинаре «Национальная деревня» в Оренбургской области (2012 г.).

Мы с удовольствием представляем читателям переводы Анастасии с русского языка на немецкий язык молодого сыктывкарского поэта Павла Блюме, который является активным участником Немецкой Национальной Культурной Автономии в Республике Коми, а также членом совета молодёжной организации российских немцев «WIR».

Перевод на немецкий Анастасии Жеребцовой

Die Malerin, die Harlekin malt

Vielleicht sie haben schon vergessen –
Sie malten da ein Bild für mich,
Halbdunkel war es dort gewesen
Soffittenlicht.
Was wollte ich in diesen Zeiten,
Was rief, o, Dummkopf, dem Geschick?
Madonna malte dort die Zeichen, –
Die Welt, sie schwieg.
Das Bild ist endlich schon vollendet,
Es ist so schön, doch nicht von mir:
Der Harlekin ist in den Händen –
Sie lachten immer hier.
Ja! Der Harlekin ist aus Pappe,
Ich schluchze nur beleidigt dann.
Ich zeichne Sie, Madonna auch,
Nochirgendwann...

Художница, рисующая Арлекина

Быть может, вы уже не помните –
Вы рисовали мой портрет,
И лился в полумраке комнаты
Софита свет.
Чего я ждал в тот час бессонный,
О чём, глупец, судьбе кричал?
Штрихи бросали вы, Мадонна, –
Весь мир молчал.
Но вот закончена картина,
Портрет хорош, но он – не мой:
Вы рисовали Арлекина –
Смеялись надо мной!
Да! Глупый Арлекин картонный,
Я разрыдаюсь во всю грудь.
Я нарисую вас, Мадонна,
Когда-нибудь...

Der Schmetterling

Die Liebe wie ein Schmetterling,
Man drückt ihn fest – er stirbt sogar...
Man öffnet Hände – fliegt davon,
Und schwebt dort irgendwo im All.

Ich hielt die Liebe in der Hand,
Und hatte Angst zu atmen lange...
Und wollte, dass in meinem Land...
Mein Falter keine Luft empfangen.

Die Liebe wie ein Schmetterling,
Vergebens ich erhalten wollte...
Dann möge jetzt sie fliegen hin,
Zu himmelroten Horizonten.

Sie können doch die Liebe lassen,
Sie kommt viel schöner und sie kann
Mit Sonnenstrahlen dich anfassen,
Sie dreht wie 'n Falter in der Hand.

Бабочка

Любовь, что бабочка в руке,
Сожмёшь в кулак – умрёт мгновенно...
Ладонь раскроешь – улетит,
Порхает где-то во Вселенной.

Так я любовь в руке держал,
Боясь вздохнуть – не шелохнулся...
Чтоб только навсегда со мной...
И мотылёк мой задохнулся.

Любовь, как бабочку в руке,
Я удержать хотел напрасно...
Так пусть теперь она летит,
За горизонт небесно-красный.

Любовь не бойтесь отпустить,
Её прекрасно возвращенье...
Как солнца первые лучи,
Как лёгкой бабочки кружение.

Weinen um Federico Garsia Lorka

Fliegtübers Feld ein schnelles Ross,
Schwarzes Ross – des Schicksals Stoß,
Kraniche am Himmel ...
Ein schwarzer Punkt ist er im Leben,
Wolken wie verflucht da schweben
So einsam wie immer.

Schnarcht das Pferd wie wildes Schwein,
Federikoruf kann sein,
Kraniche ums Land...
Straßen sind bedeckt mit Staub,
Städte, Dörfer da im Laub
Brennen, sind verbrannt!

Doch so viele gibt's Verluste
Von Poesie bis zu den Wüsten,
Die Kraniche – sie weinen ...
Und läuft das Ross, fliegt übers Feld,
Im Herzen Trauer befiehlt,
Von einer Kugel versengt.

Плач о Федерико Гарсия Лорке

Скачет конь, летит по полю,
Чёрный конь – судьбы невольник,
В небе журавли...
Чёрной точкой он в пространстве,
Тучи бредят, окаянство
Брошенной земли.
Конь храпит, как вепрь дикий,
Где-то кличут: «Федерико»
В небе журавли...

Вдоль дороги пыльной, жёлтой,
Городам гореть и сёлам,
Нет! уже сожгли!

Неизмерянность потери,
От поэзии к расстрелу,
Плачут журавли...
Скачет конь, летит по полю,
Сердцу грустно, сердцу больно,
Пулей обожгли.

Американа

Светлана Чугунова

Музыка афро-американцев в переводе на язык романного слова в прозе Тони Моррисон

Музыка играла огромную роль в жизни каждого чёрного американца на протяжении нескольких столетий. Прибывая в кандалах на северо-американскую землю, африканцы везли с собой музыкальные традиции своих племён, которые вылились затем в рабочие песни плантационных рабов, хоровое пение с элементами респонсорной переключки, религиозные песнопения. Последние со временем превращаются в особый жанр «спиричуэлс» (*spirituals*), который, по словам американского исследователя Бернарда Белла, «навеван Библией, наполнен содержанием общинного опыта и отличается рваным ритмом, импровизированными графическими фразами, драматическими строками, исполняемыми в манере зова-ответа»¹ Более того, в эпоху рабства спиричуэлс играл роль особого секретного языка в общении рабов.

Определяя значение музыки в жизни чёрных американцев того времени, Уильям Дюбуа говорит в своей знаменитой книге «Души чёрных людей» (*The Souls of Black Folk*, 1903):

*“Sprung from the African forests where its counterpart can still be heard, it was adapted, changed, and intensified by the tragic soul-life of the slave, until, under the stress of law and whip, it became the one true expression of a people’s sorrow, despair, and hope”*².

Позже на первый план по значимости выходят музыкальные комедии, блюз и рэгтайм. Из них наиболее плодотворным для словесного творчества афро-американцев станет блюз. Образное определение этого жанра мы находим в работах и высказываниях самих писателей.

Так, Ленгстон Хьюз, чья поэзия наполнена эстетикой блюза, говорит:

“The blues are usually about very sad subjects – like being broke, hungry, or broken-hearted, left lonesome in love – but almost always there is

¹ “Inspired by the Bible, informed by the group experience, and characterized by occasional rhyme, improvised graphic phrases, and dramatic lines, delivered in a call-response manner” (in Bernard W. Bell. *The Afro-American Novel and Its Tradition*. Amherst: The University of Massachusetts press, 1987. p. 25).

² Du Bois, W.E.B. *The Souls of Black Folk*. New York: Penguin Books, 1989. p. 156.

something in the blues that makes people laugh, or at least smile. And there is always the will to live"¹.

Ральф Эллисон называет блюз «автобиографической хроникой личной катастрофы, выраженной лирически». Однако наиболее привлекательным для него в блюзах является то, что «они в то же время выражают агонию жизни и возможность побороть её с помощью силы духа»².

В начале 20-го века с переходом чёрных людей в северные города США зарождается, набирает силу и становится своеобразным зеркалом жизни чёрных обитателей Северной Америки, их опыта адаптации к новому миру и стилю жизни – джаз. Нет никаких сомнений в том, что в основе этого музыкального жанра находятся те музыкальные традиции, которые чёрные невольники завезли с берегов Западной Африки. На новой земле, в новом инструментальном окружении африканские ритмы преобразились и зазвучали по-новому. По словам Джоуэlsa Роджерса,

*"jazz time is faster and more complex than African music. With its cowbells, auto horns, calliopes, clankings and monotonous rhythm it bears all the marks of a nerve-strung, strident, mechanized civilization. It is a thing of the jungles – modern man-made jungles"*³.

Процесс взаимодействия музыки и литературы афро-американцев имеет свою историю, начало которой относится, пожалуй, ко времени появления первых поэтических опытов чёрных американцев. Об этом свидетельствует особый ритмический рисунок стихотворений Филис Уитли; колоритность и мелодичность поэзии Пола Данбара; блюзы в стихах Ленгстона Хьюза; джазовая эстетика в романах Клода Маккея и Зоры Нил Херстон.

Джеймс Болдуин, ярчайший представитель афро-американской литературы «бурных шестидесятых», также придавал огромное значение музыке, определяя её как «одно из драгоценнейших созданий человеческого гения, способствующего взаимопониманию между людьми». В своем диалоге с Ники Джованни он говорит:

*"What we call black literature is really summed up for me by the whole career, let's say, of Bessie Smith, Ray Charles, Aretha Franklin, because that's how it's been handed down. ...We had to smuggle information, and we did it through our music and we did it in the church"*⁴.

---

¹ Hughes, Langston. *Nothing but the Blues*. // *The Book of Negro Humor*. Ed by Langston Hughes. New York: Dodd, Mead and Co., 1966. p. 97.

² Цитата по книге: *The Book of Negro Folklore*. Ed by Langston Hughes and Arna Bontemps. New York: Dodd, Mead and Co., 1958. p. 14.

³ Rodgers, Joel A. *Jazz at Home*. // *Harlem Renaissance Reader*. Ed by David Levering Lewis. New York: Penguin Books, 1995. p. 52.

⁴ Baldwin, James and Nikki Giovanni. *A Dialogue*. New York: J. B. Lippincott Company, 1973. p. 78.

На страницах своих произведений Дж. Болдуин часто обращается к музыкальным традициям своего народа, особенно к блюзу. По словам профессора Ю. В. Стулова, характерное для блюза удивительное соединение тонкой грусти, лиризма с юмором, иронией и торжествующей верой в человека делают произведения автора средоточием истинного негритянского духа. Блюз на страницах писателя – это не просто структурообразующая музыкальная форма, это способ жизни героев, выражающий их отношение к миру, источник их силы и мужества даже в трагических ситуациях¹.

Проблема взаимодействия музыки и литературы становится особенно актуальной в конце 20-го века. Именно в это время приходит осознание того, что музыку жизни чёрного человека Америки нужно перевести на язык романного слова. Одним из наиболее талантливых «переводчиков» стала Тони Моррисон, в чьих произведениях представлен весь спектр музыкальных традиций афро-американцев. Вслед за своими именитыми предшественниками романистка использует элементы музыкального на разных уровнях своего текста.

Особым лиризмом блюзовых интонаций пропитаны строки романистки, посвящённые чёрным женщинам. В романе «Самые голубые глаза» (*The Bluest Eye*, 1970)² эти интонации меняются в зависимости от возраста и жизненного опыта афро-американок. Разговор молодых женщин Тони Моррисон сравнивает с «диким танцем нежных голосов» (*a gently wicked dance*):

“...sound meets sound, curtsies, shimmies, and retires. Another sound enters but is upstaged by still another: the two circle each other and stoop. Sometimes their words move in lofty spirals; other times they take strident leaps, and all of it is punctuated with – warm-pulsed laughter”. (p.15)

Разговор пожилых мамушек полон боли, которую им пришлось пережить:

“Their voices blended into a threnody of nostalgia about pain. Rising and falling, complex in harmony, uncertain in pitch but constant in the recitative of pain”. (p.137).

Смешение восхищения и грусти по утраченному звучит в описании чёрных южанок (обитательниц Шалимара, штат Виргиния) в романе «Песнь Соломона» (*The Song of Solomon*, 1977)³:

---

¹ Стулов Ю.В. Своеобразие художественной прозы Дж. Болдуина 1950-х – 1970-х годов (Идейно-художественная эволюция). / Диссертация на соискание ученой степени к.ф.н. Москва, 1984.

² Morrison, Toni. *The Bluest Eye*. New York: A plume Book, 1994. Цитаты приводятся по данному изданию.

³ Morrison, Toni. *The Song of Solomon*. New York: A Signet Book, 1978. Цитаты приводятся по данному изданию.

“They sat on porches, and walked in the road swaying their hips under cotton dresses, barelegged, their unstraightened hair braided or pulled straight back into a ball. ...wide sleepy eyes that tilted up at the corners, high cheekbones, full lips blacker than their skin, berry-strained, and long, long necks”. (p.266).

В романе «Джаз» (Jazz, 1992)¹ слышатся блюзовые интонации, когда рассказчица описывает вечернее небо Города, или весну, приносящую в Город свежесть обновления:

“And when spring comes to the City people notice one another in the road; notice the strangers with whom they share aisles and tables and the space where intimate garments are laundered. Going in and out, in and out the same door, they handle the handle; copper coins dropped in the palm have been swallowed by children and tasted by gypsies but it’s still money and people smile at that” (p.117).

Однако блюз не только растворяется в ритмике и лирических интонациях авторского текста, он также звучит в речи персонажей. В «Самых голубых глазах» блюзы напевает Поланд (*“I got blues in my mealbarrel”*; *“I know a boy who is sky-soft brown”*); в «Песне Соломона» блюз исполняет Пилат (*Oh, Sugarman done fly away*); в «Джазе» – слепой уличный исполнитель блюза (*Blues man. Black and bluesman./ Blacktherefore blue man./ Everybody knows your name*).

Используя блюзовые интонации, Тони Моррисон тем самым вводит в свой текст мотив надежды, желания жить, мотив преодоления, который важен не только для её протагонистов, но и для читателя.

Звучит со строк романистки и спиричуэлс, обнажая самые заветные уголки души персонажей. В «Самых голубых глазах» желания и мечты Полины Бридлав перекликаются с духовными песнями, исполняемыми талантливой солисткой церковного хора:

“There was a woman named Ivy who seemed to hold in her mouth all of the sounds of Pauline’s soul. ...Ivy sang the dark sweetness that Pauline could not name; she sang the death-defying death that Pauline yearned for”. (p.113).

Спиричуэлс, который звучит при отпевании Агарь в исполнении её бабушки и матери, Пилат и Ребы, в «Песне Соломона», никого из присутствующих не оставляет равнодушным. До каждого человека повторяемые фразы *“Mercy!”* и *“My baby girl!”* доносят историю рано прерванной жизни и вызывают сочувствие людей, которое выражается в их ответном *“Amen”*.

Элементы джазовой эстетики наиболее полно и ярко воплотились в романе Тони Моррисон «Джаз». Здесь писательнице удалось создать

---

¹ Morrison, Toni. Jazz. New York: A Plume Book, 1993. Цитаты приводятся по данному изданию.

полиритмичный и полифоничный текст, который заставляет читателя забыть о рациональности современного мира и погрузиться в мир «иррациональности» джаза. Именно в этом пространстве романистка предоставляет читателю шанс не понять, а прочувствовать, насколько сложна и многогранна судьба чёрного человека в Америке.

Автор строит свое повествование по принципу джазового соло и многоголосья. Рассказ ведётся от первого лица, и в роли рассказчика выступает, по словам Тони Моррисон, «существо, лишённое пола, возраста, это не личность, не герой, но чистый голос говорящей книги». С помощью этого голоса романистке удаётся перевести на язык романного слова забытую культуру устного повествования, создать «скрытую гармонию знака, звука и смысла, объединяющую рассказчика и слушателя».

Помимо голоса рассказчика мы слышим также голоса главных героев романа: Вайлет и Джоу Трейсов, Доркас и её подруги Фелиции, Голдена Грэя. Сыгранное каждым из них соло в джазовой композиции романа помогает читателю понять истинные мотивы их поведения.

Следя за развитием сюжета, где есть и пресловутый любовный треугольник, и преследования, и убийство, читатель не может с точностью сказать, что он держит в руках детективный роман. Хотя Джоу убивает свою молодую любовницу Доркас; Вайлет пытается «убить её во второй раз» во время отпевания в церкви; Голден Грэй мечтает убить своего темнокожего отца, как только узнаёт о его существовании; трудно усмотреть в этих персонажах отчаянных злодеев. Их неумение любить и прощать объясняется их сиротством. Джо Трейс никогда не знал своей матери; Вайлет лишилась матери, когда ей было 12 лет; Голден Грэй, сын белой Веры Луизы не знал своего отца – чернокожего охотника Генри Лестори. Пытаясь сохранить душевное равновесие, восполнить недостающие, «ампутированные» части своей души, герои романа находят точку опоры друг в друге. Таким образом, деструктивная сила страсти постепенно перерастает в созидательную любовь.

Помимо темы сиротства в «Джазе» прослеживаются также тема Города и тема противопоставления деревенского Юга и городского Севера. Город в романе является олицетворением Гарлема 20-х годов XX века. Его «великолепие» (*fascination*) не оставляет равнодушным никого, кто туда прибывает:

“That kind of fascination, permanent and out of control, seizes children, young girls, men of every description, mothers, brides, and barfly women, and if they have their way and get to the city, they feel more like themselves, more like the people they always believed they were” (p.35).

Однако чтобы выжить в этом Городе, где «нет воздуха, но есть

дыхание», где «больше желания и страсти, чем настоящей любви», нужно быть осторожным, так как здесь не всё так легко, как кажется на первый взгляд.

В теме деревенского Юга и городского Севера Тони Моррисон представляет два полюса жизни афро-американцев, показывает грань между деревенским прошлым и урбанистическим настоящим своих героев, которая пролегает через судьбы чёрных людей в Америке.

Говоря о городе, и Джоу и Вайлет признают, что с переездом на Север они утрачивают что-то ценное. Город заставляет Джоу познать одиночество:

“Make me know a loneliness I never could imagine in a forest empty of people for 15 miles, or on a riverbank with nothing but live bait of company” (p.129).

Жизнь в Городе для Вайлет кажется бессмысленной:

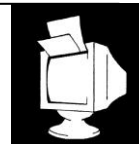
“Before I came North I made sense and so did the world. We didn’t have nothing but we didn’t miss it” (p.207).

Необычность повествования, его открытость, предполагающая диалог между рассказчиком и слушателем, автором и читателем, превращает текст романа в джазовую импровизацию, которая изначально построена на технике зова-ответа. Со страниц «Джаза» рассказчица не раз обращается непосредственно к читателю, вызывая его реакцию, эмоциональный отклик на то или иное слово, событие.

Незавершенность романа, прямой призыв автора «создавать и пересоздавать» её текст придают всему произведению характер джазовой композиции, в которой нет финального аккорда:

“Say make me, remake me. You are free to do it and I am free to let you because look, look. Where your hands are. Now” (p. 229).

Таким образом, обращаясь к музыкальным традициям своих предков и предшественников, Тони Моррисон продолжает работу по переводу музыкального наследия на язык художественного слова. Она обновляет уже созданные каноны, пытается придать своему тексту устный характер и призывает весь мир приобщиться к богатству культуры афро-американцев, испытать огромную силу их творческого потенциала.

Ашот Сагратян

К проблеме телепортации смысла

Дистанцированная визуализация мозаичного слепка оригинала в пространстве авторского стиля позволяет отследить плеск эмоций через систему логических акцентов. Акупунктура психического настроения позволяет осуществлять контроль над синтаксисом. Перед нами как бы инверсионные шахматы с набором этюдов. Сопряжение мысли с напряжением воли приводит к персонализации, как «выходу из тела» оригинала для воплощения в образе предмета. Стратегия замысла не исключает тактических находок и отступлений, включая лирические. Здесь уместно соблюдение этических норм в воззрениях автора. Пружина отправной точки индивидуальности срабатывает на эмоциональном фоне. По неосторожности можно оказаться и на минном поле ошибок и заблуждений. Спасительным может оказаться анатомически выверенный подход к каждой детали в мире представлений автора о прекрасном и уродливом.

Драматургия замысла вольно или невольно приводит автора к конечной цели – последнему акту. Переводчик же, желает он того или нет, работу свою начинает как бы с конца к началу, сжимая пружину обратного действия. Этим и обусловлен лексический набор средств для выражения адекватных чувств и переживаний, заложенных в динамику авторского текста. Переводя дыхание на паузах, несущих эмоциональную нагрузку, переводчик, ступая след в след, имеет право лишь на поиск идиомы или семантической замены, в полной мере передающей настрой произведения. Не исключено, что ключ к прочтению скрыт в тональном режиме. Здесь уместна настройка на вибрацию, расширяющую диапазон поисков. Полотно авторского текста структурировано его представлениями о прекрасном, о добре и зле, а вот дар ткача у каждого свой принципиально. Автор, зачастую сам того не ведая, дактило-

скопическим рисунком самобытности подводит к распознаванию стилевого окраса. Тональный режим выводит глиссаду настроений героев, а их схождение и расхождение лишь подчёркивает значимость пауз, обозначенных – где пунктуацией, а где звукописью. Разрешительные возможности каждого переводчика выявляет его способность маневрировать в вариантах передачи искомого. Подражательство же любого толка обесценивает как авторские находки, так и *идиоматичные* подходы к их перевоплощению в ценности иной культурно-языковой среды. Зачастую выручает чисто импрессионистский подход, когда деталями не размывается общее впечатление от картины увиденного глазами автора. Часто говорят – большое видится на расстоянии. Нейропроцесс подобной телепортации можно наблюдать в работе больших мастеров – Николая Михайловича Любимова, скажем, живописавшего старания Франсуа Рабле в своих изысках: ради десятка-другого «кондовых» слов он ездил к переселенцам позапрошлого века за Урал, лишь бы выудить там *незатёртый* дух подлинности той лексики. Ещё более ювелирную работу проделал он, работая над стилевыми потоками Гюстава Флобера, законодателя языковых норм в родном языке. А филологи мечутся в поиске свежих тем для диссертаций. Вот они. Перед глазами. И что ценнее всего, опыт мастеров отстоялся во времени, явив живучесть свою и функциональную необходимость.

Ольга Флешлер

Ненаучные заметки

1. Отечественная детская литература (русская и советская) гордится целой плеядой блестящих имён; однако если меня спросят, кого из тех, кто писал о детях, для детей и от лица детей я почитаю как писателя «на все времена», я, прежде всего, назову имя Бориса Житкова (1882–1938). В раннем детстве, вместе с героем его удивительной книги «Что я видел», Алешей-Почемучкой, я знакомилась с жизнью, узнавая, что такое «вокзал» и «светофор», «какая железная дорога», «какая платформа», «какие вагоны всякие бывают», «какое такси», «как в Москве на улицах», «как в гостинице», «как под землёй ездят», «что значит ау!» и т. д. Спустя го-

ды, перечитав книжку, да ещё и взглянув на текст глазами филолога, я была потрясена языковым мастерством Житкова. «Что я видел» – не просто великолепный образец занимательной энциклопедии для самых маленьких. В ней отразились не только тонкое проникновение в особенности психологии младшего возраста, но особый дар – думать, как ребёнок, – свойство, необходимое для писателя, если он хочет, чтобы ребёнок его принял, – не снизить, а «достучаться» до ребёнка. Его герой говорит тем языком, каким говорят маленькие дети: короткими предложениями с «разорванным» синтаксисом, с простой лексикой и детски-наивными и вместе с тем точными метафорами («...стоят вагоны гуськом, один за другим – это и есть поезд»). Вот, к примеру, мой любимый отрывок из главы КАКАЯ КУКЛА С НОСОВЫМ ПЛАТОЧКОМ:

«... Клавдя прибежала и принесла куклу. А кукла в шубке и меховой воротничок. И его можно отгибать, и он становится наверх, как настоящий. Он из настоящего меха, только маленький. На рукавичках тоже настоящий мех. Я в карманчик палец засунул. А там ничего нет. Я сказал, что ничего нет. А Клавдя из другого карманчика вынула маленький носовой платочек. А потом сняла шубу, а там на шубе мех. И этот мех кроликовый. Только из него волосы вылезают. На платье у куклы было много волосиков. Клавдя стала очищать, потому что платье очень красивое. Красное и белые пугови. И ещё воротничок белый». [1, 213]

Такая вот добрая и весёлая книга.

2. Особое место в ряду замечательных мастеров литературы для малышей принадлежит Нине Владимировне Гернет (1899–1982). Драматург, писатель, сказочник, чьи пьесы-сказки для театра кукол до сих пор идут во всём мире, Н. Гернет признавалась: *«Больше всего я люблю писать для маленьких детей. Это самый лучший читатель, какого может пожелать автор. Никто столько раз не перечитывает любимую книжку, никто больше не относится к книжке, как к живому существу, не целует и не колотит её и не укладывает с собой спать в кроватку. Маленькие верят всему, что написано в книжке – верят безоговорочно, и это делает задачу писателя очень ответственной. Он должен быть честен и правдив со своим читателем. ... Я говорю о художественной правде, об убедительности, о внутренней, моральной чистоте, ко-*

торой должна обладать всякая детская книжка» [2].

В 1966 г. Н. Гернет опубликовала трогательную «Сказку про лунный свет», вот с таким предисловием: «Был когда-то в Ленинграде детский журнал «Чиж» (Чрезвычайно Интересный Журнал). Каждый день туда приносили и присылали рассказы, сказки, стихи – в конвертах, тетрадках, на листочках. Одна рукопись была в яркой розовой тетрадке, а в ней сказка, кажется, английская, о котёнке, прыгнувшем на Луну. С тех пор прошло больше тридцати лет и много-много событий. И вот однажды, разбирая старые бумаги, я увидела ту самую розовую тетрадку. Но кто написал сказку? Кто перевёл на русский язык? Тогда, в редакции, я это знала, теперь забыла. А в тетрадке не было никакого имени. Я решила пересказать вам эту сказку по-своему. Может быть, хозяин или хозяйка розовой тетрадки прочтёт её и найдётся?» [3].

Никто не откликнулся на этот призыв, а сказка жива и публикуется у нас до сих пор. Вот она (в сокращении):

Сказка про лунный свет

Жил-был доктор. Он был очень старый и носил очки, потому что плохо видел.

У доктора жил котёнок. Он был совсем маленький и весь чёрный. Доктор целый день лечил детей, а котёнок целый день играл.

Однажды вечером доктор сидел за столом и читал газету. А на столе стояла лампа.

Котёнок лежал на полу и ловил свой хвост. Вдруг в окно влетел ветер, потому что доктор любил свежий воздух, и окно было открыто. Газета зашевелилась и зашуршала. Котёнок прыгнул на стол и бросился на газету, потому что подумал, что это мышка. По дороге он уронил лампу. Лампа упала со стола и разбилась.

– Что это? – спросил доктор, потому что стало темно.

А котёнок увидел, что он наделал, и убежал из дома. Бежал он, бежал и прибежал к горе. Поднялся на гору, а на горе стояла Луна. Котёнок прыгнул на Луну. Очень долго он сидел на Луне, и ему стало грустно и захотелось вернуться домой к старому доктору.

Но пока он сидел и грустил, Луна поднялась высоко в небо. И везде тёмная ночь, но на Луне было светло, потому что было

много лунного света. И котёнок зажмурился, потому что захотел спать.

Он спал долго и не заметил, как Луна обошла вокруг всей Земли. А потом котёнок проснулся, потому что Луна стукнулась о гору.

Котёнок упал с Луны на гору и увидел, что это была та самая гора. Он спустился с горы и побежал домой. Дверь была открыта. В комнате за столом сидел доктор, но не читал, потому что не мог читать в темноте.

Доктор увидел котёнка и сказал: – Что это? – потому что в комнате стало светло. А это светился котёнок.

Доктор взял щётку и почистил котёнка, весь лунный свет упал на газету. Доктор собрал лунный свет в стакан, поставил стакан на стол и стал читать газету. А котёнок лёг на пол и начал ловить свой хвост [3].

3. Вероятно, перевод «Сказки про лунный свет» не доставит особых хлопот, поскольку язык её прост и подтекст прозрачен. Тем не менее, представляется интересным взглянуть на несколько вариантов – по крайней мере (а может быть, прежде всего), в учебных целях. В нашем распоряжении их три; они выполнены информантами-билингвами, свободно использующими попеременно русский и английский язык в зависимости от условий речевого общения (при этом информанты не только двуязычны, но и «бикультурны»). Это Маргарет Романо (англо-русскоговорящий билингв, 8 лет), Арина Карташёва (русско-англоговорящий билингв, 15 лет) и Анна Крушельницкая (русско-англоговорящий билингв, 36 лет) – штат Мичиган, США. В статье переводы приведены анонимно.

Учащимся может быть предложено, как минимум, определить и обосновать:

- какой из переводов более приближен к оригиналу с точки зрения, так сказать, детскости;
- есть ли в переводе признаки «руки филолога»;
- использованы ли особые переводческие приёмы для передачи нюансов русской грамматики, и если да, то какие и о чём это говорит.

Разумеется, на практических занятиях все варианты могут быть проанализированы детальным образом. Итак:

1. Moonlight Tale

There once lived a doctor. He was very old and, because his eyesight was bad, wore glasses. The doctor lived with a kitten. It was tiny and black all over. All day long, while the doctor helped little boys and girls, the kitten played.

One night the doctor sat at his desk, reading a newspaper under lamplight. The kitten lay on the floor next to him and played with his tail. The doctor loved fresh air so the window was open. Suddenly, the wind picked up and rushed into the room. It lifted the paper and whipped it about, making it rustle. The kitten forgot his tail and leaped onto the desk, intent on catching the paper he took for a mouse. As the kitten jumped, he knocked over the lamp. It fell to the floor and shattered. "What was that?" asked the doctor as the room plunged into darkness. The kitten saw what he had done and ran guiltily from the house.

He ran and ran until he reached a mountain. He climbed it and found the Moon perched on top. The kitten jumped onto it. He sat there for a long time until he began to miss the doctor and his home. He wanted to get off the Moon but as he sat on it it had risen high into the sky.

It was the middle of the night and very dark all around (except on the Moon, of course). The kitten was sleepy and so he shut his eyes. He slept for a long time and didn't notice as the Moon travelled all around the Earth. He woke up only when the Moon bumped up against something. The kitten fell from the Moon onto the something, and saw that it was the mountain he had climbed. He ran down the mountain side and all the way home.

When he got home he found the door open. The doctor sat at his desk, in the dark. He was not reading because he could not see the newspaper.

The kitten walked in and the doctor noticed the room fill with light. "What is that?" he asked. The light was coming from the kitten. The doctor picked the kitten up and brushed the moonlight from his fur onto the newspaper. Then he poured it into a glass, shook off his newspaper, and began to read. Meanwhile, the kitten settled down on the floor and began to play with his tail.

2. Tale of Moonlight

There once was a doctor. He was very old and he wore glasses because he had bad vision. The doctor had a kitten. He was very small and black all over. Day after day the doctor healed children, and the kitten played.

One evening the doctor was sitting at the table and was reading a newspaper. And on the table there was a lamp. The kitten was sitting on the floor and was playing with his tail. All of a sudden wind came through the window because the doctor loved fresh air so the window was open. The newspaper moved and rustled. The kitten jumped on the table and pounced on the newspaper because he thought it was a mouse. While he was doing it he knocked over the lamp. The lamp fell off the table and broke.

“What was that?” said the doctor because it had become dark. The kitten saw what he had done and ran out of the house. He ran and ran and came to a mountain. He climbed to the top of the mountain and on the mountain there was the Moon. The kitten hopped onto the Moon. Very long he was sitting on the Moon, and he became lonely and he wanted to come back home to the old doctor.

But while he was sitting feeling lonely, the Moon went up into the sky. Everywhere was dark night, but on the Moon it was bright because there was a lot of the moonshine. And the kitten closed his eyes because he was tired.

He slept long and he didn’t notice the Moon circled the Earth. And then the kitten awoke because the Moon came back to the mountain. The kitten fell from the Moon to the mountain and saw that it was the same mountain from before. He jumped off the mountain and ran home. The door was open. The doctor was still sitting at the table but he wasn’t reading because he couldn’t read in the dark.

The doctor saw the kitten and said, “What is this?” because the room became lightened. And it was the kitten that was shining.

The doctor grabbed a brush and brushed the kitten, so that all the moonlight fell on the newspaper. The doctor had all the moonlight in a cup, put the cup on the table and started to read the paper. And the kitten sat on the floor and started to play with his tail.

3. Moonlight Story

Once upon a time there was a doctor. He was very old and had to wear glasses because his eyesight was very poor.

The doctor had a kitten. The kitten was tiny and black as black. All day long the doctor treated children and the kitten played. One evening the doctor was sitting at the desk and reading a paper. On the desk, there was a lamp.

The kitten sat on the floor and played with his tail. All of a sudden a gust of wind flew in the window, which was open because the doctor liked his fresh air. The paper moved and rustled. The kitten jumped up on the desk and pounced on the paper, which he thought was a mouse. Mid-jump the kitten knocked over the lamp. The lamp fell down and broke.

“What was that?” said the doctor in the dark.

The kitten saw what he had done and ran out of the house. He ran and ran and then he came to a mountain. He climbed the mountain and reached the Moon on its top. The kitten jumped up on the Moon. He sat on it for the longest time and then he became sad and lonely for his home and his old doctor.

But as he was sitting there being sad, the Moon rose high in the sky. The night around was dark as dark, only the Moon was lit with all of its moonlight. And the kitten screwed his eyes shut, because he was very sleepy.

He slept long and did not notice the Moon go all around the Earth. Then, the kitten woke up because the Moon hit the mountain. The kitten fell off the Moon and saw that it was the same mountain as before. He went down its slope and ran home. The door was open. The doctor was sitting at his desk and not reading, because he could not read in the dark.

The doctor saw the kitten and said “What was that?” because the room went light. The light was coming from the kitten.

The doctor took a brush and brushed the moonlight out of the kitten’s fur and onto the paper. The doctor gathered the moonlight into a glass, put the glass on the desk and started reading his paper. The kitten sat on the floor and started playing with his tail.

Послесловие

При подготовке данной работы автор статьи обратился за разрешением к правопреемнику творчества Нины Гернет, её сыну, Эрику Михайловичу, который любезно согласился на публикацию сказки при условии опубликования её полного текста и получения авторского экземпляра вместо гонорара. Эрик Михайлович, внимательно ознакомился с переводами произведения Нины Гернет «Сказка про лунный свет» (выполненными тремя билингвами разного возраста из США), представленными в статье в учебных целях, и поделился любопытными и весьма тонкими замечаниями относительно особенностей перевода каждого из них. К сожалению, мы не можем привести эти замечания здесь, так как в них содержится подсказка, ключ к разгадке тех вопросов, которые поставлены перед читателями, и на которые им самим следует найти ответы. В заключение, Эрик Михайлович написал: «...Начать же мне надо было с того, что Ваше милое письмо – не такая уж неожиданность, мамины книги переводились на всяческие языки, включая экзотические, и приходилось иметь дело с «называемыми». И даже давал разрешение использовать отрывок из маминой пьесы – для обучения малышей-таджиков русскому языку. <...>. Желаю успешных поисков молодых талантов, способных к искусству перевода, такому трудному и такому нужному».

С уважением, Э. Гернет

Литература:

1. Житков Б. С. Что я видел: Рассказы и сказки: Для мл.шк. возраста./ К.: Вэсэлка. 1988. – 512 с.
2. К 100-летию со дня рождения Н. В. Гернет. [Электронный ресурс]. Режим доступа:www.theatre.spb.ru/newdrama/6_landsk.gernet.htm
3. Сказка про лунный свет. Изд. Детская литература, 1971. [Электронный ресурс]. Режим доступа:www.planetaskazok.ru (полный текст).

Земля Даурская

Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842 – 1921), русский революционер, теоретик анархизма, географ, геоморфолог, историк и литератор, учёный с мировой славой из рода Кропоткиных (Рюриковичи). В течение многих лет П. А. Кропоткин сотрудничал с Британской энциклопедией, где знакомил читателей с географией России. Вашему вниманию предлагается перевод двух статей П. А. Кропоткина – «Байкал» и «Трансбайкалье», написанных им в соавторстве с Дж. Т. Билбай (J. T. Bealby) по результатам поездок по Иркутской губернии и Забайкальской области в 1862–1867 гг. и опубликованных в Британской энциклопедии в 1910 г.

Автор перевода выражает благодарность за ценную консультацию профессору Забайкальского государственного университета, доктору географических наук, Валерию Степановичу Кулакову.

Перевод с английского Ольги Ушниковой

Байкал

БАЙКАЛ (известный жителям Монголии как *Далай-нор*, а тюркским племенам как *Бай-кул*), озеро Восточной Сибири, по размеру шестое из всех озёр мира и самый большой пресноводный бассейн Евразии. Оно простирается с Ю.З. до С.В. ($51^{\circ} 29'$ до $55^{\circ} 50'$ С. шир. и $103^{\circ} 40'$ до 110° В. долг.), отделяя Иркутскую губернию от Трансбайкалья, и имеет длину 386 миль и ширину от 20 до 50 миль. Его южная оконечность проникает в высокое Азиатское плато, и озеро полностью лежит в Альпийской зоне, которая окаймляет это плато на северо-западе. Его площадь равна 13200 кв.м., т. е. оно почти такое же большое как Швейцария. Длина его береговой линии составляет 525 миль вдоль западного берега и 610 миль вдоль восточного. Его высота над уровнем моря составляет 1387 футов (Черский) и 1670 футов (Зюсс), что на 118 футов выше уровня Ангары в Иркутске (*Записки Рус. геогр. общ.*, XV, 1885); но высота в 1500 футов казалось бы более правильной (*Известия Вост. Сиб. отделения*, ххviii, i, 1897). Уровень воды в озере подвержен небольшим колебаниям и после пяти недель ливней в 1869 он повысился на 7 футов, в результате

чего огромная территория в устье Селенги была затоплена.

Гидрографическая съёмка этого озера была сделана Дриженко в 1897–1902 гг. Продолговатый холмистый остров Ольхон и полуостров Святой Нос, который образует его продолжение на противоположном восточном берегу, делят озеро на два бассейна. Самая глубокая часть находится на юго-востоке у подножья горного хребта Хамар-Дабан, граничащего с высоким плато. Вытянутая впадина длиной в 66 миль достигает там глубины более 600 морских саженей, при этом максимальная глубина равна 880 морским саженям, *т. е.* приблизительно 5280 футам ниже уровня океана. Как правило, нижняя часть озера имеет очень крутые откосы: линии в 100 морских саженей и даже в 250 морских саженей подходят близко к берегам; иными словами обрывистость окружающих озеро гор (4600 – 6000 футов) не заканчивается и под поверхностью воды. В устье Селенги, однако, которая вливается с юга-востока, стекая в его воды и на аллювиальные россыпи из дренажного бассейна размером в 173500 кв. миль, находится широкая дельта, которая простирается в озеро, уменьшая его ширину до 20 миль и расстилаясь под его водами, оставляя место вдоль противоположного побережья только для узкого канала глубиной в 230 – 247 морских саженей. Глубина средней части озера ещё не была измерена, но она должна была превышать 500 морских саженей. Предполагалось, что будет найден подземный горный хребет, соединяющий Ольхон и Святой Нос; но глубины, превышающие 622 морские сажени, были обнаружены эхолотом даже вдоль той линии. Что касается северного бассейна, конфигурация его дна соответствует высоким горам, окружающим его и большая часть площади имеет глубину, превышающую 400 морских саженей, а максимальные глубины вдоль трех линий замера лотом составляют 491, 485 и 476 морских саженей соответственно. Вода изумительно прозрачная.

Температура. – Поверхностные слои этого огромного водоёма нагреваются летом до температуры 55° – 57° F. как близко к берегам, так и на некотором расстоянии от устья Селенги; но эти, более тёплые слои не глубоки, и на глубине 20 морских саженей, также как и на поверхности в середине озера, постоянная температура составляет 39° F. На глубине 500 морских саженей практически везде температура равна 38°. В разных местах вокруг берегов имеются горячие источники, *напр.* в устье Баргузина. В конце декабря или в начале января озеро обычно покрывается льдом, настолько прочным, что на льду

в середине озера сооружают временную почтовую станцию, и оно остаётся замороженным до второй половины мая. Испарение от этого большого водоёма имеет определённое влияние на климат окружающей местности, в то время как поглощение тепла во время таяния льда в начале лета оказывает заметный охлаждающий эффект.

Реки. – В озеро Байкал втекает более 300 рек, главным образом, небольшие горные потоки, за исключением Верхней Ангары, которая вливается в северо-восточную оконечность Баргузина на востоке и Селенги на юго-востоке. Его единственный отток – это нижняя Ангара, которая вытекает через скалистую расселину на западном берегу. Река Иркут больше не доходит до Байкала, хотя когда-то впадала в него. Приблизившись к юго-западной оконечности озера, она уходит из широкой долины, ведущей к озеру, и пробивается на север через узкий горный просвет, присоединяясь к Ангаре в Иркутске.

Горы. – За исключением дельты Селенги, озеро Байкал окружено очень высокими горами. Пограничный горный хребет Хамар-Дабан (вершина горы с тем же названием находится на 5300 футов выше озера), спускаясь крутыми утёсами к озеру, обрамляет его на юге; массивная, с глубокими ущельями высокогорная местность находится между реками Иркут и Ангара; горные хребты Онот и Байкал (также Приморский) тянутся вдоль северо-западного берега, пересекая его по диагонали; Альпийский – система пока ещё неисследованных гор возвышается на северо-восточном берегу; горный хребет Баргузин вторгается в него по диагонали на востоке; хребет Улан-Бургасы внедряется в дельту Селенги.

Геология. – Точно известно, что в предыдущие геологические эпохи озеро Байкал занимало намного большую площадь. Оно простиралось на запад в долину реки Иркут, и доходило до нижних долин Верхней Ангары и Баргузина. Вулканическая деятельность происходила вокруг его берегов в конце Третичного или во время Четвертичного периодов и большие потоки лавы покрывают Саяны и горы Хамар-Дабан так же, как и долину Иркутта. Вдоль его берегов всё ещё часто происходят землетрясения.

Фауна. – Фауна, исследованная Дубовским и Годлевским, и в 1900–1902 гг. Коротневым, намного богаче, чем предполагалось, и имеет весьма своеобразный характер; гипотезы о существовании прямой связи между озером Байкал и Северным Ледовитым океаном во время Третичного периода и после него не доказаны. Тем не менее, в озере Байкал водится тюлень (*Phoca vitulitia*, *Phoca baikalensis*

по Дубовскому) весьма похожий на тюленей с Архипелага Шпицберген, морские губки, полихеты, морской моллюск (*ancilodoris*) и некоторые морские гаммариды. Воды озера наводнены рыбой (осетрами и представителями семейства лососевых), а сельдь (*Salmo omul*) является основным продуктом рыболовства, хотя в последние сорок или пятьдесят лет рыбы вылавливается значительно меньше. В изобилии представлен планктон. Небольшое озеро Фролиха, расположенное близко к северной оконечности озера Байкал и сообщаемое с ним посредством одноимённой реки, содержит специфическую разновидность форели, *Salmo crythreas*, которая не известна ни в каких других местах. В целом, в то время как родовое разнообразие животного мира относительно бедно, внутри группы оно отличается большим видовым многообразием. Что касается гаммаридов, то их встречается не менее 300 разновидностей, и те, которые живут на больших глубинах (330 – 380 морских саженей), обнаруживают такие же глубинные характеристики, как и глубоководная фауна океана.

Навигация. – Навигация озера осложнена как внезапными штормами, так и отсутствием хороших бухт и портов. Основной порт на западном берегу – Листвиничное возле оттока Ангары, является открытым рейдом, располагающимся у подножия крутых гор. Пароходы отходят от него еженедельно к Мысовой (Посольское) на противоположном берегу, несколько раз в год к Верхне-Ангарску на северной оконечности озера и часто – к устью Селенги. Пароходы поднимаются по этой реке до самого Билютая, расположенного около монгольской границы и привозят назад чай, импортированный через Кяхту, в то время как зерно, кедровые орехи, соль, соду, шерсть и древесину сплавляют на плотах вниз по Хилку, Чикою и Уде (притокам Селенги), а товары промышленного назначения везут вверх по реке для экспорта в Китай. Предпринимаются попытки сделать Ангару судоходной ниже Иркутска и до Енисея. Зимой, когда озеро покрыто льдом толщиной от 3 до 4 футов его пересекают на санях от Листвиничного до Мысовой. Но дорога, доступная круглый год, была построена в 1863–1864 гг. вокруг его южного берега, частично посредством подрыва утёсов, и теперь она (с 1905) идёт вдоль транссибирской железной дороги. Далее используется мощный ледакол, чтобы переправить поезда от Листвиничной до Мысовой.

Источники. – Дриженко, «Рекогносцировка Байкальского озера», в Известиях рус. геогр. общ. (1897, 2); русское приложение к

«Азии, Восточной Сибири, Байкалу» Риттера, &c. (1895); Геологическая карта берегов озера Байкал Черского, 6 2/3 мили к дюйму, в «Записках рус. геогр. общ.» xv. (1886); «Доклад о геологическом исследовании берегов озера Байкал», в Записках Восточно-сибирского отделения рус. геогр. общ. xii. (1886); Обручев, «Геология Байкальских гор», Известия того же Общества (1890, xxi. 4 и 5); Дубовский и Годлевский «Фауна», в том же периодическом издании (1876); Витковский, «Тюлени»; Яковлев, «Рыба Ангары», в том же периодическом издании (1890–1893); «Рыбная ловля в озере Байкал и его притоках», в том же периодическом издании (1886–1890); География (Номер 3, 1904).

ТРАНСБАЙКАЛЬЕ

ТРАНСБАЙКАЛЬЕ (иногда также известное как *Даурия*), провинция Восточной Сибири, лежащая к В. от озера Байкал, с Иркутской губернией на С.З. и С., с Амурской и Маньчжурской провинциями на В. и Монголией на Ю. Его территория (232 846 кв. миль) почти такая же большая, как территория Австро-Венгрии, но численность населения не намного превышает полмиллиона.

Трансбайкалье образует промежуточное звено между Сибирью, Монголией и северной частью побережья Тихого океана. Яблоновый хребет, который простирается на северо-восток от источников Керулена до изгиба Олекмы на 56° С., делит область на две, отличные одна от другой, части; к западу лежит верхняя терраса высокого восточноазиатского плато, продолжающаяся от верховьев Селенги и Енисея (4000 – 5000 футов высоты) по направлению к плато Витима (3500 – 4000 футов); и на востоке расположена более низкая терраса того же самого плато (2800 футов), образующая продолжение восточной части Гоби. Начинаясь от озера Байкал, долина, глубокая и широкая, проникает в северо-западный горный хребет, находящийся на границе плато, и тянется в восточном направлении вверх по реке Уда, с незаметным отклонением, подобно гигантской железнодорожной колее, заключённой между двумя крутыми склонами, а другая ветвь идёт на юг к Кяхте. Прослужив на протяжении многих геологических периодов в качестве стока для воды и льда, которые накопились на плато, сейчас она служит основой для двух больших дорог, которые идут от озера Байкал через плато (3500–4000 футов) к Амуру на востоке и китайской низине на юге. В других местах высокий и

массивный пограничный горный хребет на северо-западном краю плато может быть пересечён только по труднопроходимым тропинкам. Только что упомянутый пограничный горный хребет, разорванный широкой дельтой Селенги, простирается с юго-запада на северо-восток и известен под различными названиями, например, как Хамар-Дабан (6900 футов) к югу от озера Байкал, и как Баргузинский хребет (7000 – 8000 футов) вдоль восточного берега реки Баргузин, а на северо-востоке он известен под названиями Южного Муяканского хребта и Чарских гор (6000 – 7000 футов). Его юго-восточная основа покоится на плато, а сам он круто спускается к озеру и к широким живописным долинам Баргузина, Муи и Чары на северо-западе. Густые лиственные, еловые и кедровые леса покрывают горный хребет, куполообразные округлые вершины которого (*гольцы*) возвышаются над верхушками деревьев, но не дотягиваются до снежной границы (здесь она выше 10 000 футов). Само высокое плато выглядит как холмистое плоскогорье, пересечённое горными цепями, которые возвышаются приблизительно на 1500 или 2000 футов над его поверхностью и отделены широкими плоскими болотистыми долинами, пересекать медленными извилистыми потоками. Долины, которые осушены лучше, имеют прекрасные луга, а холмы покрыты лесами (почти исключительно лиственными и берёзовыми). Бесчисленные озера и водоёмы расположены вдоль речных русел. Тунгусы охотятся в лесах и на лугах, но долговременные сельскохозяйственные поселения невозможны, так как зерно редко вызревает из-за ранних морозов. На более низких частях широкой и ровной долины Джиды имеется, однако, несколько казачьих поселений, а монгольские пастухи населяют возвышенные травянистые долины вокруг озера Косоголь (5300 футов выше уровня моря). Совсем по-другому выглядит более низкая терраса плато, где находится восточная часть Гоби и Нерчинский район и которая отделена от верхней террасы Яблоновым хребтом. Этот хребет образует юго-восточную границу более высокой террасы. Он возвышается на 8035 футов на вершине Сохондо, но в других местах его куполообразные вершины не превышают 5000 или 6000 футов. Бесчисленные озера с плоскими бесформенными берегами питают потоки, которые соединяются с великими реками, текущими или на север или к Амуру и Тихому океану. Невысокие холмы возвышаются на краю плато, но склоны становятся отвесными по направлению к юго-востоку, где предгорья Яблонового хребта почти на 1500 – 2000 футов ниже, чем на северо-западе. Климат, флора и фауна

на меняются внезапно, как только Яблоновый хребет пересечён. Сибирская флора уступает место Даурской, которая, в свою очередь, сменяется Тихоокеанской прибрежной флорой на Маньчжурских равнинах и низменностях.

Нижняя терраса напоминает степь, но пересечена несколькими горными хребтами, складками силурийских и девонских скал, причём все они простираются с юго-запада на северо-восток, и все содержат серебро, свинец, медь и золотоносные пески. В просторных степях можно без труда заниматься сельским хозяйством, причем единственными имеющимися недостатками являются засухи и морозы на высоких закрытых долинах Нерчинских или Газимурских гор. Нижняя терраса, в свою очередь, обрамлена горным хребтом, называемым Большой Хинган, который по отношению к нижней террасе занимает то же самое положение, как и Яблоновый хребет относительно верхней террасы и отделяет Сибирь от северной Маньчжурии. Этот важный горный хребет тянется не с юга на север, как показано на старых картах, а с юго-запада на северо-восток; через него пробивается Амур около Албазина, и он примыкает к Охотским горам, которые, однако, не соединяются с Яблоновым хребтом.

Реки принадлежат трём различным системам и являются притоками озера Байкал, а также Лены и Амура. Один из притоков Байкала – Селенга (800 миль длиной) поднимается на северо-запад Монголии, причём один из её притоков (Эгин-Гол) является протоком озера Косоголь. Чикой, Хилок и Уда – её главные притоки в Трансбайкалье. Баргузин и верхняя Ангара вливаются в озеро Байкал с северо-востока. Витим, один из притоков Лены, с его собственными притоками (Каренга, Ципа и Муя) течёт по высокому плато через необитаемые области, также как и Олёкма. Притоки Амура важны в гораздо большей степени. Аргунь, которая только в современную геологическую эпоху приняла воды Далайнора, и для которой Керулен стал источником, более не сообщается с быстро высыхающим Монгольским озером, а её источником стала река Гэньхэ, берущая начало в горах Большого Хингана. Она не является судоходной рекой, но питается водами Газимура и нескольких других потоков из Нерчинского горнодобывающего района. Шилка образовалась благодаря союзу таких рек как Онон и Читинка и судоходна от города Читы, являясь, таким образом, важным путем, ведущим к Амуру.

Озеро Байкал, площадью 13200 кв. миль (почти равной территории Швейцарии), простирается с юго-запада на северо-восток в виде

половины лунного месяца, и имеет длину почти 400 миль и ширину от 20 до 50 миль. Оно находится на уровне 1500 футов выше уровня моря⁴. Широкая дельта Селенги сужает его в середине, и делает его более мелководным на востоке, чем на западе. Другие озера включают Гусиное и Баунт на Витимском плато. Во многих озёрах добывают поваренную соль.

Высокое плато постепенно создавалось из гранитов, гнейсов и сиенитов, покрытых аспидными сланцами Лорана. Силурийские и девонские морские отложения встречаются только на нижней террасе. С тех пор этот район более не находится под морем, и во впадинах встречаются только пресноводные отложения Юрского периода и угольные пласты. Во времена Ледникового периода большая часть высокой террасы и её пограничные горные хребты, несомненно, были покрыты громадными ледниками. Вулканические породы более позднего происхождения (Мезозойские?) встречаются на северо-западном пограничном горном хребте и на его склонах, также как и на Витимском плато. Во время Ледникового периода фауна самых низко лежащих частей Трансбайкалья была, бесспорно, арктической; в то время как во время озёрного или послеледникового периода эта территория была усеяна бесчисленными озёрами, на берегах которых жил человек неолитического периода. Осталось совсем немного следов их существования, и они быстро исчезают. На берегах озера Байкал очень часто случаются землетрясения, особенно в устье Селенги, и они охватывают территорию вплоть до Иркутска, Баргузина и Селенгинска; в 1862 обширная область была затоплена озером. Многочисленные минеральные источники, причём некоторые из них широко известны, существуют на всей территории Трансбайкалья. Самыми важными являются горячие щелочные источники (130° F.) в Турке, в устье Баргузина, а также находящиеся в Погромне на Уде (весьма схожие с Сельтерскими источниками), и источники Молоковка около Читы и Дарасун в Нерчинском районе.

Климат, в целом, чрезвычайно сухой. Зима — холодная и сухая, причём температура понижается до — 58° F. Но снега так мало, что лошади бурят могут раздобыть пищу в степях в течение зимы, а в самой середине зимы колёсные транспортные средства используются на всей западной территории. Расположенный к востоку от Яблонового хребта Нерчинский район ощущает влияние Северных Тихооке-

---

⁴ Абсолютная высота над уровнем моря точно не определена.

анских муссонов, там выпадает большее количество снега, особенно в долинах, а лето знойное и засушливое. На высоком плато даже лето холодное из-за высоты и влажности, вызванной болотами, а почва характеризуется вечной мерзлотой. В Чите ежедневный диапазон температур летом и весной иногда составляет от 33° до 46°. В окрестностях озера Байкал лето более прохладное; зимой очень глубокий снег покрывает горы вокруг озера⁵.

В 1906 население составляло приблизительно 742 200. Русское население в основном живёт вокруг шахт Нерчинского района, в то время как степи заняты бурятами. Ряд деревень был построен вдоль Шилки между Читой и Сретенском. Долины Уды, нижней части Селенги и особенно Чикоя и Хилка были заселены раскольниками, с начала 19-ого столетия, причём некоторые из них, живя в условиях процветания, которые неизвестны были в самой России, являются одними из самых лучших представителей русской расы. Оставшаяся часть степей Уды занята бурятами, в то время как леса и болота плато являются охотничьими угодьями кочующих Тунгусов. К югу от Хамар-Дабана единственным населённым районом является нижняя долина Джиды. На Верхней Аргуни казаки по своим чертам лица, характеру, языку и манерам в значительной степени похожи на монголов. Русские вдоль китайской границы составляют отдельное *войско* или подразделение Трансбайкальских казаков. Число бурят приблизительно равно 180 000, тунгусов – более чем 30 000. Провинция разделена на пять районов, главными городами которых являются Чита (столица), Баргузин, Нерчинск, Селенгинск и Верхнеудинск.

Хотя значительная часть земли была расчищена поселенцами, почти половина всей территории всё ещё покрыта лесами. Основные встречающиеся виды – ель, лиственница, осина, тополь и берёза, с пихтой на севере и кедром на юге. Только приблизительно одна треть поверхности может быть легко приспособлена для культивирования, а из неё приблизительно одна десятая фактически находится под пашней.

Сельским хозяйством поверхностно занимаются буряты и жители всех русских поселений; но оно процветает только в долинах Западного Трансбайкаля и частично в Нерчинском районе, в то время как в степях Аргуни и Онона даже русские занимаются скотоводством, торговлей или охотой. Практически повсеместно выращивается

---

⁵ См. «Климат Восточной Сибири» А. Войчиков (A. Woysikow), в Метеорол. Журнале (1884) .

домашний скот, особенно бурятами, но их стада часто в большом количестве погибают из-за весенних метелей. Охота — важное занятие, даже у русских, многие из которых уезжают из своих домов в октябре, чтобы провести шесть недель в *тайге* (лесная область). Рыбный промысел на озере Байкал и в нижних частях его притоков очень важен. Каждый год вылавливается огромное количество *омуля*; также как и *хариуса*, и *лососевых*, и *тайменя*. Горная промышленность, и особенно добыча золота важна, но выработка золота уменьшилась. В серебряных рудниках очень незначительная производительность. Добыча железа в рудниках постепенно развивается и на данный момент разрабатываются богатые угольные шахты. Соль добывается из нескольких озёр, и добыча английской соли значительно увеличилась. Возросло, хотя и незначительно, производство. Торговля в основном сконцентрирована в Кяхте. Казаки, живущие на границе, торгуют с Монголией плиточным чаем, рогатым скотом и шкурами животных. Большую важность имеет экспорт мехов.

Трансбайкалье пересечено Транссибирской железной дорогой, начиная от Мысовой на озере Байкал, через Читу, к Сретенску, и от Кайдалово, возле Читы, к монгольской границе; эта часть дороги продолжается и идёт через Маньчжурию к Владивостоку и Порт-Артуру. Регулярное пароходное сообщение было установлено вдоль озера Байкал не только для транспортировки пассажиров и товаров между двумя железнодорожными станциями Листвиничное и Мысовая, но также и с целью развития рыбацкой промышленности, которая очень важна. Пароходы курсируют вверх по Селенге до Селенгинска, перевозя значительное количество чая вдоль этой линии.

Источники:

1. Kropotkin P. A., Bealby S. T. Baikal // The Encyclopedia Britannica. 11 ed. New York: The Encyclopedia Britannica Company, 1910. Vol. 3. P. 215–216.
2. Kropotkin P. A., Bealby S. T. Tranbaikalia // The Encyclopedia Britannica. 11 ed. New York: The Encyclopedia Britannica Company, 1910. Vol. 27. P. 162–163.

**Главы из книги Виктора Балабанова
«Строкой и памятью отмечено...»**

Метеориты в Забайкалье

Meteorites in Zabaikalie

Перевод на английский Елены Букиной

It is well known that each meteorite found on Earth is given the name of the place it was found at and is registered in the catalogue of the USSR Academy of Science under the same name. One of such meteorites registered in this catalogue as number 6 is the meteorite Droninsk named so after the Droninsk graveyard in Ulyotovskiy district. It hit the ground on March 25 (old style), 1805 at five o'clock in the afternoon. The impact of the meteorite was witnessed by the laborers of the Droninsk salt works and their warden who later found three fragments of the meteorite. An article on the occurrence was published in the St. Petersburg Gazette. Two fragments of the Droninsk meteorite (chondrite) that weigh 3,891 kg in total remain deposited in the collection of the USSR Academy of Sciences.

Another meteorite – the Tarbagatai one – weighing 103 kg was found in Buryatia in 1912 and is catalogued in the same collection.

Chita dwellers were able to witness still another meteorite fall on November 28, 1921 at 5:30 pm. The meteorite burned down without impacting the Earth's surface, though.

Atmospheric flights of bolides were observed in different places in Zabaikalie practically every year. Some of the occurrences were covered by the local papers like the one witnessed by Potyomkin and Fimoshin from Borzaya in November 1935 and another one observed by the residents of various Zabaikalien villages in 1966.

Most mysterious, however, up to now is the impact of the so-called Selenginsk, or Bestuzhev aerolites (the name used to denote meteorites in the last century).

In 1853 the Decembrist N. A. Bestuzhev discovered aerolites (meteoritic stones) near Selenginsk. The date of their impact remains to be specified. He wrote that he tracked down “a string of aerolites” stretching for 6 kilometers “from the east to the west.” The meteoritic stones

that made up the string were lying in small clusters a fairly large distance from one another.

The aerolites varied in size “from that of a pea to the size of an egg” with the small stones lying on the surface and the big ones well below it. The largest aerolites, as it appeared, had gone fairly deep into the ground.

N. A. Bestuzhev wrote: “Some of them reveal a great degree of magnetism, others seem fail to produce any effect whatsoever on the compass needle. Viewed under the microscope some of the meteorite finds appear to contain tiny crystals of various colors.

The string of aerolites runs up and down the forest-clad hill and disappears in the thick layer of fallen pine-needles and brushwood but it appears again in the open spaces where meteorite fragments start showing again. I suppose I have picked up all stones that lie on the surface except for those around the well where lots of aerolite fragments that have irregular shape are left intact.”

From N. A. Bestuzhev’s notes on the finds some of which “have the appearance and character of bloodstones while others enclose streaks of quartz” it looks as if they were not just cosmic falls but semi-precious stones like white agates and jasper that one can frequently come across in the steppe areas of Zabaikalie.

N. A. Bestuzhev also argued that the string of aerolites was not limited to the area that he was able to explore but might stretch on both ends of it much farther.

The Decembrist sent the aerolites he had collected to Moscow to be examined by the scholar A. R. Gerngroß but the results of the research have never been known.

Своенравная речка «Кайдаловка». 1906

Перевод на немецкий Торстона Веллера

Der launische „Kaidalowka“. 1906

Sommer 1906. Über Tschita ergossen sich heftige Regengüsse. Die Flüsse Ingoda, Tschita und die kleine Kaidalowka traten über die Ufer. Die Straßen wurden überschwemmt und der alte Bazar verwandelte sich in einen schlammigen Morast. Die „Kusnetschnyje

rdy“ waren von der Stadt abgeschnitten und über die Große Straße (heute Leninstraße) und Amurstraße zogen sich tiefe Gräben, gegraben durch das, auf den ersten Blick, kleine, harmlos wirkende Rinnsal Kailadowka.

Die Ingoda und andere kleine Bäche habe ihre große Geschichte. Was kann man scheinbar über den Bach erzählen, der die Stadt von Norden nach Süden durchfließt und in die Tschitinka mündet? Offensichtlich sehr viel.

<...> Die Leute schöpften aus ihm Wasser und man sagte, dass es für Tee kein besseres Wasser im Umkreis von fünf Werst gebe. In der Trockenzeit des Jahres war der Bach ruhig, das kristallklare Wasser plätscherte verspielt vor sich hin und drängelte sich vorbei an Bäumen und Sträuchern über kleine Steine. Doch kaum fiel starker Regen, schon verwandelte sich das Bächlein.

Es wurde brausend; sein drängendes Wasser konnte nichts aufhalten, strömte hinab und schwemmte auf seinem Weg alle Hindernisse mit sich. Als der Regen aufhörte, blieben die Anwohner mit Erstaunen an den tiefen Gräben stehen, die sich über die Straßen zogen, und wunderten sich über das Werk des Bächlein, das wie, als wäre nichts gewesen, in seinem Bett plätscherte. Die Siedler griffen nach den Schaufeln und schütteten die befahrbaren Abschnitte der Straße wieder auf.

Besonders oft, so berichten Augenzeugen, wütete die Kailadowka im Sommer 1906. 1898 wurde am Ufer des Baches ein Mustergarten angelegt, der der transbaikalischen Sektion des priamurischen Büros der Russischen Geografischen Gesellschaft gehörte. Über den sogenannten „Kailadowsker Kollektor“, einer 1790 m langen, hölzernen Rinne, wurde das Wasser in zwei Gräben des Mustergartens geleitet, wo es so zwei Seen bildete.

Im Jahre 1899 während der Agrarmesse machten die Anwohner dort mit Boten „Seepartie“. Soviel Wasser strömte in die Behälter, dass Wasserträger das klare Nass in der ganzen Stadt verteilen konnten.

Nach und nach verschoben sich die Grenzen Tschitas. In den Jahren zwischen 1902–1906 wurden Straßen im höher gelegenen Teil nördlich der Boulevarnaja gebaut. Auf weiten Teilen der Kailadowka wurde der Wald, der sein Ufer säumte, gerodet; der Bach verflachte, und das Wasser wurde durch die Müllhalde trübe.

Der einstige Ruhm des einzigartigen Trinkwassers verschwand. Der Regenguss des Jahres 1906 zerstörte die hölzerne Abflussrinne an

vielen Stellen und ihre Reparatur führte nicht mehr zum erhofften Resultat.

Auch poetische Verse¹ berichten vom bitteren Schicksal der Kailadowka. Das Gedicht schrieb ein unbekannter, geheimnisvoller Poet, der seinen Vor- und Nachnahmen hinter dem Buchstaben, C' verbarg:

***

Der Kaidalowka-Fluss
Ist nicht so ganz groß –
Er hat wenige Wässer gewusst;
Doch in Quellen der Fluss,
Trotz der Armut von Lust,
Mit der freudigen Strömung durchfließt!
Nur von Strahlen gedrängt
Und sein Strom er bedeckt
In dem Sumpf zwischen Blüten verschossen.
Und er läuft ohne Lärm,
Und er murmelt doch gern,
So als ob er schon Tränen vergießt.
Er langweilt sich im Moor...
Drängt so schwer er doch vor
Er hat wenige Kräfte herab!...
Und man wirft schon den Müll
Und man mistet so kühl,
Und der Müll dient als schmutziges Grab!
Und jetzt ist er so arm...
Doch er brachte den Charme
Und so wasserreich strömte der Fluss
Und mit ihm waren da –
Ingoda und Tschita –
Und sie strebten nach Freiheit mit Lust!

---

¹ См. перевод стихотворения на русский язык Анастасии Жеребцовой в Приложении, стр. 241. (Прим. ред.).

Сады города

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

Stadtgärten

Eine sandige und staubige Stadt war damals Tschita. Bei jedem Lufthauch erhoben sich auf den Straßen Staub-und Müllwirbel. Ein Kommentator der damaligen Zeit schrieb:

„Klima- und Bodenbedingungen und fast absolutes Fehlen natürlicher Bewässerungen verwandeln Tschita in so eine schwüle und staubige Siedlung, in der jedes grüne Eckchen, jede Bodenbewachsung, insbesondere mitten in der Stadt, großen Wert für die Gesundheit der Bevölkerung darstellt.“

1906 wurde in der Tschitaer Stadtduma ein Vorschlag über die bauliche Gestaltung eines städtischen Gartens im Zentrum Tschitas eingebracht. Man wollte ihn in einem freien Raum mit einer Fläche von 190 Quadratklaster einschließlich der Kaidalowski Schlucht in den Grenzen der Straßen Amurskaja, Irkutsker (heutig Polina Ossipenko), Bolschoj (Leninstraße) und Nikolajewskaja (Profsojuznaja).

Einige Deputierte dachten an einen Garten „mit Blumenbeeten und Anrichtungen für Spaziergänge und einem Eingang in der Nähe der Ecke von Irkutsker und Amursker Straßen“ d.h. mitten der Stadt.

Die anderen Deputierten schlugen vor, die Gartenfläche zu reduzieren, und den Platz in der Amursker Straße für den Bau eines zweistöckigen Steinhauses neben der Volksversammlung zu bestimmen“. Der Eingang sollte in der Irkutsker Straße neben dem Zirkus und daneben liegenden Schmiedestätte errichtet werden.

Natürlich wurde der letzte Vorschlag angenommen.

Die Stadt fand damals keine Mittel für den Bau und den Erhalt des Gartens, deswegen verzögerte sich seine Gründung etwas.

Im selben Jahr wurde die bauliche Gestaltung des Gartens namens W. A. Shukowski ausgeführt. Ursprünglich wurde der botanische Garten 1889 von der transsibirischen Sektion des priamurischen Büros der Russischen Geografischen Gesellschaft angelegt. In den folgenden Jahren wurde der Garten vernachlässigt. Bis 1905 verwilderte er, war von verschiedenem Unkraut bewachsen. Die transsibirische Sektion begann selbst mit seiner baulichen Gestaltung; legte die Alleen an, pflanzte hunderte Bäume um, errichtete einen Pavillon in chinesischer Art, die

lange Zeit als „der Pavillon der Geografischen Gesellschaft“ bekannt. Der Gärtner bekam sein Gehalt von der Gesellschaft, bis die Stadt Mittel gefunden hatte.

Anfang des Jahrhunderts entwickelte sich der Gartenbau. Einige Bewohner begannen in ihren Höfen und vor den Häusern verschiedene Pflanzen der transbaikalischen Flora auszupflanzen: Holzapfelbaum, Vogelbaum, Hagedorn. Setzlinge wurden in die Stadt von den in der Umgebung lebenden Burjaten geliefert. Sie brachten die in großer Menge und boten an: „Kaufe den Garten!“ Sträucher und Bäume verkaufte man zum Preis von 10 Kopeken bis 1 Rubel pro Stück.

Es gab auch Versuche, sich mit dem Gemüsebau zu beschäftigen. Eine besondere Entwicklung erfuhren zu der Zeit einige chinesische Gärten am Fuße der Titowsker Bergkuppe. Sie versorgten zu der Zeit die ganze Stadtbevölkerung mit Gemüse. Radieschen, Schnittlauch, rote Rübe, Karotten, Gurken verkaufte man nicht nur auf dem Markt, jeden Morgen ertönten vor den Fenstern die Stimmen von Gemüsebauern mit zwei geflochtenen Körben an der Trage mit frischem Grün.

Die einzelnen in der Stadt angelegten kleinen Gärten und das Bäume pflanzen neben den Häusern verwandelten Tschita nicht in eine Gartenstadt. Die Pflanzen brauchten Pflege, Bewässerung, was beim Fehlen von Wasserleitungen, wenn man öfters Wasser drei bis vier Straßen zu tragen hatte, unmöglich war. Auf den Straßen spazierte Vieh umher und man musste die Bäumchen umzäunen. Die kleinen Gärten wuchsen zu, die Bäume starben ab.

Was die Gärten in der Stadt angeht, konnte man auch hier eine unverständliche Gesetzmäßigkeit beobachten: zuerst legte man sie an und dann vernichtete man sie.

Soweit bekannt, war der erste Garten nahe des Hauses des Kommandanten Leparski, errichtet von den Soldaten des Invalidentrupps, das die Dekabristen bewachten. In dem Malyi und Bolschoj Artillerieraum legten die Dekabristen selbst kleinere Gärten an.

Nach der Abfahrt der Dekabristen, des Invalidentrupps und ihres Kommandanten 1830 verwandelte sich der Garten mit seiner beträchtlichen Fläche in ein wildes Gestrüpp: große Bäume wurden gerodet, und schließlich wurde er beim Bau der Eisenbahnlinie vernichtet. Abwässer der Sauna der Kauffrau Gorbusanowa (das Bad wurde der Stadt übergeben) gerieten in den ehemaligen nördlichen Gartenteil, wo sich ein Moor bildete, später als „Badsee“ genannt. 1906 sprach man über den Kommandantengarten nicht mehr, es blieben nur Erinnerungen.

Nicht selten errichtete man neue Bauten am Ort eines grünen Inselchens und vernichtete damit die Gärten. So wurde der Leparski-Garten beim Bau der Eisenbahnlinie zerstört, der Gouverneur-Garten bei dem Bau des Gebäudes der Verwaltung für Eisenbahn.

Лариса Храмова

Глава II

Велика Сибирь, а глаз царёв повсюду¹...

Перевод на английский Татьяны Сухановой

Chapter II. “Siberia Is Vast, but the Tsar’s Eye is Ubiquitous...”

From the first days of the Russians’ push to Siberia the tsarist government viewed the construction of churches on the annexed territories as one of their major concerns. 160 churches had been erected by 1702 in the Siberian eparchy. Thanks to the papers of the Transbaikalian eparchy fund which are now kept in the State Regional Archive, many decrees, which regulated both the activity of the church and its congregation, have been preserved to the present days. The outgoing bodies include Cabinet of His Royal Highness, the Holy Synod, legitimized by the church council in 1720 as a legislative body instead of patriarchdom, Irkutsk Ecclesiastical Consistory and Nerchinsk Clerical Directory.

Most of the decrees were issued during the epoch of Peter I: it is a known fact that he was actively involved in law making and his circulars concerned every single side of his subjects’ lives, very often threatening them with punishment. Thus, in 1718 they received a Decree in Chitinsk which provided that “common people, tradespeople and others had to be shriven, those who avoided confession should be entered into a list-register to be fined²” There were those who preferred not to be shriven in the Chita Ostrog, regular reports to Nerchinsk and higher places confirm the fact. This Decree was in force in the 19th century, but at that time “list-registers of the people of different ranks and titles who

---

¹ Глава II из книги «Тот храм, построенный из брёвен...». – Чита, Экспресс-издательство, 2012.

² This and other quotations are borrowed from the documents kept in the State Archive of Zabaikalsky Krai.

stayed away from confession” were to be considered by zemsky courts, the most common punishment being penance for the sake of “healing spiritual ailments”. Lists of Chita church members were passed on to Nerchinsk Clerical Directory and zemsky court.

Another Decree by Peter I of February 28, 1718 had to do with the priests’ property. The circular ran as follows: “Priests are forbidden to sell the houses which are close to the churches, they should be bought with church money”. In 1722 another supplement to the Decree was issued. It concerned other members of the clergy and was as follows: “Both deacons and junior deacons are not allowed to own and sell houses”. Those who owned houses had to give them over to the church and were entitled to the appropriate sum of money which equaled their worth. Later these houses served as a sort of “departmental residential houses” (if we apply present day wording): they were given for temporary usage “without payment requirement” to the priests appointed to the parish. The Decree often caused confusion due to a simple fact that a church treasury was empty and there was no money to pay for a house with. Still another order by Peter I was caused by the tsar’s concern about the moral aspect of parishers’ life and forbade neither to give over their posts hereditably nor to sell them. This same order provided for the way “to fill in the vacant posts of priests, deacons and junior deacons only with those who had school education” who were educated and knowledgeable, even though “parish priests never asked for their sake”. The governmental policy concerned also ‘the church children’ of Siberian Eparchy: children from 7 to 15 had to be taught in special educational institutions of Irkutsk and Tobolsk. The problem was not easy to solve: parents were unwilling to let their children go to remote places to get education and invented a lot of reasons for them to stay (an illness, being of unfit age, being blind or lame, being indispensable in the parish). Requests to be granted a permission not to send children to be educated away from home were numerous and they were sent to the Metropolitan of Tobolsk and Sibirsk. After a school in Argunsk had been founded by Timofey Matveyevich Burtsev, a commissioner of silver mines, people of priestly dignity tried to send their offspring there, as it was a much closer place. In 1724 Innokenty, Bishop of Irkutsk and Nerchinsk who was also the first prelate and thaumaturg on Siberian land, started a school within the Monastery of Ascension in Irkutsk for children of any estate where they were taught the Russian ABC, reading, singing, reading Mongolian and Chinese. Both priests’ children and

orphans who were able to study were brought together in accordance with the church regulations. According to the documents only one of Chita priests Markiyan Grigoriev sent his own son Ivan there in 1729. The school did not last long, it started showing decline after Innokenty's death and soon was closed.

The clergy then was represented by whole families: the Kryukovs, the Titiovs, the Malkovs, the Skornyakovs, the Kabakovs, the Medvedevs, the Stukovs, the Korelins, the Sobolevs were among those who started their service in the Archangel Church in Chita in the 18th century. Their life was not easy: orders followed one another, as the church was ruled by the state and the state control was very rigid. Church reforms initiated by Peter I concerned both the black and the white clergy. The tsar's interests were with the latter. The priests of the white clergy ran parish churches and oftener than not they had to make both ends meet. To ease their material standing, Peter I ordered to reduce the number of parishes. From that time on, new churches could be built only if he granted a personal permission. The tsarist policy towards churches was very harsh. It was under Peter's rule that the state stopped supporting the churches which had their own land and parish households. The churches which had neither land nor parish households were entitled only to a half of the former allowance. A document of 1710 confirms the fact that there was a church in Chita Ostrog with one priest "who gets neither money, nor bread allowance". It means that the Archangel Church in Chita had both land plots and parish households. Another order issued by Peter I in 1723 concerned chapels: the Holy Synod ordered "to pull down all the chapels built next to churches in Nerchinsk and other slobodas (residential areas in Russia of that time)". Many chapels were dismantled, while some were preserved due to certain motives such as "a church being too far away" or "due to the fact that the church had been destroyed by fire". Several decades later a law was issued which forbade to conduct wedding ceremonies in chapels. Later in history chapels and their legitimacy came to be discussed under Catherine II: while reading the minutes of Nerchinsk Holy Rule of 1782 one comes across the discussion of chapels "which had to be dismantled as churches see no growth in money from their parish". The tsarist order of 1723 approved money donation during divine singing. The money was distributed between two purses: one for church needs and the other for hospital maintenance and support of the poor. The collected money then went into two boxes chained to the wall and was kept there under a lock

and a seal. The seal symbolized the state power and it was not by chance that a separate order of 1748 regulated the manner to handle state seals: envelopes with seals were not to be left around, the seals had to be broken and thrown away.

The church found itself involved into a scale activity designed by Peter I – census of tax-paying population. Every single monastery had to submit reports about tax-paying people in accordance with orders of 1718, 1722 and 1723. Another name for census was “revision”, hence another term “revision souls”. “Male souls” were regarded as tax-paying elements, baby boys inclusive. Capitation was enacted in Russia for a number of decades to come after Peter I but during the subsequent revisions it was always asked where this or that person was entered into the General census record.

Census lists were then given to higher places and they contained several chapters with the information about those who were born after the General census, about those who ran away not to pay the tax, about the people who figured on the “Wanted” lists, as well as those “who died, or were recruited and then fled, or who was old and decrepit”. Besides paying taxes the registered tax-payers had also to perform recruiting duties. Thus, in 1730 archpriest Markiyan Grigoriev got an order to conscript recruits “to complete the Siberian garrison”. In 1796 priest Yeremey Titov submitted a report to Irkutsk Public Chamber where he listed 693 tax-paying people plus 8 recruits. Sometimes recruits were considered unfit for military service and replacements had to be found, which was also a priest’s duty.

The Archangel Church of Chita also carried out baptism ceremonies for those who wanted to adopt “orthodox Christian belief as the most edifying one”. Granting the permission to baptize the people of other beliefs was considered as a matter of governmental importance. The Metropolitan of Siberia and Tobolsk Filofey (Leschinsky) was the first proponent of Christianity dissemination in Siberia in the true evangelic spirit which was well in line with the will of Peter I. Petitions in the name of His Emperor’s Highness were submitted to Nerchinsk Holy Rule bodies. The petitions contained words like “I am most willing to adopt Christian belief and to keep it up to my dying day firmly and resolutely”. Thus in 1741 some people were converted into Christianity “a tungus of Mongolian origin Alyoshka Kadozhusheyev who was given a baptismal name Aleksi and another tungus of Telenba area Gulko

Akimin with a baptismal name Nikolay”. These examples are quite numerous.

In 1750 they got another High order in Chitinsk which allowed burial of non-christians in church yards and threatened with heavy fines if the order was ignored. Priest Iohann Markiyanov confirmed the receipt of the order with his signature and sent the confirmation to Nerchinsk Holy Rule.

Легенды о происхождении эвенков

Перевод с китайского Вэй Хунбо

У эвенков есть устный язык, но нет письменного языка. Предки эвенков на ранних этапах своей истории слагали легенды, чтобы в обобщённой форме передать жизненный опыт и знания, накопленные предками. Старые люди рассказывали легенды и сказки молодому поколению, передавая им мудрость ушедших веков. Рассказывали содержательно, жарко и убедительно; устная история служила наукой, которая на конкретных примерах показывала, как сильные духом эвенки, наследуя старые истины, открывали пути к новым, перенимая эстафету от старшего поколения и неся её в будущее.

Легенда 1. Оленные эвенки говорят: «На нашей родине, в области реки «Лэна» есть озеро «Ламма» (с эвенкийского – «большое озеро», то есть озеро Байкал). Восемь рек впадают в то озеро. На дне озера много красивых водорослей, много лотосов плавают в озере, а берега освещает солнце, которое поднимается из-за высоких гор, окружающих то озеро со всех сторон. Происхождение эвенков начинается с этих гор». Эта легенда показывает не только то, что эвенки берут свое начало в этих горах, но и то, как прекрасен пейзаж на родине эвенков.

Легенда 2. Предание гласит: «В стране восходящего солнца, в устье реки, есть озеро, очень глубокое, и два больших змея с рогами, призраки небесных животных. Змеи разговаривают с шаманами. Поэтому люди считают, что змеи, подобно драконам – высшие божества». Устье – река Баргузин, которая впадает на востоке в озеро Байкал. «Большая змея» – тотем. Эта тотемная традиция на ранней стадии развития истории эвенков доказывает, что предки эвенков охотились в лесу на берегах Байкала.

Легенда 3. О том, как образовалось озеро Байкал, гласит эвенкийская легенда: «В те времена наши предки жили в лесу, что в бассейне реки Ангара. Они заметили, что на нескольких горах, где река Селенга впадает в реку Ангара, полыхает сильное пламя и валит густой дым. Потом случился горный обвал, и образовалось безбрежное море, потом – большое озеро, перегородившее реку Ангара. Место, где Ангара впадает в озеро, стало называться Верхняя Ангара. Тот горный обвал погубил многих предков наших, выжившие же расселились в лесу на берегах Ангара, они и есть предки наши». Эта легенда доказывает связь эвенков с коренным населением Сибири, но, самое главное, доказывает то, что озеро Байкал – место происхождения эвенков.

Легенда 4. Существует ещё одно старинное эвенкийское сказание: «Говорили, что, когда нужно было зажечь огонь, использовали два камня, чтобы высечь искру, которая зажжёт волокна бересты. Главной проблемой первобытных людей была проблема – как сохранить и передать огонь? Пытаясь решить эту проблему, в середине палеолита люди заметили, что камень высекает искру. А бересту использовали для добычи огня путём трения. Этот способ для человека был очень удобным. И эвенки, охотясь в лесу, использовали его вплоть до 17 века».

Легенда 5. В давнее время один старый эвенкийский охотник – Садиемугэнь – обнаружил прочную и мягкую бересту, вернулся домой и передал её женщинам. Женщины вымачивали бересту в воде, согревали, колотили, и, используя иглы сосны и жилы оленей как нить, изготавливали разнообразные по форме тазы, коробки, ведра, чашки, ящики, колетки, совки. Летом они ставили чумы из бересты, прочные и лёгкие, которые облегчали кочевую жизнь». С этого времени использование бересты стало очень популярным. Из бересты изготавливали лодки, которые предназначались для рыбалки и охоты.

Легенда 6. Оленные эвенки говорят: «В давнее время наши предки жили в бассейне реки Шилка. Добычи охотников не хватало, были голодные времена. Наши предки собирали ягоды, травы, мхи, чтобы поддержать жизнь. Но потом пришёл человек по имени Эмокинъ, что значит Хороший Охотник, и дал нашим предкам лук, чтобы охотиться на зверей. И голод отступил. Наши предки жарили мясо и ели его, и считали, что наш вождь Эмокинъ принёс пользу для всех.

Легенда о переселении эвенков

В далёкие времена несколько эвенкийских родов объединились, чтобы вместе найти новые места для своего народа. Но люди были нерешительны, и лишь немногие соглашались пройти на запад вдоль побережья. И тогда своё слово сказал шаман: «Снился мне сон, и видел я в этом сне старца с белыми усами. И сказал мне старец, что путь наш подобен луку и стрелам. Как летит стрела в воздухе, так двигайтесь вы дальше по морю. И увидите вы там берег – хорошее место – который зовётся Аляска, что значит «тебя жду» (alaxijia – по-эвенкийски «тебя ждать»). И закончил шаман свой рассказ: «Снился старец мне несколько дней».

Позже шаман созвал свой народ, чтобы решить, как быть им. И сказал шаман, что некоторые хотят переправиться по морю, а некоторые хотят вернуться. Так пусть не убоятся эвенки морской воды, и смогут эвенки сделать плоты и переправляться по морю. А тот, кто хочет вернуться, тот знает дорогу назад. Кто же хочет найти новую землю, по морю переправляться будет.

И сказал тогда шаман: «Кто хочет вернуться, пусть спать ложится головой в сторону дома, а кто дальше хочет идти, тот спит по направлению к морю».

На следующее утро видел шаман, как люди шли в обоих направлениях. И принял тогда он решение. И сказал шаман тем, кто захотел вернуться: «Давайте прощаться! А как же в будущем наши потомки смогут узнать друг друга? Не забудьте, что те, кто на большом пальце носят кольцо, чтоб стрелу натянуть, чтоб из лука стрелять, они и есть народ наш – эвенки». Так они попрощались.

Стали эвенки плоты вязать и на воду их опускать, и воду в туеса наливать, и еду заготавливать. И в прилив на другой берег переправились.

Много лет прошло, но от тех, кто на Аляску отправился, не было ни одной вести. А те, кто остались, всегда помнили о том, что Аляска значит «тебя жду».

/Из книги У. Шуюгуй. История эвенкийского общества. – Пекин, Народность, 2008, с. 9./

**Итоги открытого международного поэтического конкурса
«Стихи о переводе и переводческой деятельности»
01.02.2013 – 15.04.2013**

Подведены итоги открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности», посвящённого VIII съезду Союза переводчиков России, который состоится в Москве 26 мая 2013 года.

Конкурс проводился по инициативе Забайкальского регионального отделения СПР при поддержке ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс».

Цель конкурса – объединение поэтов-переводчиков и повышение престижа переводческой профессии в современном обществе.

В состав жюри международного поэтического конкурса вошли 9 экспертов из Польши (Варшава) и России (Чита, Москва, Владивосток).

В конкурсе приняли участие поэты и переводчики из России, стран дальнего и ближнего зарубежья: Италия (Эмполи, Флоренция), Финляндия (Хельсинки); Молдова (Кишинев), Украина (Харьков), Казахстан (Семипалатинск); Россия (Абакан, Ачинск, Белгород, Братск, Волгоград, Забайкальский край, Иркутск, Магнитогорск, Москва, Новосибирск, Омск, Рыбинск, Санкт-Петербург, Саранск, Серов, Томск, Чита, п.т.г. Яя Кемеровской области). Самыми активными оказались молодые переводчики, студенты Магнитогорского Государственного университета.

Победителями конкурса, по мнению жюри, стали:

I место	Ирина Ковалёва	Москва
II место	Виктор Балдоржиев Сергей Александровский	Забайкальский край Харьков (Украина)
III место	Владимир Лимеля Елена Щетинина	Волгоград Омск

I место

ИРИНА КОВАЛЁВА (Москва)

Искусство перевода

Я с берега Оки на берег Вислы
Плыву – та переправа не нова.
Мы переводим не слова, а смыслы.
Мы даже забываем про слова!

Вы обвинять нас в этом вряд ли вправе.
К венцу ведя творенье иль к концу,
Встречаемся на этой переправе
Мы с автором самим лицом к лицу.

Ни словарём не взять тут, ни инязом:
Перехватив перо в его руке,
Мы наполняем кровью, плотью, мясом
Скелет строки на новом языке.

Мы собираем новый позвоночник,
Вживляем мозг спинной в его канал.
Порой шедевр рождает и подстрочник,
А губит всё, кто знал оригинал.

С наскока, вдохновенья, с неба, шало
Или с трудом, и так и сяк вертя,
Переводил – не суть: чтоб задышало –
Вот главное! – двух языков дитя.

II место

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ (Украина, Харьков)

Переводчик

*«Переводчики – почтовые лошади
просвещения». Пушкин*

Перевожу, не вижу в том обузы;
И лучших лет отнюдь не продавал.
А подлинник (сиречь, оригинал) –
Он полномочный представитель Музы.

Я не смиренный вол, влачащий грузы,
Но парусники мчащий пенный вал;
Минуют мель, выдерживают шквал
Мои Колумбы, Куки, Лаперузы.

Подчас и поредет экипаж, –
Но будет цел корабль крылатый ваш,
Несомый на хребте коня морского.

Плывите! Краток перечень потерь.
Плывите жить – в открытой вам теперь
Стране преображаемого слова.

ВИКТОР БАЛДОРЖИЕВ (Забайкальский край)

Перевод

Волнует звук, потом и смысл, и слово.
И глубину я мерю глубиной...
Так, очарован магией, я снова
Перевожу с родного на родной.

Так, околдован таинством, усердно,
Я совмещаю русла языков.
Так двуязычный становлюсь двусердным,
Соединяя стыки двух миров.

Так исчезают мненья, величины,
И за причиной следуют причины.
Но каждый звук с родного на родной!

И мысль звенит, пока слова забыты,
Но ясен в пене контур Афродиты,
И в каждом звуке есть мотив степной.

III место

ВЛАДИМИР ЛИМЕНЯ (Волгоград)

Переводчик

Чужая мысль, чужие стиль и слог.
Чужие города, проселки, пашни...
Но снова в глубине страниц и строк
Он видит смысл – красивый или страшный.

Чужие лица и пожатья рук.
Чужие рифмы и чужое лето...
Но слышит он далёкий нежный звук
Трагичного и вечного сонета.

Чужие люди входят в его дом,
Несут тревоги, радость и сомненье...
Но как прекрасен творческий подъём!
И как неповторимо вдохновенье!

Чужая явь, чужая ночь и сон.
Чужие жизни пролетают мимо...
Но в завершенье понимает он,
Что с автором они неразделимы...

Сегодня он чертовски горд собой!
Пускай понятно то, что дальше будет –
Читатель поразится красотой!
И имя переводчика забудет...

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА (Омск)

Автопортрет

*Перевод – это автопортрет переводчика.
К. Чуковский*

Капля
за
каплей
слова падают.
Пальцами ощупываются,
на слух выверяются,
во рту перекатываются.
В сторону отбрасываются
десятками,
в ладони принимаются
единицами.

Как карты перед сдачей
последней,
ответственной,
тасуются бережно.
Пасьянсом раскладываются,
смешиваются,
перебираются...
Снова и снова,
И снова и снова...
Тщательно.
Вдумчиво.
Словоплетение
текстобраслета.

Пропускаешь через себя,
баюкаешь мысли чужие,

пестуя их,
одевая
и в свет выпуская.

До последней минуты думая –
А правильно ли?
А верно ли? –
примеряя маску автора,
надевая халат его мыслей.

И в какой-то момент понимая,
что маски нет и в помине.
И халат – лишь своя кожа.
И что текст
покрыт амальгамой,
отражая лицо усталое.
И слова те –
чужое вино –
в новых твоих мехах
вином молодым стали.

И протягивая это вино
читателям,
предлагая испить и себя
в одной чаше с автором,
понимаешь:

Тонкими кистями слов
родных
на шершавом холсте языка
чужого
каждый переводчик
осторожно,
робко,
трепетно
свой рисует
автопортрет.

10 финалистов – дипломантов поэтического конкурса

Дмитрий Бобылев (Свердловская область, г. Серов)

Владимир Васильев (Ленинградская область, г. Пушкин)

Леонид Гуревич (г. Москва)

Вера Захарченко (Италия (г. Эмполи, Флоренция)

Майя Квятковская (г. Санкт-Петербург)

Борис Макаров (Забайкальский край, с Акша)

Ашот Сагратян (г. Москва)

Евгения Славороссова (г. Москва)

Михаил Финкель (Молдова, г. Кишинев)

Вера Харченко (г. Белгород)

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ (г. Серов)

Переводчик

Подобно пастырю, ведущему стада,
Он открывает путь единорогам,
В наш край мостит просторную дорогу –
Он не жалеет своего труда.

Для добрых фей, чеширского кота
Способен он один открыть границы.
Маршруты для чудесной синей птицы
Он чертит на трепещущих листьях!

Аквариумы были б государства,
Незыблемы – невидимые стены,
Когда б он не трудился, постепенно
Неся народам пониманья дар свой!

...Срывает лист вечерняя гроза,
Он полетит через моря и страны –

Будь понят на чужбине, тихий странник!
Вновь переводчику уснуть
никак нельзя.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

ДВЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ИСТИНЫ,

непосвященным для лучшего усвоения,
положенные на стихи Владимиром Васильевым

Истина первая

Художественный перевод! Без дрожи
К нему не подступаюсь я, открыв,
Что он подобен женщине: он тоже
Красив – неверен; верен – некрасив.

Истина вторая

Иноязычный текст! Коль суть его порой
По-русски передать нельзя ни так ни этак,
Его вообрази монетой золотой
И разменяй на горсть серебряных монеток.

ЛЕОНИД ГУРЕВИЧ (Москва)

Творчество

Не лотерея, не каприз, не мода –
Высокое искусство перевода.
Мы все из детства, и оно
Мечтою детской рождено.
Разбитый глобус из сгоревшей школы,
Баркасы, уходящие вдоль молдов,
И зов неясный алых парусов,
И щегольство затейливых усов.

Звон шпаг парижских д'Артаньянов,
Разгул весёлый пьяных ресторанов,
Восстание рабов, ведомых Спартаком,
Красавица у мужа под замком.
Всесильный мудрый герцог Ришелье.
Ценой в позор злосчастное кольцо.
И Дева вечная в огне жестоком,
Ущербная луна над сказочным Востоком.
И лай собачий над седой Аляской,
И рыцарь бедный под железной маской.
И таинство сказаний и баллад,
И где-то под землей волшебный клад.
Как в цель попасть? Все чаще стрелы мимо.
Все кажется чужим, непереводимым.
Но не кончается бессонная игра,
И бьётся сердце на кончике пера.

ВЕРА ЗАХАРЧЕНКО (г. Эмполи, Италия)

ТРУД ПЕРЕВОДЧИКА

Слова – лишь капли в бурном море
Эпитетов, метафор, фраз,
В открытом без границ просторе,
Пугают поначалу нас.
Глубокий смысл и юмор скрытый,
Намёк, предлог, сравненье, суть ...
Рассказ, роман, стишок забытый...
Найти синоним, подчеркнуть.
Смешно, загадочно иль метко
Придать значенье, смысл найти,
Той мысли, действия, заметки,
Оформить? Нет! – Перевести.
Перевести... Что это значит?
Понять язык для нас чужой,
Что раскрывает он, что прячет,
Что представляет он собой.
Разделим фразу на кусочки,
И слово каждое возьмём,

Осмыслим запятые, точки,
Поймём. Оценим. Разберём.
Затем их превратим, как в сказке,
В слова на языке родном,
Расскажем. Предадим огласке,
С любовью к людям и с добром.

МАЙЯ КВЯТКОВСКАЯ (Москва)

ИРОНИЧЕСКАЯ ОДА

Все знают – дело перевода
Весьма полезно для народа,
Связуя в дружеский союз
Семью иноплеменных Муз.
Но, будь ты даже гениален,
Твой перевод не идеален:
И кто из нас не искажал
Недостижимый идеал?
Архаизировал Лозинский,
Модернизировал Зелинский,
По-детски упрощал Маршак
И пастерначил Пастернак.
Затем пришёл Морис Ваксмахер –
И пали мы пред ним во прахе!
А Левик обернулся львом,
Весьма прожорливым притом.
И что сказать об испанистах,
Сеньорах гордых и речистых?
Я в восхищенье от Грушка,
Но и Грушко не без грешка;
Свободу любит Гончаренко
И слишком точен Резниченко –
По-своему мне каждый мил,
Но Гелескул их всех затмил...
Мне сотен шесть назвать осталось,
Но я, простите, заболталась,
Не всем я оказала честь –
Нас, переводчиков, не счесть!

А значит, наше дело живо —
Что утверждаю я не лживо.

БОРИС МАКАРОВ (Забайкальский край, с. Акша)

Переводчику

Переводчик – перевозчик
Самородков слов и фраз,
Чтоб у каждого народа
Знаний полнился запас.
Чтоб на скалы и на мели
Корабли не шли во мгле.
Чтоб не стрелы в небе пели, —
Пели люди на земле.
...Сто летучих острых рыбок
Даль пунктирят впереди, —
Сто досаднейших ошибок
Болью копятся в груди.
Но живёт, плывёт кораблик,
Не боясь преград любых,
Потому что людям надо
Жить в единстве и любви».
...В небо вскинут флаг свободы.
...Будут ветры в парус дуть.
Переводчик – перевозчик,
К миру,
К свету,
В добрый путь!

АШОТ САГРАТЯН (Москва)

*****

Переводчик седеет в стараньях,
Мзды за кровь за свою не прося.
Кабы знал он с рожденья заране,
Что на сцену его пригласят,

Быть хотя бы суфлёром трагедий,
У которых извечный сюжет...
Только в маленькой каждой победе
Есть его феерический свет.
Кровь его восхитительной группы
Оплавляет собой времена,
Чтобы в образы выбились трупы...
Жизнь в любви сохранит имена.
Переводчик – заслуженный донор.
Он спасает собой красоту.
Не знаком переводчику гонор,
Но зато он постиг высоту,
И великую ширь откровений...
Всё во имя и ради людей.
Переводчик – не признанный гений
От его обуявших идей.

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА (Москва)

Искусство перевода

Язык любви перевести,
Души чужой открыть темницу –
Как будто вас перевести
Через закрытую границу.

Но дух свой я воспламеню,
Слова служить себе заставлю:
Два сердца я соединю,
Два языка в единый сплавлю.

МИХАИЛ ФИНКЕЛЬ (Молдова, Кишинев)

*****

Такое странное явление,
Раскрыта книга чьих-то тайн,
Где повседневность и мечта,
Страданье, радость и томленье.

И на знакомом языке
В мирах иных эпох и странствий
Зовут преодолеть пространства
Огни в прописанной строке.

Ты их пытаешься назвать,
И в напряжении лучины
Становятся вдруг различимы
Чужие близкие слова.

И ювелирный тяжкий труд –
В нём поиск смысла, рифмы, фразы –
В оправу уложить алмазы,
Где их читатели найдут.

ВЕРА ХАРЧЕНКО (Белгород)

Переводчику

О том, что непереводаемо,
Молчит строка.
Какими смыслами сладима,
Что так сладка?

Какою бездной – гулкой, грозной –
Рождён твой зык,
Неумолкающий, стозвёздный
Другой язык?

О, перекрестие усердий
Всех толмачей!
Подчас счастливей мы на тверди
Чужих речей...

По итогам проведённого конкурса планируется издание поэтического сборника в качестве приложения к журналу «Переводчик», где будут опубликованы лучшие произведения на заданную тему, в том числе и не вошедшие в число победителей и дипломантов. Думается, что издание может быть полезным для воспитания молодых переводчиков.

Словари в помощь переводчику

НИКОЛАЙ ЕПИШКИН

Краткий исторический словарь французской моды в России

В этом словаре к сфере моды относится всё то, что человек надевает и носит на себе и с собой, то есть одежда, обувь, предметы туалета и обихода, украшения и галантерея, а также понятия из обслуживающей моду сферы.

В словаре отражён период от Петра I до наших дней. Использовано 1595 источников. В словнике словаря представлено 9131 слово и словосочетание в качестве заглавных для словарных статей, общий объём которых составляет 161 а. л.

В словарной статье наряду со значениями моды могут быть представлены и другие, служащие для лучшего понимания, появления и развития модного значения. Словарь делает упор на доказательную базу в виде цитат и толкований.

Основное содержание словарной статьи составляет истолкование значений слова и иллюстрирующие их цитаты или речения. Толкования даются *курсивом*. Значения отмечаются арабскими цифрами и даются с абзаца, (исключение возможно для первого), их смысловые оттенки выделяются при помощи двух вертикальных параллельных черточек (||).

Особенности употребления слова, характерные для того или другого их значения, даются за знаком «вертикальная черта» (|). Если в статье цитируется несколько информантов какого-либо областного словаря, то шифр источника стоит после цитаты последнего информанта, между собою они разделяются знаком (+).

В конце словарной статьи за пометой – *лекс.* отмечены лексикографические фиксации (если они есть), как правило, авторитетных словарей. – *норм.* – нормативные указания. Звездочкой (*) помечены слова, обычно встречающиеся во французском написании. Устойчивые обороты с данным словом (фразеологизмы и терминологические сочетания) отмечены в словаре значком ♦.

БАБЕТТА -ы, ж. Babette. 1. *Галлицизированное женское имя Варвара.* Вечером А для смены впечатлений А бал у Бабет Голицыной. 1836. С. Н. Карамзина. // Карамзины 146. – Но, chère Babette, это не я.. осмелился заговорить несчастный супруг.. Taisez-vous, молчите, сударь! резко крикнула Варвара Петровна. Губерн. карнавал. // Совр. 1859 75 1 137.

2. *Высокая женская прическа с начесанными волосами. От имени героини фр. фильма «Бабетта идёт на войну» (Брижжит Бардо).* Вар-таньян В честь 57. Высокие прически «бабетты», «тюрбаны» сейчас не модны. Неделя 1966 18. Вот уже Светка... гордо несёт свою бабетту на сцену. Н. Макарова Лыжня. // Сиб. огни 1966 № 3. Полнота, которая казалось лёгкой, летящей. Старомодная прическа «бабетта», уже чуть-чуть оплавившийся подбородок. Щербакова Love-стория. // НМ 1995 11 26. Мы приняли моду высоких причёсок, называвшихся по имени одной из героинь Б. Б. А «бабетта». Двойное «т» в названии для простоты опускалось, а практически для увеличения объёма вставлялись консервные банки. Октябрь 2000 7 186. *à la Бабетта.* Виктория .. с копной волос *à la Бабетта*, в чёрной короткой юбке и сером тонком свитере под горло она была чудо как хороша. А. Чудаков Ложится мгла. // Знамя 2000 11 71. Звали ее Люся. Крашеная блондинка, шиньон, прическа «бабетта». Звезда 2003 12 16. | Администраторша с пухлыми губами Бабетты, с кошачьим круглым лицом. 1971. М. Чудакова Людская молвь. // НМ 2000 1 131.

3. *О девушке с такой прической.* Меня, признаться, оторопь берёт, Когда косяк «бабетт» безликих прёт. Ю. Друнина Девочки и поэты. // СМ-60. || *перен. О имеющей такую прическу.* – Прошу вас выйти из зала. – Почему? – удивился белобрысый. – За что? сразу суксилась «бабетта». – Подвергаетесь штрафу за извращение рисунка танца <твиста>. В. Аксенов. // ВИС 1996 1 71.

4. *устар. Что-л., напоминающее такую прическу.* Там такие шанежечки, ну, в форме розанчика, ну, в общем, знаешь .. Сначала прослоечка паштетика, я не помню с рисом или без, ещё две прослоечки – креветочное маслице с икоркой .. Ой, наверху такая смешная бабетка в виде грибочка, кажется из перчиков, и ещё наверху такие штучечки из икринок. О. Туровская Светик. // ЛГ 4. 4. 1990. – *Лекс. НС 1971: баббёта; Веденина: бабетта.*

БАВЕТКИ ок, мн. bavette f. *Детские нагруднички, слюнявчики.* Детское белье. Крестильные сорочки, чепчики, баветки, кофты и всё необходимое для новорождённых на всякую цену. Реклама магазина белья. РВ 1865 58 2. В детской старуха, раздетая и сердитая, стояла посреди комнаты и держала Сашу, на которого для чего-то надевали какие-то особенные вышитые кофточки, баветочки и чепчики. 1881. О. Шапир Из

семейной прозы. // СС 2 486. А давно ли он её призрел ещё грудную, красную, болезненную, с коклюшем, нанимал кормилицу, когда мать заболела, давал денег на пелёнки, на кофточки, на баветки, часто сам водил на помочах. Бобор. Долго ли? // Б. Повести 1984 106. Я знаю, что есть у нас барыни ... дышат на своих ребятишек, носятся с ними до безумия. Только и говорят, что о баветках. Бобор. Жертва вечерняя. // Б. 3-1 70. Ср. Эрот кого не покорял?! Нет каверзней плутишки! С Асканья курточку он снял, Слюнявку и штанишки. 1896. Бойчевский Юмор. Энеида 26. На кухне торчит отрезок двутавровой балки, к которой привязан один из концов бельевой верёвки, сплошь увешанной детскими распашонками, слюнявчиками, пелёнками. Ф. Горенштейн Мал. фрукт. садик. // ДН 2003 10 137.

БАВОЛЕ нескл. **БАВОЛЕТ -а**, м. bavolet m. наколка, кичка, головной убор. *Полувуаль*. Наст. Гранат. Другой обязательной деталью для украшения дамских шляп была баволетка – кружевная или кисейная с вышивкой отделка (преимущественно в виде оборки), крепившаяся к задней части шляпы и закрывавшего шею. Кирсанова 1995 333. Есть еще чепцы, называемые а баволе, потому что вторая оных штука, которая собственно верх головы закрывает и без барб, называется во Франции баволе. 1790. Сл. комм. 7 381. Шляпа светло-розовая, отделана чёрными атласными лентами и чёрной кружевной баволеткой (оборка, пришитая сзади к тулье). Вторая половина 1840-х гг. Костюм 2 134. По воскресеньям ходил я в Елисейские поля смотреть как в двух рондах ..., парижские мещане и солдаты отчаянно пляшут кадрили с разряжёнными миленькими ленжерками .. в нарядных костюмах с превысокими шлыками и баволетами. Вигель 5 118. Баволетки делаются также как и прежде – огромных размеров и падают на шею в виде фишю. Мода для светских людей 1856 3 84. Женская соломенная шляпка с жёсткими прямыми полями отличалась от мужской только длинной лентой, спускающейся на шею, как некогда кружевная баволетка. Р. Кирсанова Всё дело в шляпе. // Родина 2003 7 99.

БАДИНКА -и, ж. badine f. *Тросточка*. [Ветромах (Высоносу):] Держи его, а я бадинкой отмечу Всю разность между мной и дерзким дураком. Увидишь, как твою я спину изувечу. Княжнин Чудаки 483. В ту самую минуту, как он в модном фраке, с бадинкой в руке, расхаживал под аркадами Пале-Рояля .. загремел на грубом русском языке вопрос: «Кто едет?» М. Загоскин Рославлев 211. Он .. надел новый сюртук, и в первом часу, отправился с бадинкою в руке, с лорнетом в другой и с полумимпериалом в кармане под Новинское. Пассек Восп. 297. Зато Англии неизвестны эти целые поколения, которые в иных землях являются с та-

ким полным бессилием на поприще деятельности, как мальчишки, без- временно убежавшие из родительского дома, в слишком ранних галсту- ках и фраках, с модными бадинками в руке, с полным незнанием своей земли, с самодовольной пустотой в голове. Хомяков Англия. // О старом 191.

БАНАН -а, м. banane f., нем. Banane. < исп., порт. banana, мн. -as. 1. бот. Дерево, листья в сажень длины и аршин ширины выходят прямо из корневища. Плоды по форме похожи на огурцы и употребляются в пищу. Все части бананового дерева идут в дело. Павленков 1911. < Островитяне> привезли нам кокосовых орехов, .. бананов. Кук Пут. 27. Банана очень сытна, ону можно есть, кроме сырой, солёную, вареную, печеную и жареную, и дерево сего произрастания подобно нескольким видом нашему еловому дереву, а плод оно́го сырой вкусом как огурец и бывает длиною в пол-аршина, толщиною не более нашего большого огурца, кожа на нём зелёная; дерево же высокое, ровное и листья арши- на в три так легки, как трава, одним листом можно постлатъ и одеться: дерево, впрочем, так крепкое, что можно большим ножом или солдат- ским тесаком перерубить не более как с разу по мягкости его; через год опять оно вырастает и приносит плоды. 1787. Баранчиков Прикл. // Пу- теш. 1995 101. Из плодов всего вкуснее бананы: они видом похожи на большие огурцы; белая или розовая кожа их снимается весьма легко, а за тем остаётся белый плод, который нежнее и приятнее всякой дыни. 1819. Симонов Труды 111. Но воздух нагревался и всадник видел как обезьяны дремали, покачиваясь на ветках высоких бананов. Толычева Предания золотого клада. // РВ 1880 6 595. Я живу как все порядочные люди: у меня мебели Гамбса, ковёр на лестнице, лакей в штиблетах и в гербовой ливрее, банан за диваном, английские кипсеки на столе. И. Панаев // П. Избр. 320. Здесь <на Цейлоне> нет той хижины, которая не имела бы несколько собственных кокосников и бананов. В. Крестовский В дальних водах. // РВ 1885 7 111. Сидит под деревом мартышка. Ей бе- гемот кричит: – Привет! Что уминаешь, коротышка? – Грыбы! – после- довал ответ. – Ты что слаба глазами стала? Ведь ты бананы ешь, мой свет! – Грыбы отсюда, я сказала! – Потом продолжила обед. Елена Га- расюта Встреча. // ЛГ 5. 6. 1996. Старый учитель говорит молодому: – Ну и дети пошли! Мы в своё время при педагоге шевельнуться боялись, А эти разговаривают, вертятся, бросаются чем попало, прыгают с места на место .. Как обезьяны, ей богу! Молодой: Удивляться нечего: поко- ление воспитанное на бананах. Крокодил 1996 8 2. А А мы работали и без денег. Мы ходили в кофтах заплатных, а в шолку ходите и едите, А бает, А колбасу да какие-то ще банамы, я не выговорю всё. В. Мищенко Мариина вера. // ДН 2000 4 159. ♦ Бананы в ушах у кого-л. ирон. О чело-

веке без музыкального слуха. У меня бананы в ушах, я вам подтанцовывать буду. Запись 1994 г. У неё хоть и бананы в ушах, зато голос громкий. Запись 1996. // Никитина 1998.

2. только мн. *О брюках свободного покроя, собранных у пояса и сужающихся книзу. БАС-2. Юганов 1997. «Бананы» тоже отживают свой век – теперь в моде иной «плод» – «морковка». СМ-83 46. Редактор Дора Баракудина, молодая современная женщина с макияжем, брызгом и в бананах, вызвала писателя сообщить ему результаты работы над рукописью. ЛГ 23. 7. 1986. Людка... вообще до сих пор ходит в бананах. Неделя 1985 № 36. // РР 1986 4 52. Но убивает то, что одних штанов нужно: и джинсы синие, и белые, и вельветовые, и «бананы», и нынче А под маляров. М. Никитин Отцы и деньги. // ЛГ 6. 12. 2000. С улицы во двор вошла высокая девушка в модной курточке и в белых бананах. М. Черненко Шальная музыка. // Квеселевич 2003.*

3. *Модель слегка изогнутого, удлинённого зажима для волос. Пользуется спросом у покупательниц и металлические зажимы-невидимки с декоративными ягодами, бабочками, цветками, и заколки с нарядными подвесками, и зажимы «банан», декорированные металлизацией. КВ 1983 5 19. Есть ещё одна несложная причёска. Накрутите волосы на бигуди. Сняв бигуди, зачешите все волосы в сторону затылка и соберите с помощью заколки-банана. НИЖ 1994 1 147.*

4. *«Бананом» называли .. в нач. 1970 гг. юбку до щиколоток из разноцветных клиньев в форме гигантских запятых (такая конфигурация придавала спиралевидный характер расположению цветных линий). Кирсанова 1995 51.*

5. *Модель небольшой женской сумочки удлиненной формы. Молодежные сумочки типа «банан» выполнены из нескольких продольных полосок искусственной кожи. КВ 1983 24 35. // СМ-83. // Название поясной сумки, используемой при туристических прогулках, на радиальных выходах, в походах и т. д. для хранения лёгкого завтрака, запасных носков, солнцезащитных очков, лыжной мази и др. Банан крепится ремнём на поясище. ЭТ 1993 21. Сумка-банан, где тибетская была тушенка. А. Колобродов Как наши братья. // Волга 1998 7 29. – Лекс. Энц. лекс. 1835: банан; САН 1847: банан; Сл. 18: банан 1786, бананас 1765.*

БАНДО нескл., ср. bandeau m. 1. *Пряди волос в дамском головном уборе из природных волос, закреплённых особым образом. Шляпки-капот тоже в моде; их убирают бархатом, атласом и кружевами. Волосы зачёсываются в короткия и сбитыя бандо. ОЗ 1850 11 8 140. А Лидия Петровна сидела уже в гостинной нарядно одетая, в чёрном атласном платье, с большой брильянтовой брошкой и чёрными бархатными бантами на гладко причёсанных бандо. Тур Дубровина 150. Тщательно гофриро-*

ванные бандо реденьких белокурых волос, брошка на груди и пудра на лице служили явным доказательством заблуждений человеческих касательно борьбы против сил природы. Григорович Два генерала // Г. 1896 10 15. Ей была очень к лицу тогдашняя причёска широкими бандо.., низко спущенными по щекам и грациозно окаймлявшая лицо и матовый ее лоб, как бы рамкою. М. Д. Бутурлин Зап. // РА 1901 3 99. Очаровательное лицо <Яворской> с гладкими бандо тёмных волос, большие, грустные и нежные глаза и тонкая, лебединая шейка. Щепкина-Куп. 105. Тут были и толстые, и худощавые .. в высоких причёсках, перевитых бусами, или со спускающимися по шее "bandeaux". Гейнце Тайна любви 452. Она увидела седые волосы, почти белые, просто, но старательно причесанные в два "bandeaux", как носили лет двадцать назад. Бобор. Лихие болести. // ОЗ 1876. // ОЗ 1876 11 1 55. | Этот дохлый, бледный, сутулый молодой человек, с причёской оратора А два бандо, падающих на виски, и порочным лицом. ИЛ 1935 1 17.

2. *Повязка в женских нарядах, особенно головная.* Даль. Повязка из лент в женских нарядах (шляпках, платьях и т. д.). Павленков 1911. На вечерах и в театре видно множество небольших повязок (bandeau), которые совершенно заменили ферроньеры и лучше идут к лицу. Нынешней зимою это самое модное убранство. Эти повязки украшают на середине лба бриллиантами или другими драгоценными камнями. БДЧ 1834 2 7 39.

3. *Обруч, поддерживающий волосы на голове.* Лермонтов выпросил у Быховец bandeau золотое, которое у неё было на голове, с тем, что на другой же день оно будет возвращено ей, ежели не им самим, то кем-нибудь из его товарищей. Эмилия Шан-Гирей Восп. О Лермонтове. // Сушкова Зап. 432. Говоря в прошлом письме .. я зарапортовался, уверив вас, что принцесса будто бы в золотом «бандо» на белокурых волосах, тогда как решительно нет у ней на голове ничего золотого, а только густой венок из ярко-голубых цветов. 1858. А. Серов Ст. о муз. 3 295. Сборы в театр длились довольно долго. Julie велела парикмахеру причесать меня "à la grecque", как тогда носили на балах, с золотым bandeau с приподнятыми буклями, а на шею надела мне бархотку с и медальоном. Т. Кузминская Восп. 190. Она <Катя> оглядывается кругом и, видя, что кузен серьёзен, догадывается, что у него бандо. Серг.- Ц. Поэт и чернь // НМ 1928 8 125. Причёска невест, бандо, стрижка волос. Вывеска. Горбунов 1 20. Здесь имеется всё, что может удовлетворить самому прихотливому вкусу. Большой запас настоящих французских волос, превосходный ассортимент готовых кос, париков, .. бандо, торсад, лучшие парфюмеры, косметики. Кокорев 179.

4. *Заколка для волос*. Бандо (баретка) употребляется для того, чтобы шляпа сидела более удобно, была более или менее поднята с одной или другой стороны! 1915. Жен. энц. 2 269.

5. *Кусок ткани или трикотажа, которым обёртывается бюст, как бюстгальтером бикини*. В 90-е бандо из трикотажа предлагалось носить поверх блузки или рубашки или вместо них. Балдано 2002. В прил. Бюстгалтер-бандо (плотная эластичная полоска ткани). Лиза 2002 27 9. Приятны телу широкие брюки и топ-бандо на кулиске А обе модели и сумка-баул А просто идеальный пляжный ансамбль. Лиза 2002 36 5.

6. *Головная повязка, предохраняющая от попадания волос и капель пота во время активного отдыха и занятий спортом*. Введена знаменитым фр. теннисистом Сюзанной Ленглен. – Лекс. Власов 2000: бандо́.

БАРБЫ мн. barbes f., pl. 1. *Длинные концы у чепчика*. Сл. 18. К некоторым из чепчиков пришивают барбы, которые можно поднимать. 1803. ММ 2 143. || *Полоски кружев или блонд на женских головных уборах*. Чепцы в четыре барбы (бородки) состоят из двух штук, из коих нижняя шире верхней; потребно на них около дюжины аршин кружева, ибо для барб сшивают по два кружева с обеих сторон, что составляет широкую барбу, около аршина длиною из одного кружева. Сл. комм. 1790 7 380. По существовавшему издревле обычаю при Сардинском дворе, одна только королева и принцессы крови имели право носить «барбы», т. е. блонды (или кружева) на куртагах и придворных балах. М. Д. Бутурлин Зап. // РА 1901 3 228. Пожалуй, разве ты не читал в журналах истории о дамских Туринских бородах, barbes, Головном уборе, который в Сардинии принадлежность одних царских голов? Обрескова надела их под предлогом, что это идет к Русскому костюму и приехала во дворец. 1836. П. Вяземский – А. Я. Булгакову. // РА 1876 2 242. Серебряная барба – 1. Серебряный берт – 1. Опись приданым вещам 1848 г. // ЩС 3 85. Во-вторых, мой чепчик или моя чепчица также из накладного кружева с длинными бородами, то есть барбами, и с жёлтыми тиснёными лентами, которые висят по сторонам свободно и вырезаны в виде червонцев. В этом чепчике я похожа на султаншу. БДЧ 1850 103 7 15. Куаффюра состоит из белого тюлевого дна, на чепчик накинута бархатная фаншонка с барбами. Модн. магазин 1862. Ср. Стоило только разобрать, как она была одета < на маскараде> .. без капюшона, почти совсем открытое .. лицо, с короткой маской, без кружевной бородки <barbe d'un loup>. Бобор. Презренный. // РМ 1887 3 1 189.

2. ♦ *В словосочетании «букль барб» – род модной завивки бороды и бакенбард*. Букли барб в разсуждении мужчин составлять могут род воласяных серёг. 1791. Н. Страхов Переписка моды. // Сатир. проза 266. – Лекс. Власов 2000: ба́рбы.

БАРЕЖ -а, м. *barège m.* Тонкая, лёгкая бумажная, шерстяная, полушёлковая и шёлковая ткань для дамских платьев. Павленков 1911. Ткань в технике газового ткачества из шёлка, шерсти или хлопка. Была особенно распространена в России с нач. 19 в., когда мода требовала лёгких полупрозрачных тканей для женских платьев, шарфов, туник. Первоначально Б. ткался только из шёлка и считался очень дорогой тканью. К сер. 19 в. появилось довольно много сортов Б. из самого разного сырья: двойной англ. Б., Б. шамбери, Б. Пуаль-де-шевр и др. Кирсанова 1995 28. Посмотрите, посмотрите, что издерживает теперь молодая щеголиха на ветротленные барежи, марабу, блонды, а особенно на безобразные шали. Лит. листки 1824 6 1–2. // Кирсанова 33. Маменька сейчас накупила нам цветного иностранного барежа на платья, Вере розовое с большими клетками, потому что она выше ростом, а мне gris de lain с мушками. 1849. Волш. фонарь 2. Тяжёлые материи для платьев исчезают; их заменяют теперь гроденаплъ., а также шерстяные материи: например, бареж, меринос, индиан. ОЗ 1848 4 1 97. С какой стати ты нарядилась сегодня в шерстяное платье? Могла бы нынче и в барежевом походить. 1880. Чехов Перед свадьбой. – *Лекс.* Даль: барéж.

БАРЕТКИ ок, мн. *barrette f.* 1. Матерчатые или плетёные лёгкие туфли на низком каблуке. Название, вероятно, от шнурков, которые завязывались en barrette. Он <котельщик> купил мне по пути – уже не помню где – новые «баретки» (летние коричневые башмаки из материи). Грин Баку. // Звезда 1931 4 191. Я пришёл из «Крестов» в рваных бареточках, а уже октябрь был, грязь, сантиметров пятнадцать. Огонек 1990 17 29. Вот и Кузьменкам бы так, как отработано в наших обиходах: подольститься, всплакнуть, подползти к директорским бареткам, привычными голосами наших плакальчиков, вопленников и ламентаторов запричитать: «Батюшки! Кормильцы наши!» А. Моралевич Тула, Тула. // Крокодил 1990 13. <Два молодца> оба невысокие, оба лысоватые, оба в одинаковых хорошо сшитых костюмах, кремовых же плетёных баретках. С. Абрамов Неформашки. // Юность 1988 1 90. Она и зимой и ближе к лету ходила в мрачном тёмном шерстяном сарафане и белой блузе с круглым отложным воротником, обутая в баретки – этикие закрытые туфли на пуговках и совсем без каблука. Т. Бек Всем привет. // Знамя 2000 12 116. Галя .. косы носила длинные, достающие до каблуков стоптанных мужских бареток – обуви в условиях горного села наилучшей. Поволяев 75. Лёнька чистил в сенях свои скороходовские баретки. Пантелеев Лёнька. // П. 4–1 127.

2. *простореч., устар.* Женская туфля. Уш. 1934. Две модно принаряженные подружки в одинаковых «баретках» и с одинаковыми сумочками стали <под гипнозом> одинаково хватать руками воздух и запихи-

вать его себе за пазуху. Н. Морозова Восп. 104. Когда уж было поздно возвращаться назад, «шпильки» перестали ей нравиться, она пожалела, что оставила свои стоптанные, но такие удобные на ноге баретки, и, надев новые туфли на руки, прошла по мокрому от дождя асфальту. ЛГ 13. 10 1993. Вот уже можно было выносить мячи и выбивать о стенку «дюжину», или, сбросив надоевшие боты, в одних баретках прыгать без усталости через скакалку. Изольда Иванова Мы жили на Курляндской. // Нева 2002 9 245. || обл. Любая женская обувь. Надену баретки и смело иду (по скошенной ржи). НОС Доп. вып. 13.

3. обл. Полуботинки, закрытые туфли на шнурках или пуговицах. Сл. Приобья. Удивительно похожи на него <Чехова> узконосые ботинки на пуговицах. Тут мои чувства были прерваны диким воплем: «Мишка, гляди – вот так баретки! Тебе б в них сегодня на танцы. Слабо?» <Сцена в музее>. 8. 6. 1955. Г. М. Казинцев – Е. Л. Шварцу. // Звезда 1995 3 113. Катанки тонки были, в калоши их одевали, бареток не было. + Баретки женски носят, покупны, с вопушнем бывают. Сл. Приобья. Катанки тонки были. В калоши их одевали. Бареток не було. Бродни были. ПССГ. || Праздничные башмаки на низком каблуке. У меня молодой тухли были, баретки назывались. Раньше деревенски купят ботиночки или туфельки, звали баретки, маленький каблукчик имели. Сл. говор. Прибайкал. 23; Сл. Урала. || обл. Легкая обувь (туфли, тапочки. Да обутка така легка. Сл. говор. Прибайкал. 23. Мой милёночек по улице Згорбатился идёт. Наденет стоптаны бареточки, Проваливат вперёд. Частушка. Сл. Урал.

4. устар., обл. Вязаные из шерсти домашние тапочки. – Оденьте баретки, а то пол у нас холодный. + Баретки вязали, нарядут из шерсти пряжу и вяжут. А другие чуни называли. Алтай. | Баретки. Домашние тапочки, изготовленные шитьём или вязанием. Крючком свяжыш себе баретки з бантиками ис партянины и носиш их. + Я кожаных-та батинак ни нашивала, фсё свайдельны баретки носила. + К празднику тебе надо новыя баретки шшить. + Чё баретки ни адениш, басиком бегаеш? + Раньше нашили баретки бидняки. + Мамка, нам ф школи вилели баретки принести, а у меня нет вить их. ИОС. – В баретах ходить легко и удобно. СКК.

5. устар. Дамские сапожки. А Нюшка была уже дома и щеголяла в своих новых баретках. Баретки. // Зоценко 2003 296. Бареточки –чек, мн. обл. Детская обувь из кожи, наподобие галош. Отрежь кожи, я сошью Капе бареточки. Алтай. – Лекс. Уш. 1934: барётка.

БАСКА -и, ж. basque f. 1. Широкая оборка или волан, пришиваемые по линии пояса к лифу платья или кофты. МАС-1. Лиф с непритаченной баской сохранялся вплоть до 1864 года. С такой же баской была и ама-

зонка. Мерцалова Ист. костюма. На этой же картинке есть модель basques или отворотов талии .. здесь эти basques вырезаны зубцами, но их можно делать гладкие или с прорезями, как на весте, иногда длиннее, смотря по росту и по фигуре. ОЗ 1851 38 127. Девочки были в «блюзках» с «басочками», – опять-таки как у господ. Эртель Гарденины. || обл. *Оборка*. Тут баськи были на плати. Псков. сл. 2. Одеда кофту с баской. + Раньше казаки шили, в талии обтянуто, грудь обшивается, а вокруг баска. + На плетях баски были. Баска – оборка, которую пришивали на платьях или на кофтах. НОС. Басочка -и, ж. Басочки шили. + Басочки носили, на животок поуже, а дальше пошире и на животок выпускали. НОС. См. также Баскина.

2. устар. *Название юбки или кофты с широкой оборкой.* БАС-2. Ольга Осиповна Садовская в своей длинной баске какого-то неопределённого линючего цвета коричневого оттенка, с мелким рисунком по полю, с типичной широкой оборкой внизу и чёрной кружевной наколкой на голове – как нельзя более мешанка. Ю. М. Юрьев Зап. 1 177. // Кирсанова 39. В руке ромашек связка. Под шалью узел кос. Букетиками баска – Букетиками роз. 1906. А. Белый Поповна. || обл. *Кофта, сшитая в талию*. Не трожь меня, Ванька, Я попова нянька, В коротенькой баске, Голубые глазки. 1914. Елеонская 323. Баска ничем не патпаясывалась, ф талию была. 1959. + Бывало ф перву очирить носили баски, да мотыки, а посля уж стали носить капоты. 1958. Псков. сл.

3. *Вид берета, носимого басками, вошедшего в моду, вероятно, в связи с гражданской войной в Испании, в которой принимали участие и советские добровольцы.* Под громадным вбитым в землю зонтиком сидел за мольбертом какой-то толстяк в куртке, смокшей батистовой рубашке, перехваченной широким чёрным поясом, и синей баске, сдвинутой на самый затылок со лба, с которого крупными каплями падал пот. В. Немирович-Данченко На разных дорогах. // СВ 1894 1 1 2. С утра до вечера Яша Хват, зимой в летнем шлеме и собачьих унтах, летом в «баске» и апельсиновых крагах, с холодной трубкой в зубах носился по стройплощадке и снимал, снимал, снимал. Б. Ямпольский Знакомый город. // Октябрь 1992 1 30. – Лекс. БАС-1: б́аска.

БАТИСТ -а, м. batiste f. От имени фр. ткача Франсуа Батиста или Батиста Шамбре, жившего в 13 в. *Тонкая полупрозрачная льняная или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.* БАС-2. Первоначально был хлопчатобумажным или шёлковым. В сих трёх городах делаются батисты (тонкие и на камертух похожие полотна). 1747. ЛК 22. Самая модная материя для амазонов шерстяной батист; удобство его состоит в том, что он не скоро промокает от дождя. МТ 1828 11 423. Батист-кисея. Вавилов 1856. Различают три сорта батиста: batiste claire, ba-

tiste demi-claire batiste d' Hollande. Березин. – Ситцы редкостные, сударыня есть.. что ни на есть прочных красок и рисуночки размоднеющие; ручные полотна ежели требуются, сударыня, и полотна вот тончающая растончающая, – одно слово –: бакист <батист>, антрефоль! разсыпается торговка, развязывая узел. 1899. Проказники 313. Сошью платье из батиста, выйду замуж за артиста. 1914. Елеонская 333. Я сообразила, что размачивая обычную чертежную кальку в воде, можно получить прекрасный, тончайший, белый батист. Кальку для чертежей <20 -е гг.> изготовляли тогда на батисте. М. Луговская Научи оправданиям. // Новая Россия 1996 1 161. Полубатист -а, м. Дезабилье, то есть кофта и юбка, все еще в большом употреблении; она делается из фуляра, кисеи, полубатисту, тафты; на юбке нашивается от одного до одиннадцати воланов. БДЧ 1853 120 7 3. – *Лекс.* РЦ 1771: батіст; Сл. 18: батист 1746; Уш. 1934: батіст.

БЕБЕ нескл. bebe m. 1. *Маленький ребёнок. С нач. 19 в.* Пойдём посмотрим, что за кровопийцы те, из которых эта «фамий» <семья>? Что же это оказывается? Очень миленькая дамочка Жюльетт и бебе. Только и всего. Г. Успенский 7 191. На следующей фигуре дан фасон панталончиков для бебе. Новь 1886 12 628. – Как тебя зовут, деточка? – наконец восторженно спросила Ида Борисовна. – Бебе! – смело ответил ребёнок. – «Бебе» – это очень неопределённо! Кто же ты: девочка или мальчик? – Я не знаю.. Няня, кто я? – лепетала малютка. – Конечно, мальчик. Ю. Левицкая Курсовые. // ВЕ 1907 5 75. С доктором виделась. Он уверяет, что с бебкой сущие пустяки, что это просто от жары. Дал рецепт присыпки. Щепкина-Куп. Одна из них. // БТИ 1909. Мимо нас проходили своей величавой походкой чёрные молодые женщины, обнажённые до пояса, с украшениями на шее, большими серьгами в ушах и неизменными бебе в мешке за спиной. Костенко На «Орле» 256. // *Имитация поведения ребёнка, инфантильность, кокетничанье.* – Она <невеста> такая .. как вы же ее называете, бебе ... простушечка .. Ещё что из неё выйдет!. А. Пальм Милочка. // Дело 1884 1 129. Другая <девка> в запашной серой рубаше – какое-то большое бебе. Г. Кузнецова 147. Но Тюнечка – для нея бэбочка. Она старше его. И какой же он мужчина. Бобор. Прозрела. // СВ 1895 11 1 30. Пьера скоро убивают, а Морис остаётся до конца пьесы и старается сыграть то Петю Ростова, то просто жантильничает под бебе. Совр. 1914 12 256. // *Вид куклы.* За последнее время мастерской удалось конкурировать с фабриками, приготовляющими в Польше куклы «бебе» с фарфоровыми головами. Бертрам Игрушка 1912 218.

2. *Фасон одежды для ребёнка*. Розовое, длинное платье «бебе» было завязано у него <Вовочки> на спине узлом, и под него виднелась рубашечка с кружевом и толстые, голые пятки. 1897. Лухманова 1 173.

3. *Фасон женского платья*. Её тоже короткое, еле достигающее до колен, лёгкое газовое платье-бебе приподнималось при движении рук. Гейнце Тайна любви 453. Стаи разодетых в белое кружево белокурых бэбэ. А. Белый Египет. // Соврем. 1912 5 211. В столовую вошли Мара и Валя Распутины. Со своими взбитыми локонами, в тёмно-красных платьях бебе, с широкими кушаками, обе были нелепы до жути. В. А. Жуковская Восп. о Распутине. // РОА 2А3 305.

4. *Маскарадный костюм, имитирующий одежду ребёнка*. <На капустнике> два актера в костюмах бебе, комическое дефилирование. 9. 1. 1910. К. А. Сомов – А. А. Михайловой. // Сомов 109. Просто дамы, «эти дамы», Вздохи, ахи, взгляды, флирт. Там «бебе», как броненосцы (каждой лет по пятьдесят). Я. Ядов Неизменное. // МСТ 203. Её <колесницу> везли несколько лошадей и в ней стояли музыканты в средневековых одеяниях, не очень стройно, но очень громко игравшие на духовых инструментах и человек двадцать замаскированных, наряженных в платья бэбэ и огромные шляпы. 1915. Витковская 81.

5. *Элементы одежды в стиле «бебе»*. Первая модель шляпа «октави», сделана в виде капота-бебе. Новь 1886 12 622. Это петушиное чудовище моей натуры, и это «чудовище» разве можно сравнить с рассеявшейся на стуле лицом к спинке: в пальцах папироса, расстегнувшийся лифчик, в одних «кюлот», или это не с открытки: спортивный бородач на тоненьких ножках, а штаны-бэбэ, или женом с короткими рукавами в шерсти. Ремизов Подстриженными глазами.

6. *Длинное платье особого покроя для девочек*. СИС 1907. См. также А ла бебе.

7. *О вещах в миниатюрном исполнении*. И великий день настал. Шатаясь от волнения, Кишечников вынес из магазина случайных вещей аппарат «бебе», наделённый отличнейшими данными. Ильф Пошлый объектив. // Необыкн. истор. 84. – Лекс. Уш. 1935: бебё.

БЕРТА -ы, ж. berte f., berthe. Накладная лента или оборка из декорированной ткани или кружев, которой обрамляют вырезы декольтированного платья. В 19 веке популярно с 40-х гг. до конца 80 гг. Кирсанова 46. Берты стали уж слишком пошлы. Драпировки на груди утомляют зрение и не чужды ложной напыщенности. БДЧ 1849 98 7 159. Кружева: серебряных кружев, косынка большая, уваль большой. Берт – 4; барб – 4; канзу – 3; гарнитюр – 1. Опись приданым .. вещам 1848 г. ШС 3 85. Большие платья лёгкие по-прежнему делаются с бертами или драпри. ОЗ 1848 1 8 124. Нам заказали белые из самой тонкой кисеи со многими

складочками платья на юбках белого глясе коленкора; лифы были открытые с тюлевыми вышитыми нами самими бертами. Угличанинова Восп. 38. Чрезвычайно красивы кольца из бриллиантов в чёрной оправе оксидированного серебра, кольцо-берта из бриллиантовых кружев и бриллиантовый бант с кистями на плече. РМ 1891 7 2 171. Комната Ильи Ильича: пыльный луч солнца; на столике, – сам его смастерил, выжег узор, покрыл лаком, – в плюшевой рамке фотография покойной жены, – такая молодая, в платье с бертами, в кушаке-корсетике с прелестным овальным лицом (овальность лица в те годы совпадала с понятием женской красоты). Набоков Круг. // Н. Озеро 543. Гамзин смотрел сверху, за охрово-жёлтую кружевную Аннину берту, туда, где она прикреплялась к корсажу тёмно-красным шу; Анна весело улыбалась. Ф. Сологуб Тяжелые сны. // С. 1990 100.

БИБИ нескл., ж. *bibi m.* *Маленькая женская шляпка.* Под шляпками, даже самыми маленькими (*bibi*), очень многие носят *mentonnière*, так что блонды почти в половину закрывают лицо. Молва 1832 31 124. Шляпки решительно хотят остаться при своих огромных размерах. Некоторые любительницы изящного возвратились к шляпками биби. БДЧ 1838 28 7 24.

БИГУДИ нескл., мн. *bigoudi.* *Металлические, пластмассовые и т. п. трубочки, на которые накручивают пряди волос для завивки.* БАС-2. Кудри выются, кудри выются, Кудри выются у б..., У порядочных людей Денег нет на бигудей. 1973. В. Ерофеев Из зап. кн. // Конец века 1992 285. Одиноким ребёнок играл на площадке третьего этажа, что-то строил из всяческого хлама: коробки «монпансье», бигуди, руины примуса, катушка. В. Аксенов Моск. сага. // Юность 1994 8 17. Бигудевый -ая, -ое. *оказ.* Набрякла правая рука От бигудево-безымянной, Но чёрно-роковой резинки. Д. Псурцев Поздняя готика. // Знамя 1999 2 92. – *Лекс.* МАС 1957: бигуды́.

БЛЁ ЖАНДАРМ * *bleu gendarme.* *Голубой жандармский цвет.* Решили остановиться на цвете *bleu gendarme*. Успокоительный цвет. Состоится полёт, выкидывают *bleu gendarme* посветлее. Не состоялся – потемнее. Тэффи Аэродром. // Огонёк 1989 50. Магазин, где на полках запросто лежали хромовые сапоги и подлинные диагоналевые брюки цвета «блюм-жандарм», торгсиновские сиреневые бабочки и бельё Алисы из «Страны чудес». Б. Ямпольский Знакомый город. // Октябрь 1992 1 33. Взрослые перешли на «Беломор». Пачки были цвета «блюм-жандарм», и по заказу ОГПУ на них изображалась трасса Беломоро-Балтийского канала им. товарища И. В. Сталина, где, к умилению Максима Горького,

«черти драповые», т. е. доблестные чекисты перевоспитывали отбросы человеческого общества. М. Холмогоров Реквием по «Беломору». // Октябрь 2003 6 162.

КРИНОЛИН а, м. crinoline f. **1.** *Ткань из конского волоса.* Даль. Волосяная ткань для юбок, называемых кринолинами (основа сделана из сучёной шерстяной пряжи, а уток – из конского волоса). Коренблит 1934 2 1241. Специальная ткань из конского волоса (crin), которая в 18 в. шла на изготовление нижних юбок. Веденина 1997. La crinoline, есть ткань из конских волос, тонкая, как батист. Из нея делали летняя шляпки для дач. СП 1829 № 117. Кренолин, модная материя, делается из конских волосов и тонкостью своею даёт понятие о линоне, или тонком полотне. Для деревни, из кренолина делают шляпки-капоты, серые или жёлтого оттенка не белёных тканей. МТ 1829 16 536. Волосяная материя, называемая crinoline, употребляется для подкладок ридикюлей, корзинок, иногда подбивают ею шляпки négligés, надеваемые в деревне. Галатея 1829 7 265. Кринолин был совершенно неизвестен нашим отцам; они не думали чтобы из лошадиных волос можно было делать ткань удивительной прочности и даже чрезвычайно красивую и роскошную!... Из кринолина делали каскетки, галстуки, жилеты и даже пуговицы тониной и работой не уступавшие шёлковому, теперь из ткани лошадиных волос делают для дам юпки, тюники, на коих прекрасно держатся безмерно широкие платья. Это ещё не всё, кринолину предстоит новое назначение. Листок 1839 № 21 83. Вообще детские наряды, очень усовершенствованы; теперь появились новые фуражки, венецианские каскетки из кринолина, с перьями, токи китайския, шляпы матрозския. Листок 1839 № 19 75. Кринолин. Ещё новость: на мужских платьях были необыкновенные пуговицы, из кринолина, везде кринолин. Листок 1839 № 23 91. Викторин – 75 к. .. армюр – 38 и 42 к. Наварин – 94 к., орлеан – 66 .. саржа – 80 к., кринолин – 59 к., мoger – 75 к. Указ. выст. 1870 52. || Говорят, что один остроумный француз выдумал теперь новый кринолин из гуттаперчевой материи, наполняемой воздухом, как плавательные подушки. Это легко и упруго, а главное удобство состоит в применении кринолина к узким дверям и двухместным экипажам. От надутых воздухом буффов, проведена эластическая трубочка, с краном. Она проходит прямо из кармана кринолиноносицы, и укладывается в нём, как простой шнурок. Когда кринолин мешает ей пройти в дверь или усестся в карете, она повертывается кран и воздух выходит: юбка становится мягкой и плоскою, а когда нужно ей опять распухнуть, дама вынимает трубочку из кармана и преспокойно её надувает. Вот кринолин настоящий, как следует ему быть. Надувать, так надувать вполне. Мерк. мод 1859 258.

2. *Юбки, фижмы, бочка из нея; волосянка.* Даль. Широкая юбка на тон-

ких обручах, модная в 1860-х гг. БАС-1. Название нижней юбки из этой материи. Веденина 1997. В праздники на улицах увидите много женщин в малиновых штофных обжимцах, с куньими под соболь воротниками, в кринолинах своего рода, в башмаках и чёрных тонких чулках с красными пряжками. Лажечников Зам. для биогр. Белинского. // Л. Басурман 422. Что скопил служебными трудами и экономией, то теперь и проживай на ваши карнолины (его превосходительство никак не может произвести кринолина). Соврем. 1858 67 2 192. Если не все почтенные бабушки молодятся, белятся, румянятся, покушаются на кринолин. Утро 1859 1 406. Наши читательницы уже знают, что неумеренно широкия юбки, делавшиеся на волосяной материи (кринолине), выходят или почти вышли из моды, уступив едким сатирическим выходкам, которые появились против них во всех журналах – и литературных и нелитературных. Мода 1866 102. И эта Дусета, при всей своей неумелости, поддаётся влиянию цивилизации, и просиживает несколько ночей напролет, чтобы соорудить себе безобразнейшую кринолину. ОЗ 1868 2 2 260. Спрашивают: существует ли кринолин? Скажу: существует и не существует. Это не всегда зависит от доброй воли или удобства. Если кто теперь носит кринолин, то непременно самый маленький, придающий только незначительную полноту, спереди без обруча, под верхними задними обручами находятся несколько эластических шнурков, которыми стягивают кринолин и образуют турнюр. Ваза 1873 № 1. В те годы императрица французская, Евгения, была законодательницей мод. Будучи в интересном положении, она ввела кринолин и короткие лифы, что вполне скрывало её пополневшую фигуру. Шабельская Друзья. // РБ 1894 4 1 54. – Тонуть будешь, так по крайности карналин поддержит, а мы в полушубках по-топорному. Лейкин На Фонтанке. // Л. Шуты 165. Кринолины заметно выходят из моды, или лучше сказать, они входят в моду. Кринолин получил свое название .. французского *le crin* – волос; то есть, это волосянки, юбки, сшитыя из волосяной материи, упругой, но гнущейся, хотя и не мнущейся. В этом смысле это прекрасное изобретение, облегчающее даму, и весьма полезное в экономическом смысле. Оно заменяет три, четыре, а иногда и пять крахмаленных юбок, которые необходимы для придания полноты и поддержки платья, но которые в то же время своею тяжестью и непроницаемостью для воздуха составляют бремя для хорошенькой женщины. Притом и мытье их сопряжено с большими затруднениями. Мерк. мод 1859 257. Кринолин надевают девочки свыше осмилетнего возраста. НРБ 1867 185. Нового фасона кринолины, имеющие сверху, сзади, несколько полукруглых рядов стали, с больш. волан. на пуговках, удобные для чистки, которые грациозно держат трен платья, каленкоровые 6 и 7 р... Турнюры: каленкоровые 2 и 3 р., а волосяные от 3 до 7 р. МС 1870 19. Франтихой я бы-

ла ужасной. Вот как-то смастерила я себе большущий кринолин. Иду по Невскому, шляпка маленькая на боку, в руках зонтик, как игрушечный, – пава павой. Слышу, за мной гвардеец какой-то выступает, шпорами своими звякает. А народ-то встречный всё на меня глядит и чего-то улыбается. Думаю, чего это они все улыбаются, уж не гвардеец ли что сзади бедокурит. Обернулась, ан никакого гвардейца и в помине нет, а шпоры все звякают. Звяк да звяк о тротуар. Тут я все поняла и обомлела – это у меня нижний обруч лопнул и о панель звякает. Тут я скорее в переулочек – тогда для нашего женского сословия такие уличные кузнецы были – кринолины на ходу чинили. Нашла такого благодетеля – у него наковальня маленькая, молотки, заклепки разные. Ну, он мне юбку сзади задрал, раз, два молоточком, и всё готово, а то срам-то какой <бабушка автора вспоминает о своей молодости>. Бахрушин 361. Как вылезла она из тарантаса, так платье это ровно колесом вздулось, – карналин называется. Наживин Убогая Русь 102. В кринолине нельзя поместиться в небольшой комнате, сидеть на любом имеющемся стуле или за столом на дружеской вечеринке. Лёгкий металлический каркас делал юбку столь подвижной, что дамы всех возрастов привязывали обручи к коленям .. шнурками и становились рабами своих юбок. Иск. 1998 1 439. Ср. А есть ещё затейницы, Одеты по-столичному – И ширится и дуется подол на обручах! Заступишь – расфуфырятся! Вольно же, новомодницы, Вам снасти рыболовные Под юбками носить. Некрасов Кому на Руси. // Н. 1971 432–433. Изобретение одной из самых неудобных и непрактичных мод 19-го века, кринолина, приписывают портному Шарлю Варту, придумавшему эту принадлежность дамского туалета для императрицы Евгении, желавшей скрыть от любопытных взоров свою беременность. Тот же Ворт, увидев у ручья прачку, грациозно подобравшую верхнюю юбку, чтобы не замочить ее во время стирки, ввёл в моду тюники, которые так нравились дамам Второй Империи и весьма долго не выходили из употребления. СИУ 1916 72 19–20 | *расш. Пышная юбка*. Круглый, обжатый клеёнкой стол. Абажур, также круглый и жёлтый, свисающий с потолка. Меднощёкий самовар, крупноморденская рядом в необъятном кринолине матрёшка на чайнике. Ржевский Сентимент. повесть. // Знамя 2003 3 4 192. Кринолином, нареч. Говоря о «капризах» моды, нельзя не упомянуть последней новости – рукавах кринолином, образчик которых помещён у нас в описании моделей. Конечно, они не безобразны ещё и хорошо идут к лёгким летним материям, каковы теперь мягкое полотно (туаль) как нитяное, так и бумажное, батист гладкий и с выработкой, муслин, бумажный вуаль и, наконец, чудный маркизет для более нарядных платьев. ДМ 1911 11 22–23. Бескринолинный ая, ое. Эта последняя фраза <разделить свою судьбу> А ужасный галлицизм А и тем забавнее, что он относится к существу в

козловых башмаках, в мятой красной или жёлтой косынке и ситцевом бескринолинном платье. 1862. Тург. А. Е. С. Кочубей. // Нева 2001 7 206. А *Норм.* Словом, «ерунда» или «хирунда» пробрались в простонародную речь так же точно, как «карнолин», «спеньжак», «блинманжет» и многие другие чужеземные слова, нашим городским простонародьем занятые у иностранцев и испорченные на свой лад. Н. Лесков. // Никола 2000 2 299. – *Лекс.* Даль: кринолín; БАС-1: кринолín.

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель **Нина Маркова**

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Л л		
лабазник (таволга)	dropwort	Filipendula L. (Rosaceae)
лабазник вязолистный (белоголовник, таволга вязолистная)	European meadow-sweet, honeysweet, lady's belt, sweet-hay	Filipendula ulmaria (Spiraea ulmaria, Ulmaria pentapetala)
лаванда	lavender	Lavandula L. (Labiatae)
лаванда аптечная (лаванда колосковая, лаванда узколистная)	true lavender, spicate lavender	Lavandula angustifolia (Lavandula officinalis, Lavandula spica)
лаванда колосковая (лаванда аптечная, лаванда узколистная)	true lavender, spicate lavender	Lavandula angustifolia (Lavandula officinalis, Lavandula spica)
лаванда садовая	aspic	Lavandulla spica
лаванда узколистная (лаванда аптечная, лаванда колосковая)	true lavender, spicate lavender	Lavandula angustifolia (Lavandula officinalis, Lavandula spica)
лавандовый вереск (подбел многолистный, розмариновый вереск)	bog rosemary, bog-rosemary andromeda	Andromeda polifolia
лавр (лавровое дерево)	laurel, bay, bay laurel	Laurus nobilis L. (Lauraceae)
лавр благородный	laurel, Grecian laurel, true bay, sweet bay, bay laurel	Laurus nobilis
лавр камфарный (камфарное дерево)	camphor tree	Laurus camphora L. (Cinnamomum)

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009, СС. 185–206.

лавровишня	1. cherry-laurel 2. bay cherry, laurel cherry	camphora Nees. et Eberm) Lauraceae) 1. Laurocerasus Roem. (Rosaceae). 2. Prunus laurocerasus Laurocerasus officinale
лавровишня лекарственная	common laurel cherry, medicinal cherry-laurel	
лагерстремия	crape-myrtle	Lagerstroemia L. (Lythraceae)
ладанник	rock rose, cistus	Cistus L. (Cistaceae)
ладанное дерево (босвелия)	incense tree, Bible frankincense	Boswellia sacra (Boswellia carteri)
ладьян	coral-root, coralwort	Corallorhiza Hall. (Orchidaceae)
лайм (лиметта)	lime	Citrus limetta Risso (Rutaceae)
лайм настоящий	lime	Citrus aurantifolia
лакмусовый (орселевый)	orchil, orchilla	Rocella gen.
ягель		
лаконос	pokeweed, pigeon-berry	Phytolacca L. (Phytolaccaceae)
лаконос американский (фитолакка американская)	American pokeweed, American nightshade, coakum, red-ink plant	Phytolacca americana
лаконос ягодный (фитолакка)	berry-like pokeweed, edible pokeweed	Phytolacca acinosa (Phytolacca esculenta)
1. лаконоска	ink-berry	Phytolacca americana
лакричник	jequirity	Abrus precatorius
лакричник обыкновенный	liquorice	Glycyrrhiza glabra
лакфиоль (желтофиоль)	wallflower	Cheiranthus L. (Cruciferae)
ламинария (бурая водоросль)	dead-man's hand, drift-weed	Laminaria digitata
ламинария пальчатая (ламинария пальчаторассечённая, морская капуста)	palmatisected sea tangle	Laminaria digitata
ламинария пальчаторассечённая (ламинария пальчатая, морская капуста)	palmatisected sea tangle	Laminaria digitata
ламинария сахарная	sugar blade kemp, sweet sea tangle, devil's apron	Laminaria saccharina
ламинария японская	Japan sea tangle	Laminaria japonica

ландыш	lily-of-the-valley	Convallaria L. (Liliaceae)
ландыш закавказский	Transcaucasian lily-of-the-valley	Convallaria transcaucasica
ландыш Кейске	Keiskei lily-of-the-valley	Convallaria keiskei Miq.
ландыш майский	lily-of-the-valley	Convallaria majalis
лапина	wing-nut	Pterocarya Kunth. (Juglandaceae)
лапортея канадская	Canada-nettle	Laportea canadensis Gaud. (Urticaceae)
лапчатка	cinquefoil, potentilla	Potentilla L. (Rosaceae)
лапчатка гусиная	silverweed, cinquefoil	Potentilla anserina
лапчатка ползучая	cinquefoil	Potentilla reptans
лапчатка прямостоящая (калган, дубровка)	tormentil, tormentilla cinquefoil	Potentilla erecta (L.) Neck. (Potentilla tormentilla Neck.) (Rosaceae)
лапчатый, пальчатый (о листе)	palmate, digitate	palmatus, digitatus
ластовень	swallowwort	Antitoxicum Pobed. (Asclepiadaceae)
ластовень обыкновенный (ласточник, цинанхум ле- карственный)	white swallowwort, mosquito-trap swal- lowwort	Cynanchum vincetoxicum (Cynanchum officinale, Vincetoxicum hirundinaria)
ластовник	mosquito trap	Cynanchum L. (Asclepiadaceae)
ласточник (ластовень обык- новенный, цинанхаум)	white swallowwort, mosquito-trap swal- lowwort	Cynanchum vincetoxicum (Cynanchum officinale, Vincetoxicum hirundinaria)
латук	lettuce	Lactuca L. (Compositae)
лебеда	orach, fat-hen	Atriplex L. (Chenopodiaceae)
лебеда поникшая (лебеда раскидистая)	common orache, common orach	Atriplex patula
лебеда раскидистая (лебеда поникшая)	common orache, common orach	Atriplex patula
лебеда садовая (мучная тра- ва)	garden orache, garden orach	Atriplex hortensis
левкой	stock	Matthiola R.Br. (Cruciferae)

левкой седой (желтофиоль садовая)	gillyflower	Matthiola incana
левоовращающийся (вьющийся справа налево)	sinistrorse	
ленец	bastard toad-flax	Thesium L. (Santalaceae)
ленец китайский	Chinese bastard toad-flax	Thesium chinense Turcz.
ленок (грудница)	goldilocks	Linosyris Cass. (Compositae)
леонотис	lion's-ear	Leonotis R.Br. (Labiales)
леонтица	lion's-leaf	Leontice L. (Berberidaceae)
лептоспермум	leptospermum, tea-tree	Leptospermum Forst. (Myrtaceae)
лепчица (подмаренник цепкий)	catch weed, catchweed bedstraw, cleavers, clite	Galium aparine L. (Rubiaceae)
лесная весенняя фиалка	Johnny-jump-up	
лесная яблоня (дикая яблоня, кислица)	wild apple tree	Malus sylvestris
лесной бубенчик (наперстянка пурпурная)	common foxglove, purple foxglove	Digitalis purpurea
лесной орех (лещина обыкновенная, орешник)	hazelnut, European hazel, nutwood, European filbert	Corylus avellana
леспедица (клевер японский)	lespedeza	Lespedeza gen.
леспедица даурская	Dahurian bush clover	Lespedeza davurica (Laxm.) Schindl.
леспедеца прилистниковая	bush clover, Japan clover	Lespedeza striata Hook. et Arn. (Leguminosae)
лецитис	monkey-pot tree	Lecythis Loefl. (Myrtaceae)
лещина (фундук, американский лесной орех)	avellan(e), cob-nut, filbert	Corylus avellana
лещина обыкновенная (орешник, лесной орех)	hazel-nut, European hazel, nutwood, European filbert	Corylus avellana L. (Betulaceae)
лёгочная трава (медуница)	lungwort	Pulmonaria gen.
лён	flax	Linum L. (Linaceae)
лён-долгунец (лён обыкновенный, лён посевной)	fiber flax, common flax, crown flax, low flax	Linum usitatissimum

лён обыкновенный (лён-долгунец, лён посевной)	fiber flax, common flax, crown flax, low flax	<i>Linum usitatissimum</i>
лён посевной (лён долгунец, лён обыкновенный)	fiber flax, common flax, crown flax, low flax	<i>Linum usitatissimum</i>
лён слабительный	fairy flax, purging flax, dwarf flax	<i>Linum catharticum</i>
лжеакация (акация белая)	black locust, bastard acacia, false acacia, locust	<i>Robinia pseudoacacia</i> L. (Leguminosae)
лжедурнишник (цеклахена)	marsh elder	<i>Iva</i> L. (Compositae)
лиана	liana	lianae
лиатрис	blazing star, button snakeroot	<i>Liatris</i> Schreb. (Compositae).
либоцедрус (кедр ладанный)	incense-cedar	<i>Libocedrus</i> Endl. (Pinaceae)
ливанский кедр	cedar of Lebanon	<i>Cedrus Libani</i>
ликвидамбар	sweet-gum tree	<i>Liquidambar</i> L. (Hamamelidaceae)
ликвидамбар восточный	Oriental sweet gum	<i>Liquidambar orientalis</i>
лилия	lily	<i>Lilium</i> gen.
лилия Буша	Bush lily	<i>Lilium buschianum</i> Lodd.
лилия водяная (кувшинка белая)	water-lily, white water-lily	<i>Nymphaea alba</i> L. Nymphaeaceae)
лилия карликовая	dwarf lily	<i>Lilium pumilum</i> Delile in Redoute (Liliaceae)
лилия красная	orange lily	<i>Lilium croceum</i>
лилия пенсильванская (лилия даурская)	Pensilvanian lily	<i>Lilium pensylvanicum</i> Ker Gawl. (Liliaceae)
лима (лимская фасоль)	Lima bean	<i>Phaseolus limensis</i>
лиметта (лайм)	lime	<i>Citrus limetta</i> Risso (Rutaceae)
лимнантемум (болотноцветник)	floating heart	<i>Nymphoides</i> Hill (Limnanthemum Gmel.) Menyanthaceae)
лимон	lemon	<i>Citrus limon</i> Burm. (Rutaceae)
лимонник	shizandra	<i>Schizandra</i> L. (Magnoliaceae)
лимонник китайский	Chinese magnolia vine	<i>Schizandra chinensis</i>
лимская фасоль (лима)	Lima bean	<i>Phaseolus limensis</i>
лимская фасоль (лима)	Carolina bean	<i>Phaseolus limensis</i>

линнея	twin flower	Linnaea Gron. (Caprifoliaceae).
липа	lime, linden, teil	Tilia L. (Tiliaceae)
липа американская	bass-wood	Tilia americana
липа амурская	Amur lime, Amur linden	Tilia amurensis
липа зимняя (липа мелколистная, липа сердцелистная)	small-leaved lime, small-leaved linden, little-leaved linden, big-leaf linden	Tilia cordata (Tilia cordifolia, Tilia parvifolia)
липа каменная (филирея)	mock-privet	Phillyrea L. (Oleaceae)
липа летняя (липа плосколистная, липа широколистная)	cut-leaf lime, cut-leaf linden, large-leaved linden, big-leaf linden	Tilia platyphyllos
липа мелколистная (липа зимняя, липа сердцелистная)	small-leaved lime, small-leaved linden, little-leaved linden, big-leaf linden	Tilia cordata (Tilia cordifolia, Tilia parvifolia)
липа плосколистная (липа летняя, липа широколистная)	cut-leaf lime, cut-leaf linden, large-leaved linden, big-leaf linden	Tilia platyphyllos
липа сердцелистная (липа зимняя, липа мелколистная)	small-leaved lime, small-leaved linden, little-leaved linden, big-leaf linden	Tilia cordata (Tilia cordifolia, Tilia parvifolia)
липа широколистная (липа летняя, липа плосколистная)	cut-leaf lime, cut-leaf linden, large-leaved linden, big-leaf linden	Tilia platyphyllos
липарис (лосняк)	American tway blade	Liparis Rich. (Orchidaceae)
липпия (вербена лимонная)	lemon-verbena	Lippia citriodora L. (Verbenaceae)
липучка	stick-seed	Lappula Mnch. (Boraginaceae)
лисичка	chanterelle	Cantharellus cibarius Fr. (Agaricaceae)
лисохвост (батлачок)	meadow foxtail, fox-tail	Alopecurus L. (Gramineae)
лист с концевым нечётным листочком	odd-pinnate leaf	
лиственница	larch	Larix Mill. (Pinaceae)
лиственница американская	tamarack, hackmatack	Larix americana Michx. (Pinaceae)
лиственница Гмелина	Gmelin larch	Larix gmelinii (Rup.)

лиственница европейская (лиственница обыкновенная)	European larch, common larch	Rupr. Larix Miller (Pinaceae) Larix decidua
лиственница ложная	golden larch	Pseudolarix Gord. (Pinaceae)
лиственница обыкновенная (лиственница европейская)	common larch, Euro- pean larch	Larix decidua
лиственница сибирская	Siberian larch	Larix sibirica Ledeb., Larix Miller (Pinaceae)
лиственный (листопадный)	deciduous	deciduous
листовая подушечка	pullvinus	
листовик	hart's-tongue fern	Phyllitis Hill. (Polypodiaceae)
лихнис	campion	Lychnis spp.
лихнис татарское мыло (лихнис халцедонский, зорька)	Maltese cross camp- ion, fireballs, Jerusalem cross	Lychnis chalcedonica
лихнис халцедонский (лих- нис татарское мыло, зорька)	Maltese cross camp- ion, fireballs, Jerusa- lem cross	Lychnis chalcedonica L. (Caryophyllaceae)
лишайник	lichen	Lichen
лишайник красильный	orchil	Roccella DC. (Roccellaceae)
лишайник пельтигера	dog-lichen	Peltigera canina
ллоидия	mountain- spiderwort	Lloydia Salisb. (Liliaceae)
лобелия	cardinal-flower, lobe- lia	Lobelia L. (Campanulaceae)
лобелия кардинальская (кардинал)	cardinal flower	Lobelia cardinalis
лобелия надутая (лобелия одутлая)	inflated lobelia, in- flated cardinal-flower, asthma weed, Indian tobacco, ladies' to- bacco	Lobelia inflata
лобелия одутлая (лобелия надутая)	inflated lobelia, in- flated cardinal-flower, asthma weed, Indian tobacco, ladies' to- bacco	Lobelia inflata
лобия (гиацинтовые бобы, долихос обыкновенный)	bonavist, black bean, hyacinth dolichos	Dolichos lablab L. (Leguminosae)
логанова ягода (гибрид ма-	loganberry	Rubus loganobaccus

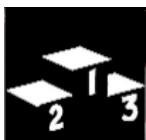
лины и ежевики)		
ложечница горькая (ложечница лекарственная, цинготная трава)	common scurvy grass, common scurvy weed	<i>Cochlearia officinalis</i>
ложечница лекарственная (ложечница горькая, цинготная трава)	common scurvy grass, common scurvy weed	<i>Cochlearia officinalis</i>
ложный шампиньон (поганка бледная)	amanita, death cup, death angel	<i>Amanita phalloides</i> – <i>Agaricus bulbosus</i> Bull.) (Fr.) Quel. (Agaricaceae)
1. лоза (побег ивы)	1. osier, cane	1. <i>Salix</i> gen.
2. лоза	2. vine, cane, runner	2. <i>sarmentum</i>
локва (мушмула японская)	loquat, biwa	<i>Eriobotrya japonica</i> Lindl. (Rosaceae).
ломбардский орех (фундук)	filbert, Lambert nut	<i>Corylus maxima</i> Mill. (Betulaceae)
ломонос (клематис)	virgin's-bower, clematis	<i>Clematis</i> L. (Ranunculaceae)
ломонос маньчжурский	Manchurian virgin's bower, Manchurian ground clematis	<i>Clematis mandshurica</i>
лонхокарпус	lance-pod	<i>Lonchocarpus</i> H.B. et K. (Leguminosae)
лопатообразный лопастник	paliform turban-top	<i>Helvella</i> Fr. (Helvellaceae)
лопух	burdock	<i>Arctium</i> L. (Compositae)
лопух большой (лопушник)	great burdock, stick button, common burdock, clite	<i>Arctium lappa</i> (<i>Lappa major</i>)
лопух лечебный	medical burdock	<i>Lappa officinalis</i>
лопух малый	little burdock, lesser burdock, smaller burdock	<i>Arctium minus</i>
лопушник (лопух большой)	clite, great burdock, stick button, common burdock	<i>Arctium lappa</i> (<i>Lappa major</i>)
лосняк (липарис)	American tway blade	<i>Liparis</i> Rich. (Orchidaceae)
лотос	lotus	<i>Nelumbium speciosum</i> Willd. (Nymphaeaceae)
лотос жёлтый	American lotus	<i>Nelumbo lutea</i>
лотос индийский (лотос	Hindu lotus	<i>Nelumbium nucifera</i>

орехоносный)		
лотос орехоносный (лотос индийский)	Hindu lotus	Nelumbium nucifera
лофант	giant hyssop	Lophanthus Adans. (Labiatae)
лох узколистый (дикая маслина, маслина дикая)	oleaster, Russian olive, silverberry	Elaeagnus angustifolia L. (Elaeagnaceae)
луговик	hair-grass	Deschampsia P.B. (Gramineae)
луговик дернистый (щучка)	tussock-grass	Deschampsia caespitosa P.B. (Aira caespitosa L.) (Gramineae)
луговник (айра)	hair-grass	Aira gen.
луговой чай (вербейник монетчатый)	money-wort	Lysimachia nummularia
луговой салат (сердечник луговой)	meadow bitter-cress, cuckoo spit, lady's smock, cuckoo flower	Cardamine pratensis
лужайник	mudwort	Limosella L. (Scrophulariaceae)
лук	onion	Allium L. (Liliaceae)
лук-батун (лук дудчатый, лук- татарка)	Welsh onion, spring onion, cibol	Allium fistulosum L. (Liliaceae)
лук дудчатый (лук-батун, лук-татарка)	Welsh onion, spring onion, cibol	Allium fistulosum L. (Liliaceae).
лук медвежий (черемша)	ramson, bear's-garlic	Allium ursinum L. (Liliaceae)
лук огородный	field garlic	Allium oleraceum L. (Liliaceae)
лук-перо (зелёный лук, лук не образующий луковиц)	green onion, scallion	Allium
лук победный	long-rooted onion	Allium victorialis
лук-порей	leek, pirrot	Allium porrum L. (Liliaceae)
лук причесочный	rocambole, giant garlic	Allium scorodoprasum L. (Liliaceae)
лук-резанец (лук-скорода, шнит-лук)	chive	Allium schoenoprasum L. (Liliaceae)
лук-репка	dry onion	Allium cepa
лук репчатый (лук столовый)	onion, common onion, bulb onion, garden onion	Allium cepa L. (Liliaceae)
лук-рокамболь	rocambole	Allium scorodoprasum
лук-севок	set-onion	Allium cepa
лук сибирский	rush garlic, shore on-	Allium sibiricum

лук-скорода (лук-резанец, шнит-лук)	ion chive	Allium schoenoprasum L. (Liliaceae)
лук столовый (лук репчатый)	onion, common onion, bulb onion, garden onion	Allium cepa L. (Liliaceae)
лук-татарка	Welsh onion, spring onion, cibol	Allium fistulosum
лук-шалот (лук-шарлот, шалот)	shallot, eschalot, shallion	Allium ascalonicum L. (Liliaceae)
лук-шарлот (лук-шалот, шалот)	shallot	Allium ascalonicum L. (Liliaceae)
лунник	satin-flower, honesty	Lunaria L. (Cruciferae)
луносемянник	moonseed	Menispermum L. (Menispermaceae)
луносемянник даурский (мениспермум даурский)	Asiatic moonseed, Dahurian moonseed	Menispermum dahuricum
лучица	stonewort, water-horsetail	Chara Vaillant (Characeae)
львиный зев	antirrhinum, snapdragon, toad's mouth	Antirrhinum L. (Scrophulariaceae)
львиный зев садовый	frog-mouth	Antirrhinum majus
льнянка	toadflax, bastard toadflax	Linaria Mill. (Scrophulariaceae)
льнянка обыкновенная	common toadflax, climbing sailor, butter-and-eggs, flaxweed, Jacob's ladder, bastard toadflax	Linaria vulgaris
льнянка полевая	toadflax	Linaria arvensis
любисток (зоря)	lovage	Levisticum Hill. (Umbelliferae)
любисток аптечный (любисток, любисток лекарственный, зоря)	garden lovage, sea parsley, smellage, sulfurwort	Levisticum officinale (Ligusticum paludapifolium)
любка двулистная (фиалка ночная)	butterfly orchid	Platanthera bifolia Rich. (Orchidaceae)
любник	winter aconite	Eranthis Salisb. (Ranunculaceae)
любовное дерево (иохимбе)	yohimbe	Pausinystalia yohimbe
люпин	lupine	Lupinus L. (Leguminosae)
лютик	crowfoot, buttercup, bachelor's button, golden-cup	Ranunculus L. (Ranunculaceae)

лютик алтайский	Altai crowfoot, but- tercup	Ranunculus altaicus Laxm.
лютик амурский	Amur crowfoot, but- tercup	Ranunculus amurensis Kom.
лютик водяной (шелковник)	water crowfoot	Batrachium Gray (Ra- nunculus aquatilis L.) (Ranunculaceae)
лютик Гмелина	Gmelin buttercup, Gmelin crowfoot	Ranunculaceae Ranunculus gmelinii DC.
лютик едкий	tall buttercup, tall crowfoot	Ranunculus acer L. (Ranunculaceae)
лютик золотистый	goldilocks	Ranunculus auricomus
лютик китайский	Chinese buttercup, Chinese crowfoot	Ranunculus chinensis Bunge
лютик клубневой, лютик луковичный	bulbous buttercup	Ranunculus bulbosus
люффа	towel-gourd	Luffa Cav. (Cucurbitaceae)
люффа цилиндрическая (мо- чальная тыква)	towel-gourd, Suakwa vegetable sponge, rag- gourd	Luffa cylindrica
люцерна	alfalfa, medic, medick, lucerne	Medicago L. (Leguminosae)
люцерна древовидная	moon trefoil, tree al- falfa	Medicago arborea L. (Leguminosae)
люцерна хмелевидная	hop clover, black medick, medical hop, yellow trefoil	Medicago lupulina L. (Leguminosae)
лягушечник	frog-bit	Hydrocharis morsus- ranae
лядвенец	bird's-foot trefoil	Lotus L. (Leguminosae)
лядвенец рогатый	babie's slippers	Lotus cornicalus
лядник душистый (зубровка)	holy-grass, sweet- scented grass	Hierochloë odorata Wahlb. (Gramineae)
душистая, чаполоть)		
ляминария	sea tangle	Laminaria Lamour. (Laminariaceae)

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы,

К О Н К У Р С Ы !

Итоги XVIII регионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2013 года

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

29 марта 2013 года на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья.

Призеры: *(с английского)* Мария Шадрина, Юлия Мусорина, Екатерина Коржова, Вероника Сабинская, Елена Борисова, Татьяна Смирнова, Елена Артамонова, Анна Райдун, Анна Кривоносенко; *(с немецкого)* Лилия Краус, Анастасия Жеребцова, Анастасия Шемякина; *(с китайского)* Вероника Сабинская, Мария Шадрина, Анастасия Владимирова, Елена Артамонова, Екатерина Хворова; *(с русского на английский)* Татьяна Суханова, Виктория Лиханова, Екатерина Коржова, Мария Шадрина; *(с русского на немецкий)* Анастасия Жеребцова.

С английского

John Clare (1793 – 1864)

Джон Клэр

The Secret

I loved thee, though I told thee not,
Right earlily and long,
Thou wert my joy in every spot,
My theme in every song.

And when I saw a stranger face
Where beauty held the claim,
I gave it like a secret grace
The being of thy name.

And all the charms of face or voice
Which I in others see
Are but the recollected choice
Of what I felt for thee.

Перевод Марии Шадриной

(ФФиМК, ЗабГУ)

Секрет

Как долго я любил тебя,
Но выразить не смел.
Лишь ты мне радостью была,
Лишь о тебе я пел.

Увидев схожие черты
С той, что любил и знал,
Как тайну сладкую,
Твоё я имя прошептал.

И в каждом голосе, лице,
Во всём, что я любил,
Во всём, что мило было мне,
Твой образ находил.

Перевод Вероники Сабинской
(ФФиМК, ЗабГУ)

Тайна

Я любил тебя, но молчал,
И не знаешь ты, как давно
Образ твой мне отрадой стал,
Я в стихах воспевал его.

Когда видел я лишь намёк
На твою красоту в другой,
Дать ей имя своё я мог,
Пусть и в тайне – с самим собой.

Всё, что сердце могло пленить,
В чём-то голосе иль лице
Не давало мне позабыть,
Эти чувства мои к тебе.

Перевод Екатерины Коржовой
(учитель гимназии № 12)

Тайна

Любил тебя, хотя внушал,
Что я любить не смел,
Лишь пред тобой я ликовал,
Лишь о тебе я пел.

В тех, кто встречался на пути,
Царил дух красоты,
В том духе тайной во плоти
Всегда являлась ты.

И дивный свет, что исходил
От лиц других людей –
Лишь миллиметр из многих миль
Моей любви к тебе.

Перевод Юлии Мусориной
(учитель ЗабКГИ)

Тайна

Тебя я искренне любил,
Признаться в том, увы, не смея.
С тобой повсюду счастлив был
И в песнях образ твой лелеял.

И лиц прекрасных красота
Была с твоею несравнима.
И сколько нежности, тепла
В твоём лишь имени любимом.

Других прелестниц обаянье
Собой пленяло так искусно.
Но только о тебе воспоминанья
В душе рождали трепетные чувства.

E. W. Wilcox (1850 – 1919)
Элла Уиллер Уилкокс

**The Flowers Have Tender
Little Souls**

The flowers have tender little souls
That love, rejoice, aspire.
Each star that on its orbit rolls
Feels infinite desire.
The diamond longs to scintillate
When hid beneath the sod.
The universe is animate
With consciousness of God.

Перевод Елены Борисовой
(ФФиМК, ЗабГУ)

Цветы обладают нежной душой

Цветы обладают нежной душой,
Что любит, ликует, мечтает.
И каждая звёздочка в небе порой
От страстных желаний сгорает.
Тоится алмаз глубоко под землей
И грезит мерцать в украшении,
Вселенная пляшет, любуясь собой,
Являя нам Бога творения.

Перевод Екатерины Коржовой
(учитель гимназии № 12)

*****

Цветы трепещут, как сердца,
В любви, усладе, рвенье.
И звёздам вновь дано мерцать
В безбрежном вдохновенье.
Алмазный блеск упрям, силен,
Хоть скрыт он под землёй.
И мир вновь к жизни возрождён
Господнею рукой.

Перевод Марии Шадринной
(ФФиМК, ЗабГУ)

*****

Есть души нежные в цветах,
Что любят и ликуют.
Живые звёзды в небесах
Кружат, как вальс танцуют.
Алмазу хочется сверкать,
Когда он скрыт в песок.
Вселенная вокруг – жива,
Её сознание – Бог.

Перевод Юлии Мусориной
(учитель ЗабКГИ)

*****

Иные дали грезятся цветку,
Его душа и любит, и мечтает.
И в вышине застывшую звезду
Просторы бесконечности пленяют.
Алмаз торопится сверкать,
Сокрытый под землею глубоко.
Но в мире наступает благодать
По воле только Бога одного.

Перевод Анны Райдун
(ЧИБГУЭП)

*****

Во всех цветах души есть свет,
Они стремятся жить!
Бег времени и путь планет
Нельзя остановить.
Алмаз рождён среди земли,
Но чист он, как слеза.
Всё, от пылинки до любви –
Есть замысел Творца.

Перевод Елены Артамоновой
(ФФиМК ЗабГУ)

Перевод Анны Кривоносенко
(ЧИБГУЭП)

*****

Нежна и крохотна цветочная душа,
Что любит всех и к радости стремится.
А по орбите движется звезда,
Мечтая вскоре заново родиться.
Сокровища хранятся в глубине,
Искрятся там с неимоверной силой.
И каждая частичка на земле,
Поверив в Бога, кажется красивой.

**У каждого цветка есть
нежная душа**

У каждого цветка есть нежная душа,
Которая смеётся, любит, страждет.
И каждая звезда, вращаясь, путь верша,
Чего-нибудь безмерно жаждет.
Стремится рьяно бриллиант сверкать,
Когда над ним земли и дёрна много.
И предначертано Вселенной оживать,
Когда приходим к пониманью Бога.

Emile Jane Bronte (1818 – 1848)
Эмилия Джейн Бронте

Перевод Юлии Мусориной
(учитель ЗабКГИ)

Life

Жизнь

LIFE, believe, is not a dream
So dark as sages say;
Oft a little morning rain
Foretells a pleasant day.
Sometimes there are clouds of gloom,
But these are transient all;
If the shower will make the roses bloom,
O why lament its fall?
(extract)

Хоть мудрецы и говорят,
Что жизнь – не свет, а тьма,
Но часто солнце светит днём,
Пусть дождик лил с утра.
И часто в тучах небосклон
Вдруг светом озаряется.
И, если розы ливня ждут,
Пусть льёт, зачем печалиться?
(отрывок)

Перевод Вероники Сабинской
(ФФиМК ЗабГУ)

Перевод Марии Шадриной
(ФФиМК, ЗабГУ)

Жизнь

Жизнь

Поверь, что жизнь не так мрачна,
Как мудрецы вещают.
И за дождём, что лил с утра,
День тёплый наступает.
Пусть небеса заволокло,
Но розам расцветать
Лишь после ливня суждено.
Так стоит ли роптать?

О, жизнь – совсем не мрачный сон,
Как говорят порой,
И утром лёгкий, нежный дождь,
Остудит летний зной.
Порою свод тяжёл и хмур –
Сему не вечно быть.
Коль розы от дождя цветут,
Зачем его бранить?

Перевод Елены Борисовой
(ФФиМК ЗабГУ)

Жизнь

Жизнь, поверь, не страшный сон,
Как скажут мудрецы порой:
После утренней грозы
Неприменно жди покой.
Иногда стаи туч набегут,
Но умчатся они без следа,
После ливня розы цветут,
Так зачем горевать нам тогда?

Ralph Waldo Emerson (1803 – 1882)
Ральф Уолдо Эмерсон

Перевод Елены Борисовой
(ФФиМК ЗабГУ)

Fable

The mountain and the squirrel
Had a quarrel,
And the former called the latter, "little prig":
Bun replied,
You are doubtless very big,
But all sorts of things and weather
Must be taken in together
To make up a year,
And a sphere.
And I think it no disgrace
To occupy my place.
If I'm not so large as you,
You are not so small as I,
And not half so sly:
I'll not deny you make
A very pretty squirrel track;
Talents differ; all is well and wisely put;
If I cannot carry forests on my back,
Neither can you crack a nut.

Басня

Случилось раз гора и белка
Поссорились друг с другом крепко,
Гора соседку «маленькой гордячкой»
Величала, А та в ответ ей:
Хоть ты и высока, но право,
Миллион вещей, а с ними и погода
Работают совместно год за годом,
Чтоб шар Земной всегда вращался,
И ход времён не прекращался,
Что до меня – скажу я честно:
На своём месте быть мне лестно.
И если я, как ты, не велика,
То и тебе миниатюрною не стать
И в юркости меня не обогнать.
Хотя одно я не могу не подтвердить:
Ты даришь дом, где столь чудесно жить;
В природе не сочтёшь талантов всех,
И если на спине лесов мне не носить,
То и тебе не расколоть орех.

Перевод Татьяны Смирновой
(ФФиМК ЗабГУ)

Легенда

Гора и белка спорили однажды,
Кто важней.
И первая самодовольной назвала вторую,
Но остроухая смогла ответить ей:
Ты, без сомнения, огромна,
Но в природе
Живое всё сосуществует
Гармонично
При любой погоде.
И я не чувствую себя здесь
Ущемлённо,
Хотя не велика, как ты,
А ты не так мала, как я,
И даже вполтину не проворна:
Не буду отрицать,
Ты строишь замечательные беличьи ходы.
Таланты различаются: Все хороши, мудры по-своему;
Я не могу взвалить леса на свои плечи,
Не сможешь и лущить орехи ты.

С немецкого

Theodor Storm (1817 – 1888)
Теодор Шторм

Hyazinthen

Fern hallt Musik; doch hier ist stille Nacht,
Mit Schlummerduft anhauchen mich die Pflanzen:
Ich habe immer, immer dein gedacht;
Ich möchte schlafen, aber du musst tanzen....

Und du musst tanzen; fremde Arme schmiegen
Sich an dein Herz; o leide nicht Gewalt!
Ich seh' dein weißes Kleid vorüberfliegen
Und deine leichte, zärtliche Gestalt.

Und süßer strömend quillt der Duft der Nacht
Und träumerischer aus dem Kelch der Pflanzen.
Ich habe immer, immer dein gedacht;
Ich möchte schlafen, aber du musst tanzen.

Перевод Лилии Краус
(МОУ СОШ 47)

Гиацинты

Там – эхо музыки, а тут спокойна ночь,
И от цветов вокруг дремотная волна;
Все думы о тебе, уж сутки прочь.
И клонит в сон, ты танцевать должна....

Да, танцевать. Чужие руки к сердцу льнут.
Не допускай насилия над собой!
Лишь вижу я, как мимо промелькнут
И платье белое, и нежный образ твой.

Потоком сладким воздух напоён.
Из чаш цветов – мечтаний благодать.
Все думы о тебе – и по ночам, и днём.
Я спать хочу, ты хочешь танцевать.

Перевод Анастасии Жеребцовой
(архив ЗабГУ)

Гиацинты

Прекрасный звук вдали, а здесь ночная тишь,
И ароматом сонным травы меня манят
И в мыслях ты всегда моих не спишь,
И танец твой во сне меня дурманит.

Танцуешь ты, сжимают чьи-то руки,
Твоё сердечко; боже, не страдай!
Я вижу, в белом ты паришь под звуки,
И нежный образ твой, прошу, не нарушай.

И снова слаще бьёт ключом сиянье ночи,
И всё мечтательней травинки шепчут мне.
И сон с тобой всегда на миг короче;
А ты танцуешь, привлекая сон к себе.

Heinrich Heine (1797 – 1856)
Генрих Гейне

Der Brief

Der Brief, den du geschrieben,
er macht mich gar nicht bang;
du willst mich nicht mehr lieben,
aber dein Brief ist lang.
Zwölf Seiten, eng und zierlich!
Ein kleines Manuskript!
Man schreibt nicht so ausführlich,
wenn man den Abschied gibt.

Перевод Лилии Краус
(МОУ СОШ 47)

Письмо

То длинное ко мне письмо,
В котором ты писала,
Что разлюбила уж давно,
Меня не напугало.
Не пишет столь изящных слов
На дюжине листочков,
Кто на любви своей готов
Навек поставить точку.

Перевод Анастасии Шемякиной
(выпускница ФИЯ 2009 года)

Письмо

Меня уж не тревожит
Письмо, что ты писала.
Любить меня не хочешь –
Ты в том письме сказала.
В двенадцати страницах
Та рукопись кратка.
Не стоит так пространно
Прощаться навсегда.

Annette von Droste-Hülshoff
(1797 – 1848)
Анетте фон Дросте-Хюльжофф

Abendlied

Der Tag ist eingnickt
Beim Wiegenlied der Glocken;
Zum Blumenkuß sich bückt
Der Tau auf leisen Socken;
Die Sterne sammeln sich,
Sie winken sich und drehen;
Fern hör' ich Tritte gehen,
Doch ruhig ist's um mich.

Перевод Лилии Краус
(МОУ СОШ № 47)

Вечерняя песня

Под песнь колоколов
День клонится ко сну,
И поцелуи рос
Упали в тишину.
Роятся звёзд огни,
Вращаются, маня.
Шаги звучат вдали,
Но тишь вокруг меня.

С китайского

Сюй Чжимо (1897 – 1931)

Перевод Вероники Сабинской
(ФФиМК ЗабГУ)

В глазах его Господь

Неприступные горы я покорял,
О терновые ветви одежду рвал.
Но в заоблачных далях, что я видал,
О, Господь, я не встретил Тебя!

Твердь земную отчаянно я копал,
И обитель драконов и змей разорял,
Но как громко бы в бездне тебя ни звал,
О, Господь, я не слышал Тебя!

Но однажды я встретил ребёнка в пути –
Славный малый, одетый в лохмотья свои,
Звал он маму, в глазах его, полных любви,
О, Господь, я тебя отыскал!

Перевод Анастасии Владимировой
(ЮФ ЗабГУ)

Был Ты в его глазах

Я взбирался на гору высокую,
О кусты свой покров оборвал,
Взгляд бросал я на небо туманное.
Боже, я не увидел Тебя!

Я вгрызался в землю глубокую,
По пещерам змеиным ступал.
Звал тебя из болота бездонного,
Боже, я не услышал Тебя!

А потом у дороги увидел я,
Озорное, в отрепьях, дитя,
Маму звал он глазами влюблёнными.
В тех глазах я увидел Тебя!

Ван Го Чжен

Перевод Елены Артамоновой
(ФФиМК ЗабГУ)

Кофе и сумерки

Размешаю я ложкой кофе,
Источающий аромат.
И солнцем в последнем вздохе
Насладиться я буду рад.
Я в торжественных чувствах печально
Размешал уже кофе давно.
Сердце свой аромат источает, –
Солнце морем поглощено.
И слезе, покотившейся тайно,
В этих строках уж быть суждено.

Перевод Екатерины Хворовой
(ФФиМК ЗабГУ)

Собирая шелковицу

Словно облако, парит желание в сердце томном
И тянет к себе в сновидение.
Но я равнодушия полон к красотам горным,
К сиреновой дымке, несущей смятение.
Возненавидел цветы и речные просторы –
Ведь музыку циня они не пробудят.
Лишь в криках кукушки угаснут раздоры
И облаком легким радость пребудет.

Линь Хуйинь (1904 – 1955)

Перевод Марии Шадриной
(ФФиМК ЗабГУ)

Время

Вся жизнь подобна сезонам года –
Друг друга вечно они сменяют.
Цветы весенние опадают –
Легко прощаемся мы с весною.
Но неизменно приходит осень,
Мы с нею вместе вздохнём с тоскою.
Настала осень – и хмуро небо,
Златые листья уже опали,
Вокруг простёрлись пустые дали,
И всюду грустно, и всюду серо.
И в одиночестве этом полном
Как можно вынести шёпот ветра?

Забайкальская поэзия

Геннадий Головатый (1940 – 2001)

Известный забайкальский поэт Геннадий Головатый родился на станции Зилово Чернышевского района Читинской области. Он прожил

нелёгкую, полную борьбы за существование жизнь, поскольку с раннего детства был прикован к постели тяжёлой болезнью. Но, несмотря на все обстоятельства, этот мужественный человек много путешествовал, объехал почти весь Советский Союз. Он печатался во многих популярных журналах того времени: «Нева», «Сибирские огни», «Байкал» и др.

В 1963 году неожиданно для себя Геннадий Головатый стал победителем Всесоюзного поэтического конкурса, объявленного газетой «Комсомольская правда». Стихотворение, которое получило всеобщее признание, называется «Сила». Это и некоторые другие произведения автора были предложены конкурсантам для перевода на иностранные языки. С полной биографией Головатого можно познакомиться в статье Виктории Чумак «Испытывающий душу»¹

Хотим обратить внимание, прежде всего, наших земляков, забайкальцев, на то, что Читинское «Экспресс издательство» в 2011 году выпустило 2-хтомник избранных стихотворений к 70-летию со дня рождения Геннадия Головатого, иллюстрированный самим поэтом. В предисловии к своим произведениям поэт написал:

Если б вы меня спросили,
что есть мужество во мне,
я б сказал о гордой силе
быть со всеми наравне.

Смело нежным быть и гневным,
и беспомощным подчас,
раскрываясь ежедневно
перед тысячами глаз.

Многие стихотворения Геннадия Головатого не отпускают, заставляют перечитывать их вновь и вновь. В них такая мудрость, боль, страдание и, вместе с тем, такая сила и жизнелюбие, что невольно подумаешь – перед нами живая «наука побеждать!» Нашим современникам ещё предстоит оценить всю силу таланта этого гениального поэта.

---

¹ Виктория Чумак. <http://www.liveinternet.ru/users/kolybanov/post214535138/>

С русского на английский и немецкий языки

Геннадий Головатый (1940 – 2001)

Сила

Первая премия на Всесоюзном поэтическом конкурсе «Комсомольской правды» (1963 г.)

Слепые не могут смотреть гневно.
Немые не могут кричать яростно.
Безрукие не могут держать оружие.
Безногие не могут идти вперёд.
Но – немые могут смотреть гневно.
Но – слепые могут кричать яростно.
Но – безногие могут держать оружие.
Но – безрукие могут идти вперёд.

**Перевод на английский
Татьяны Сухановой**

Power

The blind cannot look wrathfully.
The mute cannot shout furiously.
The armless cannot hold a weapon.
The legless cannot go forward.
But – the mute can look wrathfully.
But – the blind can shout furiously.
But – the legless can hold a weapon.
But – the armless can go forward.

*****

А я не хочу узнавать,
куда журавли улетают.
Не нужно тот край называть,
пускай он останется тайной.

Пускай... Ведь узор на стекле
от прикосновения тает!

**Перевод на английский
Марии Шадриной**

Power

The blind cannot look wrathfully.
The dumb cannot cry fiercely.
The armless cannot hold weapons.
The legless cannot go forward.
But – the dumb can look wrathfully.
But – the blind can cry fiercely.
But – the legless can hold weapons.
But – the armless can go forward.

**Перевод на английский
Татьяны Сухановой**

*****

I want not to find out
Where cranes fly away again
It's the place not to talk about,
Keep a secret about its name.

So be it... Frosty patterns on glass
Melt away from a tiny touch!

Хочу тосковать по земле,
куда журавли улетают.

**Перевод на английский
Виктории Лихановой**

*****

I don't want to know it ever
Where usually cranes fly away.
This land should be nameless forever,
This secret should not get its way.

Be it...Just touch window with hand
And soon winter lace melts away!
I want to pine over the land
Where usually cranes fly away.

*****

«Дела нельзя закончить,
но можно отложить –
и жить, как сердце хочет,
как надо сердцу жить!»

Решил. Дела забросил.
Была, мол, не была!..
Вдруг слышу – сердце просит:
«Возьмёмся за дела?»

**Перевод на английский
Виктории Лихановой**

*****

You can't just finish all your tasks
But can postpone your deeds –
And live the life that your heart asks,
The life that your heart needs!

My work is left. Made up my mind.
And let it sink or let it swim!

I would rather keep missing the place,
Where cranes strive to go so much.

**Перевод на немецкий
Анастасии Жеребцовой**

*****

Ich will nicht erkennen sogar,
Wohin die Kraniche fliegen.
Und sei doch die Name nicht klar,
Lass das im Geheimnis liegen.

Lass es... Doch die Fensterbilder
Von der Berührung verschwinden!
Ich will doch das Heimweh wieder,
Wohin die Kraniche fliegen.

**Перевод на английский
Татьяны Сухановой**

*****

“Things cannot be done to the end,
But you can delay them for a time –
To try to live to heart's content,
With heart and body in chime!”

I abandoned work. Forgot my chores.
They matter no longer a thing to me.
But then I hear my heart implores
“Back to business, shall we?”

**Перевод на немецкий
Анастасии Жеребцовой**

*****

«Die Arbeit endet niemand,
Verschieben kann man doch –
Mein Herz, es wusste nimmer,
Wie muss man leben noch!»

Ich habe mich entschieden.
Und alles zugemacht!

Then sudden whisper, heart's demand:
"Work isn't finished. Let's begin?.."

Und höre Herzensbitte:
«Was wird doch noch gemacht?»

**Перевод на английский
Екатерины Коржовой**

*****

Мне не дойти к моей вершине!
Тут диалектика проста:
Чем идеальней высота,
Тем глубже и непостижимей.

I'm not to crest my hill of musing!
This dialectics is quite plain:
The more my height is hard to gain,
The deeper it's and more confusing.

И только чую: выше нет –
В эпоху бомб, ракет, коммерции –
Той точки, что на самом дне
Больного состраданьем сердца!

I feel: no point might be as high –
In our armed, corrupt surrounding –
As point that can torment and try
The heart with anguish in rebounding!

**Перевод на английский
Виктории Лихановой**

*****

I will not ever gain my peak!
The dialectics is so light:
The more ideal is the height,
The deeper it and hard to seek.

**Перевод на немецкий
Анастасии Жеребцовой**

*****

Ich komme nie zu meinem Gipfel!
Und die Erklärung ist so klar:
Je höher man gestiegen war,
Dann desto schwerer ist der Zipfel.

I only feel: the greatest height –
In times of rockets, bombs and trade –
Is at the bottom of the heart
That's full of sympathy to pain.

Ich fühle leider keine Höhe –
Wo herrschen Handel und Raketen –
Als dieser Punkt, der schon im Grunde
Des Menschen mit dem kranken Herzen!

**Перевод на английский
Татьяны Сухановой**

*****

Я беден, как птица в осеннем полёте.
Тоску свою криком ли вылью?
Одни только крылья – и те не из плоти:
духовные крылья!

*****

I am poor as a bird in autumnal flight.
Shall I let out my sorrow in a call?
Spiritual wings – no flesh and blood:
Will protect my heart from a fall!

Но – есть высота у меня, и движенье,
и воля, где хочешь, спуститься;
кручина разлуки, восторг возвращенья...
Богат я, как птица!

But here's a height and migration track,
And a will to descend wherever I fly;
And sadness of parting, and joy of comeback...
Aren't I rich like a bird in the sky!

Памятные даты

Элеонора Панкратова

ЭДВАРД МУНК (1863 – 1944)

В этом году отмечается 150 лет со дня его рождения Эдварда Мунка. Имя этого прославленного художника стоит в одном ряду с именами таких выдающихся деятелей норвежской культуры как Хенрик Ибсен, Кнут Гамсун, Эдвард Григ.

«Ось всей жизни – любовь и смерть», – писал Станислав Пшибышевский, польский писатель, с которым был знаком Мунк. Жизнь писателя оказалась во многом связанной с Норвегией. Этот девиз декаданса, едва ли не прописная истина модернизма эпохи рубежа XIX и XX веков, которую в Европе принято называть *fin de siècle*, а у нас серебряным веком, и явился стержнем творчества Мунка.

«Стоит мне лишь на мгновение представить смерть», как я буквально болеваю от мысли, что моя плоть начнёт разлагаться и умереть, мои пальцы застынут и посинеют... А летним вечером жизнь так манит меня. Да, я так люблю жизнь, жизнь саму по себе, летние дни, напоённые солнцем, гроыхание экипажей, вздымающих пыль по мостовой... » (1) писал впоследствии Мунк, находясь во Франции.

Смерть и мысли о ней не оставляли Мунка с раннего детства. Семью преследовал туберкулёз. Когда Мунку было пять лет, умерла его мать. Девять лет спустя умерла его сестра Софи (Одна из его самых известных картин «Больной ребёнок» изображает Софи на смертном одре), брат Андерс, младше художника на два года, умер в возрасте 30 лет. Другая сестра, младше его на три года, заболела психической болезнью. Сам Мунк, будучи ребёнком, также много болел.

Пережитые боль, горечь и печаль и стали важными мотивами его творчества:

«Самых злейших врагов человеческих
Чахотку с Безумием рядом
Получил я в наследство.
Эти чёрные ангелы смерти качали мою колыбель...»

Творческая суть художника, конечно же, воплощена в его полотнах, рисунках, гравюрах. В Осло существует Музей Мунка, много его произведений хранит и Национальная галерея Осло и художественный музей Бергена, а также и зарубежные музеи. По всему миру издано огромное количество альбомов, монографий посвящённых личности и творчеству Мунка, как в целом, так и отдельным его аспектам. Но при этом Мунк любил писать и **словесные** комментарии к своим произведениям, они представляют собой нечто среднее между ритмической прозой или белым стихом. Сам он называл их «прозаическими стихами».

Осмелюсь предложить читателям некоторые из них:

Вечер на улице Карла Юхана¹ (1889)

За весёлыми, грустными, кроткими масками лиц
Я увидел, что сущность людская в страданье.
Мы все – мертвецы,
Суетимся, свершая тернистый свой путь,
Что ведёт нас в объятия могилы.

Летняя ночь (1895)

Твой взгляд пронзил меня
Я ощутил невидимые нити,
Что протянулись между нами,
Связав сердца навеки наши.

Женщина в трех стадиях (1902)

В улыбке женской смысл тройной.
Весна. Зима. И Лето.
Весны соблазны: сладость предвкушенья,
Бесстыдство и застенчивость, как в песне соловья
Или в убранстве полевых цветов.
Широкая улыбка **Лета**.
Она похожа на созревший плод,
Царит в ней радость материнства.
Зимы улыбка – это скорбь
За ней могила, вкус напитка смерти

---

¹ Стихотворение тематически тесно связано с картиной **КРИК**, 1893, ставшей символом экспрессионизма. (Прим. пер.).

Уходит материнская улыбка
Грядёт за ней улыбка скорби, горькое предчувствие конца
Улыбка эта – страшная гримаса,
Та, что застыла на лице Медузы,
Да, это голова Горгоны вперяет в нас
Свой взор, исполненный Страдания, Жестокости и Горя.

Живопись Мунка близка искусству слова. Его картины легко становились и продолжают становиться иллюстрациями к книгам, произведениям, например, Кнута Гамсуна. Или даже Достоевского, любимого писателя художника! (В написанной в своё время статье «Достоевский и Эдвард Мунк» (2), известный норвежский славист и переводчик Мартин Наг показывает, как легко картины Мунка становятся и иллюстрациями к «Кроткой», «Белым Ночам», «Идиоту»).

Мне довелось изучать творчество и литературное наследие Мунка непосредственно в библиотеке-музее Мунка в Осло. Художник вёл дневники, один из которых называл «Фиолетовым». Синий, голубой, фиолетовый – любимая гамма цветов писателя связанная с изображением моря, неба, леса: «Вечер был светлый, а вода в фиорде фиолетовая, и холмы в сияющем свете тоже фиолетовые» (3).

«Фиолетовый Дневник» – кладёз откровений в сфере психологии искусства. В нём множество наблюдений и ссылок на собственный опыт художника, объясняющих принципы экспрессионистического и импрессионистического подхода к живописи, а также индивидуальный, неповторимый стиль самого Мунка. Подзаголовок написан в 1932 году: «Пусть после моей смерти его прочтёт понимающий свободомыслящий человек» (4). Другая цитата: «В своём дневнике я пытался объяснить свою жизнь и её значение. Я также пытался помочь другим объяснить свою жизнь» (5).

Первая запись, сделанная в 1891 году в Ницце: краткие выразительные зарисовки: «Небо неожиданно стало кроваво красным. Лица и одежда людей тоже» (6).

«Я не верю в такое искусство, которым не движет человеческое желание открыть своё сердце. Все виды искусства, включая литературу и музыку, создаются кровью сердца художника. Искусство – это кровь чьего-то сердца» (7).

«В минуту сильного душевного волнения пейзаж резко меняется для каждого из нас. И пытаюсь запечатлеть этот пейзаж, художник запечатлевает своё собственное состояние, дух, настроение, вот что главное. Природа оказывается в данном случае средством для изображения настроения художника» (8).

«Вот почему я не считаю, подобно многим другим, своё искусство болезненным. Эти люди не понимают сущности искусства и не знают истории. Когда я изображаю болезнь и порок, они, напротив, становятся преодолимыми. Это здоровая реакция, которая позволяет жить дальше» (9).

«Не важно, что в этих мгновенных впечатлениях нет ни малейшего признака здравого смысла. Дерево может быть красным или синим, лицо – синим или зелёным» (10).

Далее об обывателях:

«Они знают с детства, что трава и листья деревьев зелёные... Им не может прийти в голову, что эти картины созданы на полном серьёзе, что они плод бессонных ночей – стоили крови и нервов» (11).

«Летними ночами всё приобретает фантастические очертания, камни на морском берегу превращаются в троллей и начинают шевелиться» (12).

Мунку, несомненно, было свойственно то, что его младший современник, писатель Юхан Борген называл «опьянением жизнью». Обострённая временами радость бытия, неразрывность связи с родной природой, – это позволило художнику выстоять и прожить относительно долгую жизнь. Плодотворность творчества Мунка именно в близости к норвежской природе, которая для норвежца не фон, не окружающая среда, а сама суть бытия. Природа – спасение, всегда надёжное пристанище в духовных и физических страданиях.

«Художественные импульсы Мунка коренятся, прежде всего, в современной ему литературе. Для Мунка, ...важен, прежде всего, круговорот жизни..., переходы от лета к осени, от зимы – к весне», – пишет исследователь творчества Мунка Арне Эггум (13).

Наряду с проникновенными пейзажами, образами одержимых страстями людей, Мунку были близки и образы простых людей, крестьян, рыбаков, лесорубов, живущих единой жизнью с природой, и, тем самым, знающих подлинный смысл бытия, как например, персонаж картины «Человек на капустном поле» (1916).

«Широко расставляя ноги, крестьянин идёт по своему полю, где все растёт и созревает, наполняется соками капуста, в руках он держит охапку зрелых кочанов. Краски на полотне переливаются оттенками жёлтого, красного, и синего, а также всеми вообразимыми оттенками зелёного; уходящие вдаль борозды и пересекающиеся в перспективе – создают впечатление пирамиды, в основании которой находится фигура труженика и одновременно и господина, который царит на земле и одновременно служит ей» (14).

Источники:

1. Edvard Munch museets bibliotek, Dagbok2700, Saint Cloud.
2. Kunst og Kultur, 1993, №1, s. 41–55.
3. Edvard Munch museets bibliotek Dagbok2700.
4. Ibid.
5. Edvard Munch museets bibliotek, NotatbokerOkk29.
6. Ibid.
7. Edvard Munch museets bibliotek, Notatboker Okk29.
8. Edvard Munch museets bibliotek Notater OKK № 27.
9. Ibid.
10. Edvard Munch museets bibliotek. NotatbokerOKK 36.
11. Ibid.
12. Edvard Munch museets bibliotek. Notatboker Okk57.
13. Arne Eggum , Edvard Эдвард Malerier, skisser og studier,1983, с. 258.
14. Мечтатели, М, ОГИ, с. 207.

Перлы переводчиков

Переводчики НЕ шутят¹...

На карте Киева с англоязычными названиями:

Метромост – *Underground Bridge*

Перевод студента-заочника из контрольной работы:

– **I'm sorry, I'm late. May I come in?**

– Извините, я опаздываю. Приеду 1-го мая.

Девушка смотрит на спящую собаку:

– **I watched Jusper's sleeping body on the carpet beside.**

– Я смотрела на тело Джаспера, спящего на полу рядом со мной.
(из перевода книги «Ребекка» Дафны Дю Морье)

Описывается старинный замок:

It was dark of course, because of shutters.

Конечно, там было темно из-за опущенных жалюзи.

Юная девушка надевает парик:

I covered my own mousy hair with the curled wig.

Я покрыла свои волосы мышиного цвета локонами парика.
(из перевода книги «Ребекка» Дафны Дю Морье)

Финал какого-то фильма. Сцена прощания. Актер говорит:

– **So long!**

– Так далеко.

Москва, радио 95.2 перевод ди-джем названием песни AC/DC:

Thunderstruck – «громовой грузовичок»!

Из фильма «Перл-Харбор». Разговор японских офицеров, причем внизу подстрочный перевод на английский. На русский это перевели вот как:

---

¹ <http://www.freewebs.com/sined/pearls.htm>

- **Out of 350 planes, we have lost only 29. We are prepared to launch a third wave, Admiral.**
- **We no longer have surprise. We will withdraw the third wave.**
- Из 350 самолетов осталось 29. Мы преподали им урок, Адмирал.
- Для них это было настоящим сюрпризом. Их флот утонул в волнах.

Фильм «Хостел-2». В одном эпизоде главная героиня после нападения сидит в доме, и дворецкий (по-видимому) спрашивает:

– **More tea?**

Затем наливает что-то из ЧАЙНИКА в ЧАШКУ.

– Мартини?

Сериал «Секретный агент» про Макгвайера на DTV.

The professor forgot about the level of your knowledge on the subject.

– **Can you help me to fill the blanks?**

Профессор не учла уровня ваших знаний по этому предмету.

– Вы можете мне заполнить бланки?

Сериал на ТВ. Название «Зов убийцы». В оригинале – Murder Call.

There were men and women standing at the bus station.

На остановке стояли женщины и люди.

Хроники Нарнии:

– **Do you want some Turkish delights?**

– Хочешь пирожки с мёдом?

В белорусской газете «Звезда» лет 15 назад автор большой статьи побывала в школе, где на концерте девочка спела “I’m your baby tonight”. Статья посвящена тлетворному влиянию западной культуры. Автор возмущается:

– Подумать только, что поют дети – ребёнок на ночь!

Из фильма «Рождество». Отец подходит к сыну, в одной руке – кувшин с молочно-белым напитком, в другой – стакан:

– **Would you like some eggnog?**

– Фаршированных яиц не хочешь?

Тот же фильм:

He told his Grandad to go with him.

Он сказал своему Грандаду пойти с ним.

Из переписки:

- **Thank you for sending me a copy of your thesis. I've already got a review from M. C. I think you'll receive it too.**
- Спасибо, что прислали мне копию диссертации. Я уже получил отзыв от Эм Си. Думаю, что он Вам вlepит два балла.

Из письменной работы студента отделения второго высшего образования факультета английского языка МГЛУ:

Он перевел дух и сделал ей предложение.
He translated the spirit and made her a sentence.

Из инструкции:

Photo 7 (left hand view)
Фото 7 (смотри с левой руки)

Фильм «Водный мир». Вопрос девушки Костнеру:

- **Is dry land beautiful?**
- Я тебе нравлюсь?

Что-то из Стивена Кинга (1992):

Girl from the magazine cover.
Девушка с магазинной обертки.

Из рецензии на фильм в газете «Новое русское слово»:

- **Brother, Where Art Thou?**
- Брат мой, где же искусство?

Из фильма “Sweet November”

- **Life is imperfect.**
- Жизнь идеальна, ты знаешь это.

Лаская собаку, девушка говорит парню:

- **Hey, by the way, when do I get to meet your parents?**
- Как насчёт того, чтоб найти его родителей?
(Из фильма “Sweet November”)

Перлы переводчиков (shit happens) compiled by Denis Shamiryan

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Нина Гернет

Сказка про лунный свет (Полный вариант)

Жил доктор. Он был очень старый и носил очки, потому что плохо видел. У доктора жил котёнок. Он был совсем маленький и весь чёрный, потому что таким родился.

Доктор с утра до вечера лечил детей, взрослых и стариков. А котёнок целыми днями гонялся за мухами, бабочками и птичками. Раз вечером доктор сидел за столом и читал газету. А на столе стояла электрическая лампа и светила доктору, потому что в темноте он читать не мог.

А котёнок лежал на полу и ловил свой хвост, потому что больше ловить было нечего: в комнате не было ни мух, ни бабочек, ни птиц. И котёнку не нужна была электрическая лампа, потому что кошки, даже самые маленькие, хорошо видят в темноте.

Вдруг в окно ворвался ветер, потому что доктор любил свежий воздух и держал окно открытым. Газета зашевелилась и зашуршала. Котёнок прыгнул на стол и бросился на газету, потому что подумал, что это шуршит мышка. По дороге он зацепил лампу. Лампа свалилась со стола, разбилась и потухла.

– Что это? – спросил доктор, потому что стало темно. А котёнок увидел, что он наделал, выскочил в окно и убежал. Он бежал мимо дома, мимо сада, мимо мельницы, мимо скошенного поля. И прибежал к горе.

Это была большая, высокая гора. И котёнок взбежал на гору, потому что не мог остановиться. А на горе стояла Луна, потому что она как раз с этой горы и всходила на небо. А возле Луны висело объявление: «Восход Луны ровно в семь часов. Посторонним вход воспрещается». Котёнок был посторонний, и ему, значит, тоже запрещалось подходить к Луне. Но он все-таки подошёл, потому что не умел читать.

Он вскочил на Луну, уселся и сидел очень долго. Так долго, что ему стало грустно и захотелось вернуться домой к старому доктору, к светлой лампочке и тёплой печке.

Он подошёл к краю Луны и присел, чтобы спрыгнуть. Но он не спрыгнул, потому что испугался. Гора была далеко и стала совсем маленькой.

Пока он сидел и грустил, Луна изошла и поднялась высоко в небо. А когда поднимаешься высоко всё, что внизу, кажется очень маленьким. Котёнок видел маленькие горы, маленькие реки и моря, потому что он умел ви-

деть в темноте. Но он боялся прыгать с такой высоты и смирно сидел на краю Луны.

Луна плыла над полями, и поля лежали, как тёмные одеяла. Луна плыла над морями, а вода в морях была совсем чёрная.

Луна плыла над городами, а в городах сверкали огоньки. И везде стояла тёмная ночь. Но на Луне было светло, потому что там было много лунного света. И котёнок зажмурился, потому что захотел спать. Он спал долго и не заметил, как Луна обошла вокруг всей Земли. А потом он подскочил и проснулся, потому что Луна стукнулась о гору.

Котёнок свалился на гору и увидел, что это была та самая гора. Котёнок скатился с неё и покатился мимо скошенного поля, мимо мельницы, мимо сада, мимо дома – до самой двери. Потому что не мог остановиться. И он вкатился в дом, потому что дверь была открыта.

В комнате за столом сидел доктор. Но не читал газету, потому что лампа разбилась, а он не умел читать в темноте. Доктор увидел котёнка и сказал:

– Что это? – потому что в комнате стало светло. А это светился котёнок. Вдруг ветер ворвался в окно, и газета зашевелилась. Котёнок вскочил на стол и прыгнул на газету. А с его чёрной шерсти посыпались искры, потому что котёнок весь вымазался в лунном свете, пока сидел на Луне.

Доктор сказал:

– Где моя платяная щётка?

Он нашёл щётку и хорошенько почистил котёнка, так что весь лунный свет осыпался на газету. Доктор стряхнул его в стакан, поставил стакан на стол и сказал:

– Этого света пока хватит. А завтра я куплю новую лампочку. И он начал читать газету.

А котёнок лёг на пол и принялся ловить свой хвост. А мимо дома, мимо сада, мимо мельницы, мимо скошенного поля тянулась узенькая тропинка из лунного света. Потому что с котёнка всю дорожку осыпался лунный свет.

«Своенравная речка «Кайдаловка»¹. 1906.

Кайдаловка-река
Не весьма глубока –
В ней частенько воды не бывает;
Но в истоках она,
Хоть водой и бедна,
Всё же светлой струей протекает,
Лишь от света свои
Кайдаловка струи
Меж болотными кочками прячет.
И бежит – не шумит,
Если где и журчит,

То как будто тихохонько плачет.
Скучно ей средь болот...
Не прорваться вперёд
Не с её видно бедною силой!...
Впереди ж сор валят
Да навоз громоздят,

И он служит ей грязной могилой!
Вот и стала бедна¹...

А когда-то она
Полноводною рекою катилась
И с весёлой семьёй –
Ингодой да Читой –
На простор к океану стремилась!...

---

¹ См. стихотворение в переводе на немецкий язык Анастасии Жеребцовой стр. 169.

Сведения об авторах

Александровский Сергей Анатольевич (Харьков, Украина)

Окончил факультет иностранных языков Харьковского госуниверситета. С 1982-го по 1989-й год работал на том же факультете внештатным преподавателем испанского и английского языков. Поэт-переводчик. Переводы с английского: Джон Мильтон. Возвращённый Рай (2001). В 2006 г. перевод опубликован Российской Академией Наук в серии «Литературные памятники», Джеффри Чосер. Книга о королеве. Птичий парламент (2004), Александр Монтгомери. Вишня и Тёрн. Сонеты (2007), Джон Китс. Малые поэмы (2012), Из шотландской поэзии XVI–XIX вв. (2012); Перевод с португальского – Фернандо Пессоа (1989); перевод с испанского – Хулиан дель Касаль. Хосе Марти. Среди сумерек и теней. Избранные стихотворения. (2011); Переводные стихи также опубликованы в антологиях: «Шедевры любовной лирики. Зарубежная поэзия. Серия: Мировая классика» (2005), «Строфы века», «Строфы века-2», «Век перевода» (тт. 1–3), «Семь веков английской поэзии» (тт. 1–3. (2007). В 2007 году вышла в свет книга «Факсимиле. Стихотворения и переводы». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Балдоржиев Цырен-Ханда (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Заб. край)

Учился в Благовещенском госпедуниверситете и на историко-филологическом факультете Читинского госпединститута им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский русскоязычный писатель, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г., член Совета Всебурятского Центра развития культуры. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. Кавалер медали А. С. Пушкина (2008). Работал трактористом, чабаном, пастухом, стригалём. Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992) и др. Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Белокрылов Иван Александрович (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт-переводчик, журналист. Служил в армии. Работал геологом, плотни-

ком, дворником, редактором. Автор сборника стихов и переводов «Солнечное сплетение» (2002). Участник международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония, 1996, 2000). Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001). Член Союза писателей, Союза переводчиков и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Стихи и философские миниатюры переведены на македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, венгерских, английских, итальянских, китайских и мальтийских поэтов.

Боброва Ирина Анатольевна (Чита)

Окончила университет им. Гумбольдта в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии и лингводидактики. Работает заместителем директора ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Является одним из авторов учебного пособия для студентов немецкого отделения педагогических университетов «Мой край – Забайкалье» (2009). Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

Брилёва Валентина Родионовна (Чита)

Работает в городской библиотеке им. М. М. и Е. П. Нарышкиных. Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор трёх персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость прежде всего пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009).

Букина Елена Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Автор учебных пособий *Feminism and Women' Issue* (2009), *Making a Good Presentation in English* (2012). Занимается гендерными исследованиями.

Васильев Владимир Ефимович (Санкт-Петербург)

Поэт-переводчик. Окончил переводческий факультет (французское отделение) Первого Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков. С 1955 до пенсионного возраста – сотрудник Библиотеки Академии наук СССР (ныне Российской академии). В 1975 году принят в Союз писателей СССР, в 1992 – в Союз писателей Санкт-Петербурга, в 2007 – в Союз Мастеров литературного перевода, в

2008 – в Союз российских писателей. Основные публикации: Испанская классическая (иллюстратор Михаил Шемякин), Французская классическая и Английская классическая эпиграмма (последняя вместе с переводами С. Маршака), выпущенные московским издательством «Художественная литература» соответственно в 1970, 1979 и 1987 годах; двуязычная Антология французской эпиграммы = *Anthologie de l'épigramme française*. (М., 2006). Является также составителем, автором вступительных статей и активным переводчиком четырёхтомной антологии «Всемирная эпиграмма» (СПб., 1998); двухтомника: Лафонтен, Жан де. Полн. собр. басен в XII кн. Илл. Гюстава Доре. (СПб., 2009) и кн.: Французская басня в переводах русских поэтов = *Fables françaises traduites par les poètes russes*. (М., 2009). За «Всемирную эпиграмму» отмечен Царскосельской премией; книга премирована также Ассоциацией книгоиздателей России – АСКИ – как лучшее издание года в номинации «За вклад в укрепление взаимопонимания между народами» (по определению Московского отделения ЮНЕСКО). За «Антологию французской эпиграммы» получил премию им. М. Н. Ваксмахера, присуждаемую французским посольством в Москве переводчику книги. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Веллер Торстон (Германия)

В 2005 г. поступил на факультет общественных и экономических наук университета Бамберга, где изучал политологию и социологию. В 2007 г. получил стипендию им. Еразмуса и в течение года учился в университете «Париж–10 Нантер». В 2010 г. окончил французский институт геополитики. В 2010/11 уч. г. изучал русский язык в ДВФУ во Владивостоке. С сентября 2011 г. работает лектором фонда им. Роберта Боша на факультете иностранных языков ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского.

Вэй Хунбо (КНР)

Окончил Хулунбуирский институт, бакалавриат и магистратуру Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. В настоящее время является аспирантом Забайкальского государственного университета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. В. Воронченко.

Епишкин Николай Иванович (Чита)

Филолог-лингвист. Специалист в области лексикографии. Составитель Исторического словаря галлицизмов русского языка (Москва, 2010).

Жеребцова Анастасия Андреевна (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н. Г. Чер-

нышевского. Работает в архиве Забайкальского государственного университета, а также преподаёт немецкий язык в Забайкальском лингвистическом центре «Прогресс». Является победителем и лауреатом нескольких конкурсов поэтов-переводчиков. Переводит с немецкого и русского языков.

Зельдович Геннадий Моисеевич (Варшава, Польша)

Доктор филологических наук, профессор Варшавского университета. Родился в Харькове, где жил до 1999 года. В настоящее время живёт и работает в Польше. Переводчик поэзии с английского, польского, испанского, португальского и французского языков. Главные публикации: Б. Лесьмян. Зелёный жбан. Избранные стихи в переводе Геннадия Зельдовича, с предисловием Андрея Богуславского (Торунь, 2004); Последняя каравелла. Антология поэтических переводов (Москва, 2006).

Квятковская Майя Залмановна (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камозэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Ковалёва Ирина Владимировна (Москва)

Окончила 2-й МОЛГМИ и Литературный институт имени А. М. Горького. В 1990 г. была удостоена премии Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, неоднократно принимала участие в работе международного фестиваля в Македонии «Стружские вечера поэзии». Член Союза писателей Москвы и Союза российских писателей. В 1996 году вместе с поэтами Леонидом Володарским и Иваном Белокрыловым основала Независимую писательскую ассоциацию «Лютня Ориолы». В 2001 году за переводы средневековой поэзии получила Большую премию Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук. Переводит стихи английских, македонских, сербских, хорватских, венгерских, болгарских и русинских авторов. В 2001 г. стала лауреатом премии журнала СП Москвы «Кольцо А». Основные книги (поэзия): «Четвёртая троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002). Стихи вошли в антологию «Русская поэзия – XX век». Автор многих публици-

стических статей из области медицины. Победитель (I место) открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Макаров Борис Константинович (с. Акша, Заб. край)

Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Маркелова Ольга Александровна (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора). Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахе «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова).

Маркова Нина Алексеевна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинских словарей флоры и фауны в помощь переводчику.

Панкратова Элеонора Леонидовна (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Представитель России в международной комиссии FIT по литературному переводу. Почётный член Гамсуновского общества. Член международной ассоциации скандинавистов IASS. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмунена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (Афтенпостен Проза Forfatteren) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

Переяслов Николай Владимирович (Москва)

Окончил заочно Литературный институт имени А. М. Горького. Поэт, критик, прозаик, журналист. Работал шахтёром, геологом, инструктором туризма, завхозом в геологической партии, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, секретарём Правления Союза писателей России, помощником мэра Москвы и на других работах. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, Германии, Болгарии, США, Китая и других стран. Автор 21 книги стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник Первой Международной поэтической конференции в Каире, Конгресса народов России в Якутске, Выездного пленума Союза писателей России в Чечне, Дней литературы в Ереване, Белгороде, Липецке, Ашхабаде, Харькове, Гурзуфе, Якутске и других городах. Лауреат Большой литературной премии России (2006), победитель конкурса Совета муфтиев России «Пророк Мухаммад – милость для миров – 2010» и других наград.

Сагратян Ашот Аристакович (Москва)

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим

семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевел 27 книг. Пишет сказки. За уникальные разработки в области этнопедагогики в 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. По его письму в Политбюро в 1988 г. в Москве была открыта первая национальная воскресная школа. А. Сагратян – участник международных симпозиумов. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвящённой 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвящённый 65-летию Великой Победы. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Сапёлкин Андрей Александрович (Владивосток)

Филолог-лингвист. Кандидат исторических наук. Заведующий кафедрой иностранных языков Государственной Дальневосточной Академии искусств в г. Владивостоке. Переводит с итальянского, английского, немецкого, французского и польского языков. В настоящее время работает над докторской диссертацией по филологии. Работа посвящена поэтическому творчеству итальянского поэта (и композитора) Арриго Бойто. Автор перевода на русский язык основных произведений Бойто, а также стихов некоторых других скапильятов. В 2011 году в Германии в издательстве LAP LAMBERT вышла монография «Поэтическое творчество Арриго Бойто. Дуализм личности».

Славоросова Евгения Алексеевна (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Работает шеф-редактором познавательного журнала «Детская школьная академия». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд». Написала несколько сказочных повестей для детей. Публикует статьи на темы литературы и искусства в журнале «Чудеса и приключения». Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Стельмак Ольга Викторовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, руководитель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Основные работы: «Англо-русский учебный словарь экономических и коммерческих терминов» (1993), словари в помощь переводчику: Англо-русский словарь стихотворных терминов, Англо-русский словарь цветоименований, Англо-русский словарь поэтизмов (2002); учебные пособия для студентов «Britain Is Never Distant» (1995), «Business English» (1996). Книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда ...» (1998), 2-е изд. (2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз ...» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслаждение...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники» (2012), «Российские поэты» (2012), Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

Суханова Татьяна Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Ленинграде. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Переводит стихи забайкальских поэтов с русского на английский язык, переводит также буклеты, фотоальбомы, озвучивает видеофильмы о Забайкалье на английском языке, выполняет письменные переводы различной тематики. Участник программы фонда «Оксфорд – Россия» по преподаванию современной британской художественной литературы в вузах. Координатор работы кафедры с американской некоммерческой организацией «Сибирские мосты». Редактор и постоянный автор раздела «Земля Даурская», а также член редколлегии журнала «Переводчик».

Ушникова Ольга Валентиновна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Санкт-Петербурге. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. В соавторстве опубликовала учебное пособие «Students' Guide to American Film History, Film Making and Film Evaluating» (2004). Автор учебных пособий: «Студенческая жизнь» на английском языке (2005), «Управляй своей карьерой» (2008), «Теория и практика перевода» (2009). Действительный член СПР. Является одним из постоянных авторов раздела «Земля Даурская» журнала «Переводчик».

Фарниева Эльвира Казбековна (ст. Архонская, Республика Северная Осетия-Алания)

Окончила филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. Филолог, несколько лет преподавала в школе. В настоящее время работает в Центре профилактики социального сиротства и развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Моя семья». Пишет в различных жанрах – фэнтези, приключения, юмор. Начала переводить сравнительно недавно. Первый перевод рассказа К. Маккарти «Глядя на Сьюзан» был опубликован в журнале «Новая Юность», № 5 за 2012 г. Готовится к выходу сборник «Новые писатели–2013» по итогам 12 Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья с переводом рассказа Элианор Портер «Юпитер Энн». Участник Школы Перевода В. Баканова.

Фельдман Евгений Давыдович (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Перевёл более половины стихотворных произведений Китса, две трети из творческого наследия Бёрнса, треть всего поэтического наследия Киплинга. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (М., 2007), Джон Китс «Эндимион» (Харьков, 2008), Роберт Бёрнс «Былые времена» (Харьков, 2009, Омск, 2012). В 2010 году в переводе Е. Фельдмана издательство «Фолио» (Киев) выпустило в свет сборник стихотворений Редьярда Киплинга «Кабульский брод». В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы

книги: Р. Бёрнс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награждён Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России», Почётным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (апрель 2013 г).

Флешлер Ольга Исааковна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Москве. Кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса, туризма и языкознания Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Автор перевода на английский язык книги Вс. Овчинникова «Вознесение в Шамбалу» (The Road to Shambala – New World Press: Beijing, 1995). Среди других публикаций – учебные пособия для студентов: «Intermediate English Grammar through Video» (2001), «Cross-Cultural Reading» (2005), «Through English and beyond from A to Z» (2005), статья «On EEL Grammar Instruction, or What we Do That Could Be New to You» (ESL Magazine. – Chicago, 2005). В 2008 году в соавторстве опубликовала учебное пособие «Практика перевода в комментариях и упражнениях».

Чугунова Светлана Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по зарубежной литературе в Чите. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета. В 2009 году стала руководителем проекта «Языковая картина мира и творческая личность в условиях трансграничья» (ГК № П729 от 02.08.2009), который выполнялся в течение трёх лет в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. В 2012 году руководила проектом по проведению международной молодёжной конференции «Современное иноязычное образование в формировании интеллектуального капитала России», выполненного в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. В 2012 году стала руководителем 3-х летнего проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Современная британская проза в вузовском образовании». Участвовала в различных международных конференциях в России и за рубежом (Турция, КНР, Кипр).

Научно-художественный журнал «Переводчик»
/Статистика/

***За 2001 – 2012 гг. опубликованы переводы с 26 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка
на иностранные***

Английский язык

Армянский язык

Бурятский язык

Венгерский язык

Вьетнамский

Грузинский язык

Датский язык

Ивритский язык

Исландский язык

Итальянский язык

Испанский язык

Китайский язык

Корейский язык

Латинский язык

Мальтийский язык

Монгольский язык

Немецкий язык

Норвежский язык

Польский язык

Португальский язык

Русинский язык

Русский язык

Татарский язык

Французский язык

Хорватский язык

Якутский язык

Японский язык

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 13

Главный редактор О. В. Стельмак
Обложка и оформление О. Н. Терешина
Корректор И. Н. Силицкая

Подписано в печать 27.04.13. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Способ печати оперативный. Усл.печ.л. 15,0. Уч.-изд.л.15,8.
Заказ № 06613. тираж 300 экз.

Забайкальский государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России
Факультет филологии и массовых коммуникаций
Контактный телефон 8-(302)2-26-86-55
E-mail stelmak@pochtamt.ru